

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

— 338 —
ТОМЪ ТРИЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Генваря 25 дня 1862 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

Цензоръ, экстраординарный профессоръ, священникъ Филаретъ *Сергіевскій*.

БЕСѢДА 8.

(4, 8.) *Гряди отъ Ливана невѣсто, гряди отъ Ливана: приди и преиди изъ начала вѣры, отъ главы Сашира и Аермона, отъ оградъ львовыхъ, отъ горъ пардалевъ. (9) Сердце наше привлекла еси сестро Моя невѣсто, сердце наше привлекла еси единыиъ отъ очію твоею, единою (а), моно-стоиъ выи твоея.*

Великій Апостолъ, описавшій Коринѣянамъ великія видѣнія, когда, какъ говорилъ, пришелъ въ недоумѣніе объ естествѣ своемъ, тѣломъ ли оно было, или мыслию, вовемя тайноводства въ раю, свидѣтельствуя о семъ, говоритъ: *себе не у помышляю достигши, но еще въ предняя простираюся*, предавая забвенію предшествовавшее (Фил. 3, 13.), то есть, и послѣ онаго третіяго неба, которое позналъ онъ одинъ (потому что Моисей ничего не повѣдалъ о немъ въ книгѣ міробытія), и по неизреченномъ слышаніи таинъ рая, простирается еще къ высшему, и не прекращаетъ восхожденія, приобрѣтеннаго блага не полагая предѣломъ вождельнію. а симъ, какъ думаю, научая насъ, что, хотя и много всегда обрѣ-

(а) Погречески читается: *ἐν μιᾷ ἐκδιμίτι τριζήλων σοῦ.*

тается онаго блаженнаго естества благъ, однакоже непрестанно приобрѣтаемаго въ безконечное число кратъ больше то, что еще выше, и это завсегда бываетъ съ причащающимся благъ, по причинѣ во всю вѣчность вѣковъ продолжающагося въ причастникахъ приращенія все большихъ и большихъ благъ. Ибо чистый сердцемъ, по неживому слову Владыки, видитъ Бога (Матѣ. 5, 8.), всегда, по мѣрѣ силы, столько приемлетъ разумнія, сколько можетъ вмѣстить. Неопредѣлимое и не уловимое въ Божествѣ остается за предѣлами всякаго постиженія; потому что великолѣпію славы *нѣсть конца* (Пса. 144, 3.), какъ свидѣтельствуемъ Пророкъ. Божество всегда тождественно и всецѣло умпредставляется на одной и той же высотѣ, какъ и великій Давидъ, полагавшій благія *восхожденія* (Пса. 83, 6.) *въ сердцѣ* и восходившій всегда *отъ силы въ силу* (8.), воззвалъ къ Богу: *Ты же вышній во вѣкъ Господи* (Пса. 91, 9.), симъ изреченіемъ, какъ думаю, давая разумѣть, что во всю вѣчность нескончаемаго вѣка стремящійся къ Тебѣ, хотя непрестанно дѣлается большимъ и высшимъ себя самого, соразмѣрно этому всегда возрастая въ восхожденіи благъ; но Ты тотъ же вышній, во вѣкъ пребывавшъ, и никогда не можетъ показаться восходящимъ вверхъ, будто бы сталъ Ты ниже для нихъ, потому что Ты всегда въ равной мѣрѣ выше и превосход-

нѣе силы возвышаемыхъ. И такъ, сему-то, по нашему понятію; учить Апостоль объ естествѣ неизреченныхъ благъ, говоря, что онаго блага око не познаеть, хотя бы и непрестанно видѣло; потому что видитъ не сколько есть, но сколько можно оку вмѣстить, и ухо не слышитъ въ полной мѣрѣ означаемаго, хотябы слухомъ и непрестанно воспринимало слово; и на сердце человѣку не входитъ, хотя бы чистый сердцемъ и видѣлъ всегда сколько можно; потому что, хотя вновь постигаемое больше всего постигнутого прежде, однакоже оно не опредѣляетъ собою искомаго, но конецъ обрѣтеннаго служить началомъ для восходящихъ къ обрѣтенію высшаго. И восходящій никогда не останавливается, отъ одного начала заимствуя другое начало, и начало всегда большаго не заканчивается самимъ собою; потому что пожеланіе восходящаго не останавливается на познанномъ, но душа, въ слѣдствіе другаго еще большаго пожеланія, восходя по порядку къ новому высшему, шествуетъ всегда отъ высшаго къ высшему до безпредѣльности.

Но послѣ такого разъясненія сихъ понятій время присовокупить обозрѣніе божественныхъ словъ: *гряди отъ Ливана невѣсто, гряди отъ Ливана: прійди и прейди изъ начала вѣры, отъ главы Санира и Аермона, отъ оградъ львовыхъ, отъ горъ пардалеовъ.* По сему, что же примѣ-

чаемъ въ этомъ? Источникъ благъ всегда привлекаетъ къ себѣ жаждущихъ, какъ въ Евангеліи говоритъ сей Источникъ: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ, и пьетъ* (Іоан. 7, 37.). Въ словахъ сихъ не положилъ Господь предѣла ни жадѣ, ни стремленію къ Нему, ни наслажденію питіемъ; напротивъ того, не назначивъ опредѣленнаго времени въ повелѣніи, симъ самымъ подастъ совѣтъ непрестанно и жаждать, и пить, и имѣть къ Нему стремленіе. А вкусившимъ уже, и на опытѣ дознавшимъ, *яко блазъ Господь* (Пса. 33, 9.), вкушеніе сіе дѣлается какъ бы нѣкимъ убѣжденіемъ приобщиться большаго. По сему никогда не оскудѣваетъ для восходящаго предлагаемый ему совѣтъ, привлекающій всегда къ большему. Ибо припомнимъ о побужденіи Слова, какое въ сказанномъ прежде уже неоднократно дѣлаетъ невѣстѣ: *приди, ближняя Моя*, говоритъ Оно; и еще: *приди голубице Моя*; и: *приди въ покровъ камень*. И другія подобныя воззванія, побуждающія и привлекающія къ вожделѣнію большихъ благъ, сдѣлавъ душѣ; засвидѣтельствовавъ, что душа, восходящая къ Нему, уже во всемъ непорочна, сказавъ: *вся добра еси и порока нѣсть въ тебѣ*, чтобы, возгордившись симъ свидѣтельствомъ, не встрѣтила въ семъ пренятствіи въ восхожденіи къ большему, снова убѣдительно симъ гласомъ повелѣваетъ восходить,

вождедѣвая выспреннихъ благъ, и говоритъ: *гряди отъ Ливана невѣсто*. А смыслъ сказаннаго таковъ: прекрасно въ предшествовавшее сему время послѣдовала ты Мнѣ, говоритъ Слово, и пришла за Мною къ горѣ смиренной; потому что *спогреблась Мнѣ крещеніемъ въ смерть* (Рим. 6, 7.); сопровождала Меня и къ холму Ливанску; ибо совопала со Мною и возвысилась въ общеніи Божества, на которое указываетъ имя Ливана. Взойди же съ нихъ и на другія горы, преснѣвая и возвышаясь яснымъ вѣдѣніемъ. По сему *гряди отъ Ливана*, говоритъ Слово, не уневѣщиваемая только, но уже невѣсто; ибо невозможно сожителствовать Мнѣ съ тѣмъ, кто смиренною смерти не измѣненъ въ божественность Ливана. Поелику стала ты уже на этойъ высотѣ; то не останавливайся въ восхожденіи, какъ будто чрезъ это достигшая уже совершенства. Началомъ вѣры служить тебѣ этотъ Ливанъ, котораго приобщилась ты воскресеніемъ, — но и началомъ въ шествіи къ высшимъ благамъ. Посему *изъ сего начала*, которое есть вѣра, *прииди и преиди*, то есть, и теперь продолжай идти, и непрестанно продолжая шествіе, не прекращай таковыхъ восхожденій.

Буквально же читается такъ: *прииди и преиди изъ начала вѣры, отъ главы Санира и Дермона*. Симъ указываетъ Слово на тайну рожденія свѣше. Ибо отсюда, какъ сказываютъ,

вытекають источники Иордана; за ними лежит эта гора, раздѣляемая на два гребня, которымъ приданы сіи имена: Саниръ и Аермонъ. И такъ, поелику изъ сихъ источниковъ составившійся потокъ сдѣлался для насъ началомъ обоженія, то посему-то Невѣста слышитъ отъ призывающаго ее къ Себѣ сіи слова: *гряди отъ Ливана, изъ начала вѣры, отъ главы сихъ высотъ, откуда простились для тебя источники таинства.* Весьма же кстати присовокупляетъ Слово упоминаніе о львахъ и леопардахъ (б), чтобы прибавленіемъ скорбнаго сдѣлать болѣе пріятнымъ наслажденіемъ тѣмъ, что увеселяетъ. Человѣкъ, сложивъ съ себя нѣкогда Божественный образъ, по подобію безсловесной природы измѣнился въ звѣря, по причинѣ лукавыхъ своихъ предначинаній ставъ леопардомъ и львомъ. Ибо кто увлеченъ львомъ, подстерегающимъ въ оградѣ, какъ говоритъ Пророкъ (Пса. 10, 30.), и въ сѣти его смиренъ, тотъ, какъ скоро превозможетъ естество звѣря, преобразуется въ его природу, по сказанному: *подобни илз да будутъ творящии я, и вси надлющися на ня* (Пса. 113, 16.). А подобно сему дѣлается леопардомъ, кто житейскими сквернами запятналъ душу. И такъ, поелику было время, когда въ этомъ состояніи нахо-

---

(б) Или пардалахъ.

дилось челоѡѡчество, содержимое въ заблужденіи идолослуженіемъ, іудейскимъ оболъщеніемъ, и разнообразною злобою грѣшниковъ, а послѣ Іорданомъ, Смирною и Ливаномъ возвышено до того, что уже превыспренно шествуетъ съ Богомъ; то по сей причинѣ Слово увеличиваетъ веселіе, доставляемое настоящими благами, присовокупленіемъ описанія бывшихъ нѣкогда печалей, какія ощущала душа прежде Ливана и начала вѣры, прежде нежели познаны нами Іорданскія тайинства. Какъ мирная жизнь бываетъ пріятнѣе послѣ войны, услаждаемая грустными разсказами, и какъ благо здравія болѣе услаждаетъ чувствилища нашего тѣла, если природа изъ какаго либо болѣзненнаго состоянія снова приходитъ сама въ себя: такъ добрый Женихъ, устрояя, чтобы блага веселія для приходящей къ Нему души получили большую силу и стали многочисленнѣе, не только показываетъ невѣстѣ ея красоту, но и напоминаетъ въ словѣ о страшномъ звѣриномъ видѣ, чтобы тѣмъ паче услаждалась настоящими добротами, дознавъ по сравненію, изъ чего и во что она измѣнена. А можетъ быть, что этимъ и другое нѣкое благо промыслительно уготовляется невѣстѣ. Поелику Слову угодно, чтобы мы, по природѣ перемѣнчивые, своею перемѣнчивостію не увлекались въ зло, а напротивъ того, при непрестанномъ возрастаніи въ лучшемъ, измѣняемость сію обращали въ содѣй-

ствіе себѣ при восхожденіи къ высшему, такъ чтобы по измѣняемости природы нашей, преспѣвать намъ въ неизмѣняемости во зло; то по сему самому Слово какъ бы наставникомъ и стражемъ какимъ для устраненія насъ отъ худыхъ дѣлъ придало намъ памятованіе объ обладавшихъ нѣкогда нами звѣряхъ, чтобы съ отвращеніемъ отъ худшаго преспѣвали мы неуклонностію и неизмѣнностію въ добрѣ, не останавливаясь при обращеніи къ лучшему, и не обращаясь къ злу. Посему-то Женихъ повелѣваетъ невѣстѣ придти отъ Ливана, напоминаетъ ей объ оградѣ львовъ, въ которой водворялась, и описываетъ въ словѣ горы леопардовъ, на которыхъ пребывала, когда питалась вмѣстѣ съ звѣрями.

Но поелику гласъ Слова всегда есть гласъ силы; то, какъ при твореніи свѣтъ возсіялъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ, также съ изреченіемъ повелѣнія составилаь вмѣстѣ твердь, и подобно и прочая вся тварь появилась вмѣстѣ съ творческимъ Словомъ, такъ и нынѣ, когда Слово душѣ, содѣлавшейся лучшею, повелѣло придти къ Нему; душа, приведенная въ силу повелѣніемъ, немедленно дѣлается благоугодною Жениху,—претворившись въ божественную, и отъ славы, въ какой была, добрымъ измѣненіемъ преобразившись въ высшую славу, такъ что дѣлается чудомъ для лика окружающихъ Жениха Ангеловъ; и всѣ благого-

вѣйно обращаютъ къ ней гласъ удивленія: *сердце наше привлекла еси сестро наша невесто.* Ибо черта безстрастія, одинаково сіяющая и въ ней и въ Ангелахъ, въ родство и братство съ безплотными вводитъ и ее, еще во плоти преуспѣвшую въ безстрастіи. Посему-то говорятъ ей: *сердце наше привлекла еси сестро наша невесто.* Тѣмъ и другимъ именемъ величаемая въ собственномъ смыслѣ, ты сестра наша по безстрастному сродству, и невеста по союзу съ Словомъ. Означаемое же словами: *привлекла еси сердце,* какъ думаемъ, таково же, какъ и выражаемое словомъ: ты одушевила. Друзья Жениховы какъ бы такъ говорятъ невестѣ: ты вложила въ насъ сердце. Но для ясности, чтобы сказанное сдѣлалось для насъ еще болѣе понятнымъ, въ помощники къ истолкованію сихъ тайнъ возьмемъ божественнаго Апостола. Ибо въ одномъ мѣстѣ словесъ своихъ, пиша къ Ефесеямъ, когда изображалъ великое домостроительство совершеннаго для насъ богоявленія во плоти, говоритъ онъ, что не человѣческій только родъ наученъ былъ Божественнымъ сея благодати тайнамъ, но и началамъ и властямъ небеснымъ содѣлана извѣстною многоразличная премудрость Божія, явленная домостроительствомъ Христовымъ у человѣковъ. Буквально же мѣсто сіе читается такъ: *да скажется началомъ и властямъ на небесныхъ Церковію много-*

различная премудрость Божія: по предложенію въкѣ, еже сотвори о Христвъ Исусъ Господь нашемъ, о Немъже имамы дерзновеніе и приведе-
 ніе въ надьяніи въроу Его (Ефес. 3, 10—12.). Ибо дѣйствительно Церковію сказуется пре-
 мѣрнымъ силамъ многоразличная премудрость
 Божія, совершающая великія чудеса чрезъ
 противоположное. Какъ произошла жизнь отъ
 смерти, правда отъ грѣха, благословеніе отъ
 клятвы, слава отъ безчестія, и сила отъ не-
 мощи? Въ предшествовавшія сему времена
 премѣрныя силы знали единую простую, еди-
 новидную Божию премудрость, сообразно съ
 естествомъ творящую чудеса. И никакого раз-
 нообразія небыло въ видимомъ ими въ томъ,
 что естество Божіе есть (в) сила, со властію
 совершаетъ всякую тварь, единымъ движеніемъ
 воли приводя въ бытіе естество существъ, и,
 что только истекаетъ изъ источника добротъ,
 творитъ добра злю (Быт. 1, 31.). Многораз-
 личному же сему виду премудрости, состоя-
 щей изъ соплетенія противоположностей, нынѣ
 ясно научены (г) они Церковію, научены,
 почему Слово дѣлается плотію, почему жизнь
 входитъ въ общеніе съ смертію, почему соб-
 ственною Своею язвою исцѣляетъ нашу язву,

(в) Въ рукописи вмѣсто *ἐχουσα* читается *ἐναι*.

(г) По рукописи: *ἐδιδάχθησαν*.

почему немощію креста препобѣждаетъ силу сопротивника, почему невидимое является во плоти, какъ искупаетъ плѣнныхъ, Самъ будучи купцемъ, и Самъ служа платою за покупку; потому что Себя Самого отдалъ за насъ въ искупительную цѣну смерти; какъ и смерти предается, и жизни неоставляетъ, какъ и рабству приобщается и пребываетъ Царемъ. Ибо всѣ сіи и подобныя симъ, подлинно разнообразныя и не простыя дѣла премудрости, отъ Церкви дознавъ друзья Жениховы, привлечены были сердцемъ, уразумѣвъ въ таинствѣ другую отличительную черту Божіей премудрости. И если не смѣло будетъ сказать, и они, съ помощію невѣсты увидѣвъ красоту Жениха, удивились, можетъ быть, тому, что для всѣхъ существъ невидимо и непостижимо. Ибо Тотъ, Кого *никто же нигдѣже видѣти* (1 Іоан. 4, 12.), какъ говоритъ Іоаннъ, *ниже видѣти кто можетъ* (1 Тим. 6, 16.), какъ свидѣтельствуемъ Павелъ, содѣлалъ Церковь тѣломъ Своимъ, и приумноженіемъ спасаемыхъ созидаетъ ее въ любви, *дондеже достигнемъ вси въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13.). Посему, если Церковь есть тѣло Христа, а Христось глава тѣлу, и по Своимъ отличительнымъ чертамъ образуетъ лице Церкви; то, можетъ быть, друзья Жениховы, съ помощію одного усматривая другое, привлечлись сердцемъ, потому

что въ церкви яснѣ видятъ Невидимаго. Какъ тѣ, которые не въ состояніи видѣть самый кругъ солнца, смотрятъ на него при помощи луча отъ воды: такъ и они, какъ въ чистое зеркало, смотря въ лице церкви, видятъ солнце правды, уразумѣваемое по видимому ими.

По сей то причинѣ -- неоднократно друзьями сказано невѣстѣ: *сердце наше привлекла еси*, то есть, вложила ты въ насъ собою нѣкую душу и смыслъ къ уразумѣнію свѣта; но п снова произносятъ они тоже слово, повтореніемъ придавая достовѣрность сказанному. Ибо, тоже повторяя, говорятъ: *сердце наше привлекла еси единымъ отъ очію твою*; то есть, сіе всего болѣе произвело въ друзьяхъ чудное расположеніе къ невѣстѣ. Послику зрительная дѣятельность души двояка: одна усматриваетъ истину, а другая блуждаетъ вокругъ суетнаго; то, такъ какъ чистое око невѣсты отверсто на одно естество добра, другое же ея око, безъ сомнѣнія, остается бездѣйственнымъ; по-сему самому друзья восписуютъ хвалу *единому* оку, которымъ однимъ созерцаетъ Единаго, разумію онаго Единаго, въ непремѣнномъ и вѣчномъ ествѣ сообщемлемаго, истиннаго Отца, Единороднаго Сына и Святаго Духа. Ибо въ подлинномъ смыслѣ едино созерцаемое въ единомъ ествѣ, такъ что различіе по вностаніямъ не производитъ никакого от-

дѣленія, или отчужденія. Между тѣмъ какъ иные разными очами, во вредъ себѣ изошренными до того, что видятъ несуществующее, въ представленіяхъ извращенныхъ очей единое дѣлятъ на многія естества. Таковы, такъ называемые, многовидящіе, которые по тому, что имѣютъ въ виду многое, ничего не видятъ. И всѣ тѣ, которые, хотя теперь и взираютъ на Бога, но снова вводятся въ заблужденіе вещественными представленіями, недостойны хвалы ангельской, какъ безумно представляющіе себѣ не существующее. А кто острозрителемъ для одного Божества, тотъ слѣпъ для всего инаго, на что только обращены взоры многихъ. Посему невѣста единымъ окомъ творить чудо для друзей. Какъ слѣпъ многоочитый, который многими очами смотритъ на суетное; такъ острозрителемъ и прозорливъ, кто однимъ душевнымъ окомъ смотритъ на одно,—на доброе.

Кто же сія единая, или что значитъ монистъ выи невѣстиной, не трудно заключить по изслѣдованному, хотя чтеніе и кажется нѣсколько неяснымъ по связи рѣчи. Ибо писаніе говоритъ такъ: *сердце наше присклекла еси единымъ отъ очію твоею, единою, монистомъ выи твоея*, такъ что слово: *единою* соотвѣтствуетъ выраженію: *единымъ отъ очію твоею*, потому что разумѣемъ оное съ дополненіемъ: *единою душою*. Ибо много бываетъ душъ въ каждомъ

изъ людей невѣжественныхъ, въ которыхъ страсти, по причинѣ обладанія ими, занимають мѣсто души, отличительное ея свойство превращая въ печаль, удовольствіе, раздражительность, боязнь, робость, дерзость. О той же, которая обращена къ Слову въ единообразіи добродѣтельной жизни, свидѣтельствуется, что живетъ *одною* душою. Посему рѣчь должна быть раздѣлена такъ, что слово: *единою* по понятію соединено съ предыдущимъ (д), и по нашему разумѣнію значить или *единою* душою, или *единою* настроенностію духа; а слѣдующее за симъ выраженіе: *монистомъ выи твоея* имѣетъ другій смыслъ. Почему иной, цѣлую рѣчь прелагая въ болѣе ясную, могъ бы сказать: и око у тебя одно, потому что на одно взираетъ, и душа одна, потому что не дѣлится на разныя расположенія, имѣетъ совершенство и положеніе выи Твоей, подъявшей на Себя Божественное иго. Посему *въ монистъ выи твоея* видимъ иго Христова, а въ расположеніи къ дѣйствительно доброму—одно око и одну душу. И по этому сознаемся, что привлекла ты сердце наше чудесами своими, показывая одно око и одну душу *монистомъ выи твоея*, *Монистъ* же *выи* невѣстиной, какъ сказано, есть иго.

(д) По рукописи читается τῷ προλαβόντι.

Итакъ вотъ похвала Ангеловъ, какую воздали они красотѣ невѣсты; ибо понимаемъ такъ, что друзья Жениховы суть ангелы. А чтобы не подумалъ кто, будто бы похвала ихъ безразсудна и погрѣшительна, сужденіе друзей о красотѣ невѣсты подтверждаетъ Слово Своимъ приговоромъ, и въ засвидѣтельствованіе красоты Само присовокупляетъ еще большія чудеса, описывая въ рѣчи своей красоту видимую въ самыхъ членахъ, каковую, дастъ Богъ, и представимъ въ послѣдующемъ, если при содѣйствіи свыше достанетъ у насъ силы къ уразумѣнію тайнъ, къ познанію красоты церкви и къ похвалѣ славы благодати Божіей о Христѣ Иисусѣ. Ему подобаешь всякая слава во вѣки! аминь.

В Е С Т Ъ Д А 9.

(4, 10) *Что удобръста сосца твоя сестро Моя невѣсто? Что удобръста сосца твоя паче вина, и воия ризъ твоихъ паче всѣхъ ароматъ?* (11) *Сотъ искапаютъ устнѣ твои невѣсто, медъ и млеко подъ языкомъ твоимъ, и благовоніе ризъ твоихъ, яко благоуханіе Ливана.* (12) *Вертоградъ заключенъ сестро Моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатльнъ.* (13) *Льто-расли твоя садъ шипковъ съ плодомъ яблочнымъ, кипри съ нардами:* (14) *нардъ и шафранъ, тростъ и киннамонъ, со всѣми древами ливан-*

скими, Смирна, алой со всьми первыми мѣрами. (15) Источникъ вертограда и кладязь воды живы и истекающія отъ Ливана.

Аще воскреснете со Христомъ: юрняя мудрствуйте, не земная. Вотъ чтоъ сказуетъ намъ Глаголющій въ Павлѣ! Умросте бо, продолжаетъ, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозь. Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитесь во славь (Кол. 3, 1—4.). Посему, если дольнимъ естествомъ стали мы мертвы, упованіе жизни преселивъ съ земли на небо, и жизньъ плотская сокрыта въ насъ, по приточному слову, въ которомъ сказано: премудрїи скрываютъ чувство (Притч. 10, 14.); ожидаемъ же, что явится въ насъ жизньъ истинная, которая есть Христосъ, такъ что и мы явимся во славь, претворившись въ Божественное; то и предлагаемое теперь выслушаемъ, какъ умершіе тѣломъ, а неувлекаемые сказаннымъ къ плотскому смыслу; потому что омертвѣвшій для страстей и похотей значенія реченій будеть относить къ тому, что чисто и не растлѣнно, мудрствуя горняя, идльже есть Христосъ одесную Бога сядя (Кол. 3, 1.), въ которомъ нѣтъ страсти, понятія же низскія и по землѣ пресмыкающіяся предавая забвенію. Посему выслушаемъ Божественныя реченія, которыми Слово изображаетъ красоту непорочной невѣсты, выслушаемъ же, какъ бы ставъ въѣ плоти и крови, претворившись въ естество духовное.

*Что́ удобръста сосца твоя сестро Моя не-
вѣсто? Что́ удобръста сосца твоя паче вина, и
воня ризъ твоихъ паче всѣхъ ароматъ? Что вся-
кій, кто творить волю Божию, братъ Господу,
и сестра, и мати есть (Матѣ. 12, 49.), и
что невинная дѣва, сочетавшаяся съ Нимъ,
чтобы имѣть часть въ нескверномъ брачномъ
чертогѣ, въ собственномъ смыслѣ называется
невѣстою, явно это всякому, не незнающе-
му богодухновенныхъ словесъ. Но, изслѣдывая
смыслъ сихъ Божественныхъ реченій, въ та-
ковомъ воззваніи усматриваю не простую по-
хвалу, восписуемую Словомъ невѣстѣ, а утвер-
ждаю, что Женихъ объясняетъ причины при-
ращенія красоты у невѣсты, такъ что не
удобръла бы она при источникахъ добрыхъ
ученій, которыя Слово въ переносномъ значе-
ніи называетъ *сосцами*, если бы прежде доб-
рыми дѣлами не сдѣлала Себя сестрою Гос-
поду, и рожденіемъ свыше обновленная въ
дѣвство, несодѣлалась обручницею и невѣстою
сочетавшагося съ нею. Посему наименовавшій
ее сестрою и невѣстою своею сказываетъ при-
чину измѣненія въ нѣчто лучшее и совершен-
нѣйшее сосцовъ ея, не млеко уже изливаю-
щихъ въ пищу младенцамъ, но на веселіе со-
вершеннымъ источающихъ чистое вино, доб-
роты котораго не испортила вода корчемни-
ковъ. Въ сихъ же словахъ Жениховыхъ, какъ
при взаимномъ благодушіи супруговъ когда*

оба вознаграждаютъ другъ друга за нѣжное расположеніе, соблюдается нѣкоторымъ образомъ исполненная любви привязанность. Женихъ привѣтствуетъ Церковь въ выраженіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какими она предварительно въ самомъ началѣ возвеличила красоту Его. Ибо прямо въ первыхъ же словахъ, когда изъясняла желаніе, чтобы Слово изъ Божественныхъ устъ перешло въ ея уста, выразивъ сіе загадочнымъ словомъ *лобзанія*, сказала и причину своего вожделѣнія, а именно, что *блага сосца* Его, щедро подаемымъ препобѣждающія естество вина и превосходящія всякое благоуханіе мвра и ароматовъ, буквально выразивъ сіе такъ: *блага сосца Твоя паче вина, и вони мвра Твоего паче всѣхъ ароматъ* (Пѣсн. пѣсн. 1. 1. 2.). И такъ, поелику и изъ всѣхъ иныхъ мѣстъ Писанія дознаемъ сіе ученіе Божественнаго любомудрія, что Божество всегда бываетъ къ намъ таково, каковыми сами себя по произволенію оказываемъ предъ Богомъ (что благъ Онъ для добрыхъ, свидѣтельствуется въ пророчествѣ (Пса. 72, 1.) Давидъ, а для уподобившихся по жизни звѣрямъ другой нѣкто изъ Пророковъ называетъ Его медвѣдицею и рысью (Осі. 13, 7. 8.), загадочными сими названіями предъизображая евангельское ученіе, по которому усматриваютъ въ словахъ Царя инаковое свойство стоящіе одесную, и инаковое стоящіе ошуюю; для однихъ слова сіи

исполнены благости и усладительны, а для другихъ страшны и суровы, сообразно съ расположеніемъ подсудимыхъ); то и теперь дѣлается Словомъ приличное воздаяніе невѣстѣ: въ какихъ выраженіяхъ прославляла она красоту Владыки, въ подобныхъ тому и ей восписана похвала Господемъ. И Онъ похваляетъ совершившееся къ лучшему измѣненіе въ дѣятельности сосцевъ ся: а именно, что, переставъ доставлять млеко, изливаютъ не млеко, но вино, отъ котораго въ сердцахъ болѣе совершенныхъ происходитъ веселіе, потому что неволнуются уже по младенчеству, но способны наполнять уста и извлекать доброе изъ чаши премудрости.

Такъ, похваливъ сосцы за обильное изліяніе вина, Слово присовокушаетъ похвалу невѣстѣ за благоуханіе, сказавъ: *соня ризъ твоихъ паще всѣхъ ароматъ*. Разумѣть же таковую похвалу надлежить, изъ святаго Писанія научившись свойству того, что именуется въ немъ ароматами. Всякій благоуханный аромат доставляетъ удовольствіе чувству обонянія. Посему разумѣемъ, что Слово называетъ ароматами все, что, по сказанію Писанія, благоуханно. Такъ Иой приноситъ жертву Богу, и *обоня Господь воню благоуханія* (Быт. 8, 21.). Слѣдовательно жертва бываетъ ароматомъ для Бога. И послѣ сего по закону приносятся Богу многія жертвы умилоствительныя, благодарствен-

ныя, спасительныя, очистительныя, и о грѣхѣхъ. Все сіе полагай въ число ароматовъ, а также всеплодія, всесоженія, части отдѣляемыя на жертвоприношеніе, грудь жертвы, перепонку печени, тукъ съ почекъ, сверхъ сего ливанъ, пшеничную муку, смѣшанную съ елеемъ, ѳиміамъ сложенія и все прочее, что посредствомъ огня приносимо было Богу, внеси въ списокъ ароматовъ. Посему, когда услышимъ, что муро невѣсты предъ всеми ароматами удостоивается большаго одобренія, дознаемъ изъ сего слова, что таинство истины, совершаемое евангельскимъ ученіемъ, одно благоуханно предъ Богомъ, предпочтительно всемъ подзаконнымъ ароматамъ; какъ не прикрытое уже какимъ либо прообразомъ и сѣнію, но дѣлающееся благоуханнымъ въ явленіи истины. Ибо, если какой и изъ прежнихъ ароматовъ *обоня Господь*, какъ *воню благоуханія*, то каждый изъ нихъ удостоивался одобренія не по тому, что съ перваго взгляда и вещественно было въ немъ видимо, но по тому, что симъ изображалось. И это ясно изъ сего высокаго изреченія у пророка, въ которомъ сказано: *не прииду отъ дому твоего тельцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ. Еда бо ямъ мяса юнча? или кровь козловъ тѣю* (Иса. 49, 9. 13.)? Хотя много животныхъ нерѣдко приносилось въ жертву, однакоже, если и дѣлалось это, иное нѣчто загадочное узаконено тебѣ въ этомъ,

именно, что долженъ ты закалатъ въ себѣ страсти. Ибо сказано: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пса. 50, 19.). Посему жертва хвалы нашей прославляетъ Обоняющаго такую воню. Итакъ поелику, превзошедши всѣ прообразовательные ароматы закона, духовно благоухающая душа, какъ у Павла, который былъ *благоуханіемъ* Христовымъ (2 Коринѣ. 2, 15.), и сама по жизни содѣлалась благоухающею, и какъ муро священства, и ѳиміамъ сложенія, прекрасно благоухая разнообразнымъ собраніемъ и смѣшеніемъ добродѣтелей, оказалась достойною Женихову обонянію послужить въ воню благоуханія: то Божественное чувство, какъ именуеть его Соломонъ (Прит. 22, 13.), къ вещественнымъ ароматамъ закона присовокупляетъ оное невещественное и чистое изъ добродѣтелей муроваримое благоуханіе, говоря: *воня мѣра твоего паче всѣхъ ароматъ* (П. п. 1, 2.).

Продолженіе рѣчи возводитъ къ похвалѣ болѣе высокой, свидѣтельствуя въ словѣ объ избиліи у невѣсты духовныхъ дарованій, приобрѣтенныхъ размышленіемъ и внимательностію. Ибо приточное слово желаетъ, чтобы ученикъ премудрости (по учепикамъ же, конечно, поймешь, кто ихъ учительница) шелъ къ пчелѣ, такъ говоря любителямъ мудрости: *иди ко пчелѣ, и увидьшь колю дѣлательницу*

есть, дѣланіе же колы честное творитъ: ея же трудовъ царіе и простіи во здравіе употребляютъ (Притч. 6, 8.), и присовокупляетъ къ сему, что пчела всѣми любима и славна, хотя немощна силами, но почтенна за мудрость. А потому и представлена въ образецъ жизни добродѣтельнымъ; *премудростію*, какъ сказано, *почтена произведетъ*. Сказаннымъ же подается совѣтъ, не уклоняться ни отъ одного изъ добрыхъ уроковъ, но летая по лугу богодухновенныхъ словесъ, и съ каждаго цвѣтка собирая что либо для приобрѣтенія мудрости, составлять свои медовые соты, какъ въ ульѣ какомъ, слагая у себя въ сердцѣ этотъ трудъ внутри сдѣланныхъ въ памяти, подобно восковымъ чашечкамъ, не слитныхъ между собою вмѣстилищъ для разныхъ уроковъ: а такимъ образомъ, въ подражаніе мудрой оной пчелѣ, у которой сотъ сладокъ и жало неязвительно, непрестанно творить честное это дѣланіе добродѣтелей. Ибо дѣйствительно творитъ, здѣшними трудами вымѣнивая вѣчныя блага, и собственные свои труды удѣляя въ душевное здравіе царямъ и простолюдинамъ, такъ что таковая душа дѣлается любимою Жениху и славною среди Ангеловъ, въ немощи совершая силу по причинѣ чести, какая воздастся премудрости. Итакъ, поелику повѣствуемое о премудрой оной пчелѣ служитъ образцемъ учености и трудолюбія, и раздѣленія духовныхъ

дарованій бываютъ различны по мѣрѣ тщательности въ потрудившихся; то Женихъ и говоритъ потому невѣстѣ: поелику сердце твое стало полно сотами всякаго рода учености, изъ благаго сокровища сердца износишь ты медоточныя капли словесъ, такъ что Слово у тебя есть медъ, смѣшанный съ млекоу.—Ибо сказано: *сотѣ искупаютъ устни твои, невѣсто, медъ и млеко подѣ языкомъ твоимъ.* Готово у тебя слово, не одного рода пользу оказывающее слушателямъ, но приспособленное къ силамъ пріемлющихъ, такъ что пригодно оно и болѣе совершеннымъ и младенчествуящимъ, для совершенныхъ служба медомъ, а для младенчествуящихъ—млекоу. Таковъ былъ Павелъ; онъ болѣе нѣжными словами питаетъ новорожденныхъ, а совершеннымъ глаголетъ премудрость въ тайнѣ сокровенную отъ вѣковъ, и которой не вмѣщаютъ вѣкъ сей и князи его (1 Кор. 2, 6. 7.). Итакъ Женихъ сказуетъ, что такое уготовленіе меда и млека лежитъ *подѣ языкомъ* у невѣсты, указывая таковымъ изреченіемъ на сокровенное и благовременное употребленіе словесъ. Ибо кто знаетъ, какъ должно отвѣчать каждому, тотъ, имѣя подѣ языкомъ эту многоразличную силу слова, каждому изъ слушающихъ, сообразно съ временемъ, предлагаетъ благопотребное.

Восписавъ же такую похвалу устау и языку невѣсты, Женихъ переходитъ къ высшимъ еще

похваляемъ, говоря: *благоніе ризъ твоихъ, яко благоуханіе ливана*. Слово сіе есть нѣкое любомудріе. указующее людямъ, къ чему стремится добродѣтельная жизнь. Ибо конецъ доблестной жизни—уподобленіе Божеству, а поэтому доблестные со всею тщательностію стараются преуспѣвать чистотою души, устраненіемъ себя отъ всякаго страстнаго расположенія. чтобы при улучшенной жизни и въ нихъ образовались нѣкоторыя черты превысшаго естества. Итакъ, поелику добродѣтельная жизнь неоднородна и неоднобразна, но какъ при уготовленіи тканей ткацкое искусство дѣлаетъ одежду изъ многихъ нитей, то натягиваемыхъ прямо, то пересѣкаемыхъ поперегъ, такъ и въ доблестной жизни должно стекаться многое, изъ чего составляется ткань улучшенной жизни, какъ божественный Апостолъ изчисляетъ таковыя нити, изъ которыхъ состоитъ ткань чистыхъ дѣлъ. именуя: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать*, и все сему подобное (Гал 5, 22.), чѣмъ украшается изъ жизни тлѣнной и земной облекающійся въ небесное нетлѣніе. Посему-то Женихъ одобряетъ замѣчаемое въ одеждѣ невесты убранство, какъ уподобляющееся благононіемъ ливану. Хотя прежде сказалъ, что благоуханіе мвра ея превосходитъ всѣ ароматы, такъ что, по видимому, уничтожаются симъ прежнія похвалы, если предпочтенная всякому аромату теперь срав-

нительно уподобляется одному только аромату, потому что Женихъ сказалъ такъ: благоуханію ливана подобно благовоніе ризъ твоихъ; но, поелику по вѣской причинѣ ѳиміамъ ливана установлено было воскурять исключительно въ честь Божеству, то посему самому предпочтенная всѣмъ ароматамъ удостоивается уподобленія одному аромату, который посвященъ Богу, такъ что смыслъ загадки сей таковъ: риза добродѣтелей твоихъ, невѣста, подобна Божественному блаженству, уподобляясь неприступному естеству чистотою и безстрастіемъ. Ибо таково благовоніе божественныхъ ризъ, что имѣеть сходство съ ливаномъ, посвященнымъ въ честь Богу.

Изъ послѣдующихъ за симъ похвалъ дознаемъ опять, какъ можетъ иной содѣлаться сестрою и супругою Господа, именно изъ сказаннаго Женихомъ: *вертоградъ заключенъ сестра Моя невѣста*. Посему, если кто до того измѣняется, чтобы стать и невѣстою, потому что прилѣпляется ко Господу, и сестрою, потому что творить волю Его, какъ говоритъ евангеліе (Матѳ. 12. 49.); то да будетъ Онъ благоцвѣтущимъ вертоградомъ, заключающимъ въ себѣ красоту всякаго растенія, и сладкую смоковницу и плодоносную маслину, и высокоцвѣтвистую пальму, и обильную плодами виноградную лозу, и не какое либо колючее или придорожное растеніе, но вмѣсто нихъ кипарисъ

и мирту. Ибо такъ подобный вертоградъ умѣли украсить великій Давидъ и возвышенный Исаія. Одинъ говоря: *праведникъ, яко финикъ процвѣтетъ* (Иса. 91, 13.), и: *азъ же, яко маслина плодovита* (Иса. 51, 10.); и: *жена твоя яко лоза плодovита* (Иса. 127, 3.); а у другаго нѣкоего пророка ублажается почивающій подъ смоковницею своею (Мих. 4, 4.); Исаія же возвѣщаетъ, что *вльсто драчія взыдетъ кипарисъ, и вльсто кропивы мирсиа* (Иса. 55, 13.).

Изагать въ точности загадочное значеніе каждаго изъ сихъ деревъ, указанныхъ намъ въ пророчествѣ, было бы дѣломъ излишнимъ, такъ какъ для всякаго ясно, что значитъ сладкій плодъ смоковницы, со временемъ созрѣвающей изъ самого кислаго, въ началѣ горькій и негодный въ пищу; а въ послѣдствіи *плодъ кипарисъ* (Евр. 12, 11.), улаждающій чувствиллица души? Да и что приноситъ намъ въ даръ плодovитость маслины въ этомъ самомъ кисломъ и горькомъ сокѣ, питаемомъ въ плодѣ сначала, который потомъ, по надлежащемъ уходѣ и созрѣніи, превращается въ ней въ естество елея, служащаго пищею для свѣта, облегченіемъ въ утомленіи, упокоеніемъ послѣ трудовъ, уясненіемъ головѣ, содѣйствіемъ къ подвигамъ подвижающихся законно? Почему финикъ дѣлаетъ плодъ свой недоступнымъ для татей, сберегая его вверху, а не опуская къ землѣ? Откуда пріятность у винограда, благо-

уханіе у кипариса, и сладость у мирсины? Когда все сіе въ переносномъ значеніи берется примѣнительно къ добродѣтели, тогда для всякаго разумнаго слушателя очевидно, что и къ чему именно относится. Посему вертоградъ изъ такихъ деревъ цвѣтущъ, полонъ растеній, отовсюду обезопасенъ оградой заповѣдей, такъ что не даетъ въ себя никакого входа татю и дикимъ звѣрямъ; потому что, вкругъ обнесенный оцлотомъ заповѣдей, не доступенъ *единенному дивію* и не озобаетъ его *вспрь отъ дубравы* (Пса. 79, 14.). Поэтому, если кто—вертоградъ, и приведенъ въ безопасность, то дѣлается сестрою и невѣстою сказавшаго таковой душѣ: *вертоградъ заключенъ сестра Моя невѣста*.

Но для такого вертограда потребенъ источникъ, чтобы насажденія, утучняемая водою, пребывали всегда цвѣтущими. Посему Женихъ въ похвалахъ вертограду присовокунилъ источникъ, говоря: *вертоградъ заключенъ, источникъ запечатльнъ*. Какъ поступать съ источникомъ, загадочно учить насъ тому книга притчей, когда говоритъ: *источникъ воды да будетъ тебѣ твой (е), и да будетъ тебѣ единому, и да никтоже чуждѣ причастится тебѣ* (Притч. 5, 17. 18.). Ибо Писаніе, какъ тамъ запре-

---

(е) По рукописи читается: *гди*.

щаетъ воду источника тратить на чужихъ, такъ и здѣсь о томъ, что источникъ изливается не для чужихъ, свидѣтельствуешь, сказавъ, что онъ *запечатльнъ*: а сіе значитъ тоже, что и сказать: онъ охраненъ. Смысль же сего есть слѣдующій: источникомъ въ собственномъ смыслѣ, по моему разсужденію, называется мыслительная сила нашей души, изливающая и источающая въ насъ всякаго рода помыслы. Но движеніе мысли дѣлается тогда нашимъ, когда направлено къ полезному для насъ, доставляя намъ всякое содѣйствіе къ приобрѣтенію благъ. Когда же дѣятельность помысловъ обратить кто на примышленіе порочнаго дѣла, тогда потокъ расточается на чуждое, такъ что исполненная терпій жизнь, напосеваемая содѣйствіемъ лукавыхъ помысловъ, питается хорошо, но сохнетъ и вянетъ лучшее насажденіе, потому что корня его не питаетъ никакая влага добрыхъ помысловъ. Посему такъ какъ печать доставляетъ неприкосновенность ея охраняемому, устрашая татя своимъ клеймомъ, а все некрадомое остается цѣлымъ у владѣющаго; то похвала свидѣтельствуешь здѣсь о самой высокой добродѣтели у неврѣсты, именно, что разумъ ея, сохраняемый въ чистотѣ и безстрастіи, остается недоступнымъ для враговъ. Для своего Господа сей источникъ запечатльваетъ чистота, никакимъ пломъ мыслей не возмущая прозрачность и воздухообразную

тонкость сердца. А чтобы мысль сію приве-
сти кому въ большую ясность, то она такова:
поелику изъ того, что въ насъ, иное дѣй-
ствительно наше, именно все собственно при-
надлежащее душѣ, а иное присвоаемъ себѣ,
какъ наше (разумѣю тѣло и внѣшнія вещи);
по нѣкому погрѣшительному предубѣжденію
чужое признавая собственнымъ (ибо у не-
вещественнаго естества души что общаго съ
вещественною дебелистію?); то приточное
слово совѣтуетъ посему источникъ нашего
разумѣнія не истощать на чуждое намъ, то
есть на тѣло и внѣшнія вещи, но обращать
на собственный вертоградъ, напоевая изъ
него Божіе насажденіе. Дознали же мы, что
сіе Божіе насажденіе составляютъ добродѣте-
ли; и если ими занята мыслительная сила на-
шей души, и не развлекается ничѣмъ внѣш-
нимъ, то она запечатлѣна печатію истины,
нося на себѣ образъ расположенія своего къ
добрѣ.

Но разсмотримъ силу и слѣдующихъ за симъ
похвалъ. Сказано: *льторасли твоя садъ шип-
ковъ съ плодомъ яблочнымъ, кипри съ нардами:
нардъ и шафранъ, трость и киннамонъ, со вѣсьми
древами ливанскими, смирна и алой со вѣсьми
первыми мрами. Источникъ вертограда, и кла-
дязь воды живы и истекающія отъ Ливана.*
При первомъ чтеніи сказаннаго видно, что въ
словахъ сихъ заключается нѣкая высокая и

необыкновенная мысль, по которой красота невесты, возвеличенной Богомъ, и въ много-различномъ избыткѣ превозносимой похвалами, дѣлается чудомъ. А какая истинная мысль, означаемая сими реченіями, можетъ знать сіе ясно, по словамъ святаго Павла, только вѣдущій *духомъ глаголати божественныя тайны* (1 Кор. 14, 2.). Почему произращаемое невестою есть садъ шипковъ? Почему шипками приносится плодъ яблочный? Почему этотъ яблочный плодъ дѣлается собраніемъ муръ и ароматовъ? Ибо въ числѣ яблочныхъ плодовъ есть и кипрь, и нарды, и шафранъ, и трость, и киннамонъ, и всякое ливанское дерево, такъ что въ исчисленномъ нѣтъ недостатка ни въ одномъ видѣ различныхъ ливанскихъ ароматовъ, къ которымъ причисляются смирна, и алой, и всѣ первыя муръ. И выше воспсующимъ похвалы поименованный вертоградъ называется теперь источникомъ вертоградовъ и *кладеземъ воды живы и истекающія отъ Ливана*. Но уразумѣть истинный смыслъ сего, какъ сказали мы выше, могутъ способные испытывать *глубины богатства и пренудрости, и разума Божія* (Рим. 11, 33.). Мы же, чтобы не остаться намъ во все невкусившими предлагаемыхъ въ семъ мѣстѣ благъ, и ненасладившимися оныхъ, — въ немногихъ словахъ коснемся сего слова, вождемъ въ нашемъ тщаніи содѣлавъ Самаго Бога Слова. Весь списокъ

похвалъ изложенный прежде сего, и все, что теперь предлагаетъ намъ Слово о невѣстѣ, имѣеть, кажется, въ виду не простую какую-то похвалу, но сказуемымъ влагаеть въ насъ силу къ восхожденію сердца на большую и значительнѣйшую высоту. Напримѣръ имснуется сестрою и невѣстою Слова, а каждое изъ сихъ наименованій сочетаваетъ душу съ Женихомъ; такъ какъ имя невѣсты по выраженію Павлову, дѣлаеть ее *стѣлесницею* нетлѣннаго Жениха (Ефес. 3, 6.), а тщательность въ исполненіи воли, по евангельскому слову, приводитъ въ тѣсную связь братства. Потомъ восхваляется свойство сосцевъ, вмѣсто млека, источающихъ вино, и явно, что похвала становится самымъ дѣломъ; потому что не хвалятъ того, что не осуществляется на дѣлѣ. Сверхъ сего муро ея признается превосходящимъ всѣ ароматы, о чемъ не было бы произнесено такого суда, если бы на самомъ дѣлѣ преспѣяніемъ въ лучшемъ не возшла она на оную высоту. Послѣ сего изъясняется удивленіе сотамъ слова, каплющимъ изъ усть ея, и смѣшанному уготовленію мудрости подъ языкомъ, — млеку, срастворенному съ медомъ. И это — сила, а не слова; потому что руководимая Словомъ къ высшему восхожденію до того возрасла, что уста ея содѣлались источникомъ меда, а языкъ — хранилищемъ смѣшанной мудрости; въ Немъ видна земля обѣтованія, текущая медомъ и млекою.

Столько возвысивъ ее восхожденіями, Слово ведетъ еще выше, говоря, что риза ея издаетъ благовоніе, подобное благоуханію ливана, чѣмъ свидѣтельствуется, что облеклась она во Христа; потому что концемъ всякаго доблестнаго житія дѣлается приобщеніе Бога, а ливаномъ указывается Божество. И на этомъ не останавливается душа, руководимая Словомъ всегда къ высшему; напротивъ того, уподобившись благовонію ливана, дѣлается вертоградомъ на подобіе рая, но не такимъ вертоградомъ, какій былъ у первыхъ людей, не для всѣхъ доступнымъ и неохраемымъ, но отсюду огражденнымъ памятованіемъ заповѣди.

Видишь ли, сколько новыхъ силъ для горняго шествія приобрѣла невѣста? Посмотри же на ея восхожденіе еще и выше этого. Ибо не только стала она вертоградомъ заключеннымъ, плодоносящимъ пищу свою (ж), но дѣлается и удобопіемою для жаждущихъ, преложившись въ естество источника, и притомъ источника запечатлѣннаго, не остановилась даже и на семъ, но въ возрастаніи въ большую мѣру простерлась до того, что изъ устья выросъ садъ. Ибо съ большею точностію вникшій въ силу еврейскаго выраженія, вмѣ-

---

(ж) Такъ читается въ рукописи.

сто того, чтобъ сказать: *лѣторасли твоя*, говорить: изъ устъ твоихъ *садъ шипковъ*; а это значить: слово, исходящее изъ устъ твоихъ, есть садъ шипковъ. Шипки же даютъ изъ себя обиліе плодовъ всякаго рода, а плоды суть кипръ съ пардомъ и шафранъ, трость и киннамонъ, всякой родъ ливана, и смирна, и алой, и первыя мура. И такъ поелику невѣста, по изображенному во псалмѣ ублаженію, по причинѣ заступленія, находимаго сю у Бога, прекрасныя восхожденія сіи *въ сердце* своемъ положила, восходя всегда *отъ силы въ силу* (Пса. 83, 6. 8.); то при усовершеніи ея состоянія лѣторасли устъ ея прекрасно называются садомъ шипковъ; удачно же съ подразумеваемымъ понятіемъ соображено реченіе: *лѣторасль* (*ἀποβολή*); потому что посылаемое отъ посылающаго переходитъ въ пріемлющее. И сіе можно дознать изъ обычнаго словоупотребленія, какъ и евангеліе сказуетъ, что учениковъ, посылаемыхъ на проповѣдь истины, само Слово *нарече апостолы* (Лук. 6, 13.). Что же посылаютъ уста Невѣсты? Явно, что слово вѣры, которое въ пріемлющихъ дѣлается садомъ, посредствомъ слуха насаждаемымъ въ сердцахъ. Ибо роша, насажденная деревьями и тѣнистая, по обычаю называется садомъ. Посему, чтобы знать намъ и родъ растеній, какія насаждаются Словомъ въ душахъ вѣрующихъ, шипками именуеть деревья, которыя

возвращаетъ посылаемое изъ устъ невѣсты Слово. А шипокъ неподрученъ татию, пуская отъ себя колючія иглы, подъ какимъ-то жесткимъ и горькимъ на вкусъ покровомъ содера и воспитывая плодъ, который въ свое время, когда онъ созрѣетъ, и оболочка распадется, оказывается внутри пріятнымъ и красивымъ на видъ, а также подобнымъ меду, непротивнымъ для вкуса, даже услаждаетъ чувствилище вкуса похожимъ на вино сокомъ.

Посему, кажется мнѣ, что слово, посылаемое изъ устъ невѣсты, въ душахъ слушающихъ производитъ сады (з) шипковъ, чтобы мы изъ сказаннаго научились, не изнѣживать себя въ настоящей жизни какою либо вольностию и роскошью, но избирать жизнь, изможденную воздержаніемъ. Ибо въ такомъ случаѣ недоступенъ будетъ татямъ плодъ добродѣтели, будучи огражденъ твердою (и) корою воздержанія, честнымъ и угрюмымъ состояніемъ, какъ бы какими иглами терній, язва приближающихся съ худою цѣлію. Но когда время дозволить насладиться плодами, шипокъ дѣлается обиліемъ услаждающихъ всякаго рода яблоковъ, потому что вкушаются не терновники, или желуди, или что либо сему подоб-

(з) По рукописи читается: *παριδείσσος*.

(и) Въ рукописи *καί* не читается.

ное, открываются же въ яблокахъ различнаго и разнообразнаго качества ароматы. Ибо прекрасно сочетаніе кипра съ нардомъ, горячительнаго съ благовоннымъ. Не похвально горячительное само по себѣ, когда горячность бываетъ зловоннымъ воспаленіемъ, но надобно, чтобы въ разгоряченномъ засвидѣтельствована была чистота благовоніемъ, и очистившійся отъ непріятной горячности сталъ *горящъ душою* (Рим. 12, 11.). Въ сихъ яблокахъ можно находить и другіе ароматы, какъ сказано, нарды и шафранъ.

Но благовоніе нарда дознали мы въ сказанномъ выше; остается изобразить въ словѣ загадочное значеніе шафрана. Наблюдавшіе надъ силою этого цвѣта говорятъ, что онъ занимаетъ средину между холодностію и горячностью, и избѣгаетъ неумѣренности въ томъ и другомъ, такъ что симъ, можетъ быть, загадочно преподается намъ любомудрое ученіе о добродѣтели; потому что всякая добродѣтель есть средина между двухъ золь,—недостатка и чрезмѣрности въ добрѣ. Напримѣръ о мужествѣ и о свободѣ говорятъ, что одно усматривается въ срединѣ между трусостію и дерзостію, а другая—между связанностію мѣлочами и самовольствомъ. И утверждаютъ, что къ числу пороковъ принадлежатъ трусость и связанность мѣлочами по недостатку въ надлежащемъ, а самовольство и дерзость по излиш-

ку и преступленію мѣры: средину же между чрезмѣрностію въ томъ и другомъ называютъ добродѣтелию. Посему, если слово о шафранѣ имѣеть какое либо отношеніе къ добродѣтели, то, сообразно съ мѣрностію силы, объясняй себѣ этимъ неимѣющее недостатка и излишества добродѣтельное состояніе. А я разсуждаю, хотя сказанное мною будетъ и не такъ учено, что загадочное значеніе шафрана можетъ быть понято гораздо ближе къ ученію вѣры. Ибо цвѣтокъ воспитывается въ тройной чашечкѣ, да и самая чашечка есть цвѣтокъ воздушнаго цвѣта. Когда же развернется оболочка чашечекъ, непременно оказываются три, сокрытые въ чашечкахъ, благоуханные и имѣющіе цѣлебную силу, цвѣтка, которые величиною, красотою, благоуханіемъ и свойствомъ силы одинъ другому равны, и всѣ три показываютъ одно во всемъ, и въ доброцвѣтности, какъ сказано, и въ благоуханіи, и въ качествѣ силы. вмѣстѣ съ ними появляются другіе три цвѣтка на видъ желтые, но не имѣющіе качества служить сколько нибудь къ восстановленію здравія. ими вводятся въ ошибку неопытные, по доброцвѣтности вмѣсто дѣйствительнаго срывая негодное. Тоже дѣлаютъ и нынѣ погрѣшающіе въ вѣрѣ, вмѣсто здравыхъ догматовъ избирая ухищренныя лжеученія. Да избересть же сужденіе слушателя изъ того и другаго объясненія, что ему угодно, или одно

изъ двухъ, или то и другое. Ибо нѣкоторымъ образомъ одно есть и то и другое; то есть стяжаніе и совершенной добродѣтели и Божества; такъ какъ добродѣтель не внѣ Божества.

Но перейдемъ къ обзорѣнію прочихъ ароматовъ, по порядку упомянутыхъ въ словѣ. Сказано: *трость*, и *киннамонъ* и яблоки. Яблоки—тотъ плодъ, какой приносится шинками сада у невѣсты, напротивъ того *трость*, какъ говорятъ, все прочее превосходитъ благоуханіемъ, почему берется по закону и въ священный оміамъ (Исх. 30, 23.). А *киннамонъ* по естественной нѣкоей силѣ обѣщаетъ много разнаго вида дѣйствій, изъ которыхъ многія, по видимому, выше и вѣроятія. Ибо говорятъ, когда кипятъ въ котлѣ вода, если коснется ся только сей ароматъ, вода тотчасъ остываетъ; если внесень онъ въ жарко нагретую баню, жаръ (i) въ воздухѣ претворяетъ въ прохладу, и имѣетъ свойство уничтожать заражающихся отъ гнилости животныхъ. Рассказываютъ о немъ и иное сему подобное, что, кажется, превышаетъ вѣру слышащихъ. Ибо утверждаютъ, что, если положень въ ротъ сонному, ничто не препятствуетъ человѣку и во время сна отвѣчать на предлагаемые вопросы; напротивъ того спрашиваемый пребы-

---

(i) По рукописи читается: τὸν φλογμόν.

васть во снѣ и даетъ на предлагаемыя вопросы бодрствующему приличные и раздѣльно произносимые отвѣты. Утверждать, что сіе дѣйствительно такъ, не дознавъ опытомъ истины рассказываемаго о растеніи, было бы опрометчиво и неосмотрительно. По крайней мѣрѣ, поелику на какомъ-то таинственномъ основаніи аромат сей включенъ въ списокъ яблоковъ, не потому что на самомъ дѣлѣ произрастаютъ они изъ шипковъ (ибо не въ такой мѣрѣ чувственные сады производятъ изъ себя уста невѣсты), но чтобы служить ему знакомъ одного изъ понятій, входящихъ въ похвалу невѣсты; то не почитаю справедливымъ пройти молчаніемъ тѣхъ баснословныхъ сказаній о киннамонѣ, которыя теперь изложены въ словѣ, а также, если и иное что послѣ сего вздумается сообщить повѣствующимъ о семъ ароматѣ. Только бы сказуемымъ присовокуплялось нѣчто къ похвалѣ добродѣтели, потому что каждая часть повѣствованія значительно служить къ показанію совершенства жизни добродѣтельной.

Ибо въ душѣ обученныхъ и разсудительныхъ можно находить сей *киннамонъ*, когда кто, или пламенѣя похотѣніемъ, или будучи одержимъ гнѣвомъ, угашаетъ страсти сіи разсудкомъ. Или кто во время житейскаго сна имѣетъ въ устахъ этотъ трезвенный *киннамонъ* помысла, и, подобно неусыпнымъ и бодр-

ственнымъ Ангеламъ, обнаруживаетъ въ себѣ непогрѣшительное и невозмутимое пониманіе сказуемаго, а въ истинѣ ученія подражаетъ неусыпающему естеству Ангеловъ, которыхъ никакая необходимость какого либо представленія не отвлекаетъ отъ истины; о томъ можно сказать, что изъ устъ его исходитъ *киннамонъ*, при которомъ угашаются и воспламенение похоти и воскипѣніе въ сердцѣ гнѣва, и разумъ бываетъ чистъ отъ всякаго въ жизни сей соннаго мечтанія и смѣшенія понятій. И никто, имѣя въ виду невѣроятность разсказываемаго о *киннамонѣ*, да не осуждаетъ слова за то, что не отъ истины заимствуетъ похвалу невѣстѣ. Ибо святому Писанію нерѣдко обычно и нѣкоторыя басни заимствовать у вѣнскихъ въ содѣйствіе своей цѣли, и безъ стыда изъ баснословнаго сказанія упоминать нѣкоторыя имена къ яснѣйшему указанію предлагаемой мысли. Такъ Писаніе, выражая удивленіе къ красотѣ дочерей Іова, чрезмѣрность удивленія къ оной показало самыми именами, говоря, что одну *нарече Іовъ день*, другую—*Кассію*, третью же,—*Амалѣевъ рогъ* (Іов. 42, 14.). Всякому же извѣстно, что еллинское баснословіе изобрѣло разсказъ объ Амалѣѣ,—этой козѣ, которая, по баснословію, сдѣлалась кормилицею онаго Критянина (к), и

(к) Зевеса.

у которой, когда отпалъ одинъ рогъ, изъ пустоты его, какъ сложило баснословіе, изливалось все въ обилии. Посему ужели святое Писаніе вѣрило баснѣ, рассказываемой объ Амалѳіѣ?—Сіе не возможно. Напротивъ того, свидѣтельствуя объ изобилии Ювлевой дочери благами добродѣтели, оно даетъ о томъ знать симъ именемъ, такъ чтобы разсудительно слушающій Писаніе по имени уразумѣлъ только цѣль похвалы, безъ вниманія оставивъ въ сторонѣ баснословные рассказы, какъ и слыша о *кассіи* и о *днѣ*, изъ сихъ именъ не ароматное какое вещество, и не теченіе солнца надъ землею дознали мы, но утверждаемъ, что въ именахъ содержится указаніе на добродѣтельную жизнь такъ наименованныхъ, и *кассія* означаетъ чистоту и благоуханіе, а день—благообразіе предначинаній, какъ говоритъ Апостоль, что живущіе въ чистотѣ именуются *чадами свѣта* (Ефес. 5, 8.) и *сынами дня* (1 Сол. 5, 5.).

Посему и здѣсь также не безъ пользы, какъ служащее въ похвалу невѣстѣ, включено въ содержаніе похвалъ рассказываемое о *киппамонѣ*; только въ переносномъ значеніи. Но кто таковымъ уже содѣлался и до сей высоты похвалъ достигъ жизни, тотъ во всемъ показываетъ въ себѣ черты божественнаго образа. Сіе даетъ видѣть сказавшій: со всѣхъ деревъ ливанскихъ. Ибо наблюдатели подобныхъ ве-

шей говорятъ, что ливанское дерево, изъ котораго сочитяся ладонь, не одного рода, но есть въ деревьяхъ сихъ нѣкоторая разность, съ наружностію дерева измѣняющая и видъ аромата. Посему, кто всѣми предначинаніями жизни выражаетъ въ себѣ богоподобіе, тотъ показываетъ въ себѣ красоту всѣхъ деревьевъ ливанскихъ, которыми означаются отличительныя черты божественнаго образа. Но никто не дѣлается причастникомъ славы Божіей, не ставъ прежде сообразнымъ *подобію смерти* (Рим. 6, 5.). Почему похвала въ спискѣ ароматовъ говоритъ и то, что яблоки шипковъ суть и прочіе ароматы, перечисленные въ словѣ, и между ними *смѣрна, алой и первыя мѣра*. Ибо ими, смѣрною и алоемъ, указывается на участіе во гробѣ, какъ говоритъ высокое евангеліе, потому что съ ними совершено погребеніе Вкусившаго за насъ смерть (Іоан. 19, 39.). А *первыми мѣрами* указываетъ Слово на чистоту и отсутствіе всякаго корчемническаго подлога, какъ и Амосъ къ услаждающимся этимъ обращается съ подобною рѣчью, говоря: *пьющій процѣженное вино, и первыми вонями мажущійся* (Амос. 6, 6.); тогда какъ прежде сего сказалъ: *ядущій козлища отъ паствъ, и тельцы млекою питаемы отъ среды стадъ: плещущій ко масу пищалей* (4, 5.), такъ что ни вина не возмутили подонки, ни въ мѣрѣ не испортила чистоты благоуханія какая либо

примѣсь. Но тамъ, конечно, надлежитъ полагать, что пророчество укоряетъ Израильтянъ, которые, уживаясь чистымъ ученіемъ Писанія, процѣженнымъ отъ всякихъ подонковъ, и имѣя у себя неподдѣльное благоуханіе муръ, и всячески наслаждаясь духовнымъ пиршествомъ, ни мало не воспользовались таковыми сладостями, потому что злое произволеніе ихъ, и прозрачность вина претворило въ мутную бродящую жидкость, и чистоту первыхъ муръ повредило примѣсью лукавыхъ понятій. А здѣсь слово плодоношеніемъ *первыхъ муръ* свидѣтельствуешь невѣстѣ о неповрежденности и чистотѣ ея догматовъ.

И на семъ не остановились, и невѣста, простирающаяся къ высшему, и Слово, ей содѣйствующее къ восхожденію. Ибо та, изъ усть у которой исходятъ *льторасли шипковъ* и *сады* ароматовъ, сама дѣлается теперь источникомъ, орошающихъ произросшіе изъ нея сады, и не какъ знаемъ о Павлѣ и Аполосѣ, что одинъ насадилъ, а другой напоилъ (1 Кор. 3, 6.), напротивъ того одна совершаетъ два дѣла вмѣстѣ, насаждая и напоевая сады. Или, можетъ быть, похвала сія содержитъ въ себѣ и высшую нѣкую мысль. Ибо Слово говоритъ, что она—источникъ не какой либо изливающейся влаги, но вертоградовъ, источаетъ и изливаетъ не бакіе либо потоки водъ, но самыя вертограды. Такъ божественный Апо-

столь источилъ одушевленные вергограды тѣмъ, у кого былъ, ученіемъ насаждая садъ Церкви.

Потомъ Слово на самыйъ верхъ возводитъ невѣсту похвалами, назвавъ ее кладяземъ *воды живы* и *истекающія отъ Ливана*. Ибо сіе изъ святаго Писанія дознали мы объ Естествѣ животворящемъ; то пророчество говоритъ отъ лица Божія: *Мене оставиша источника воды живы* (Иерем. 2, 13.); то Господь сказалъ Самарянкѣ: *аще бы выдала еси даръ Божій, и Кто есть глаголюй ти: даждь ми воду пити: ты бы просила у Него, и далъ бы ти воду живу* (Іоан. 4, 10.); и: *аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ, и піетъ. Въруй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы. Сіе же рече о Душѣ, Еюже хотяху приимати върующіи въ Него* (Іоан. 7, 37—39.). И такъ подъ водою живою вездѣ разумѣется естество Божеское, а здѣсь не лживое свидѣтельство Слова подтверждаетъ, что невѣста—кладязь воды, которая течетъ отъ Ливана. Сіе-то всего удивительнѣе; потому что всѣ кладязи имѣютъ постоянно собранную въ нихъ воду, одна невѣста имѣетъ въ себѣ воду изливающуюся, такъ что въ ней и глубина кладязи и непрестанная подвижность рѣки. Ибо кто, какъ должно, изобразить показуемая чудеса, какъ бы въ слѣдствіе совершившагося теперь въ ней уподобленія? Можетъ быть ей не чѣмъ превзойдти себя, во всемъ уподобившись пер-

вообразной красотѣ. Ибо въ точности, какъ источникъ, стала подобна Источнику, какъ жизнь—Жизни, какъ вода—Водѣ. Живо Слово Божіе, жива и душа, пріявша Слово. Та Вода течетъ отъ Бога, какъ говоритъ Источникъ: *отъ Богъ изыдохъ, и придохъ* (Іоан. 8, 42.). А она содержитъ въ себѣ вливающееся въ кладязь души, и чрезъ это дѣлается сокровищницею оной живой воды, лющейся, или лучше сказать, какъ выразилось Слово, истекающей (а) отъ Ливана, причастниками которой да будемъ и мы, приобрѣтя оный кладязь, чтобы по заповѣди, данной премудростию, пить намъ свою, а не чужую воду (Прит. 5. 15. 9, 18.) о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

В Е С Т Ъ Д А 10.

(4, 16) *Востани съвере, и гряди юже, и повый въ вертоградъ моея, и да потекутъ ароматы моя. (5, 1) Да сидетъ братъ мой въ вертоградъ свой, и да ястъ плодъ оwoцій. Внидохъ въ вертоградъ мой сестро Моя невѣсто: обзимахъ смиру мою со ароматами мои, ядохъ хлѣбъ мой съ медомъ мои, пихъ вино мое съ млекою мои: ядите ближніи мои, и*

(а) Точнѣе: истекающей съ шумомъ.

пійте, и упійтесе братія. (2) Азъ сплю, а сердце мое бдитъ.

Поелику предстоящее намъ теперь обозрѣніе Божественныхъ реченій, слѣдующихъ по порядку въ Пѣсни пѣсней, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя понятія, трудно постигаемыя и по неясности покрытыя тайною; то настоитъ для насъ потребность въ большей внимательности, лучше же сказать, въ большемъ содѣйствіи молитвъ, и путеводительствѣ Святаго Духа, чтобы намъ въ изумленіи отъ сихъ высокихъ чудесъ не потерпѣть того же, что обыкновенно бываетъ съ нами, когда смотримъ на звѣзды; потому что, и ихъ красотѣ дивясь издали, не можемъ придумать никакого способа къ познанію ихъ сотворенія, напротивъ того, по причинѣ красоты ихъ, наслажденіемъ служить для насъ пребывать въ удивленіи видимому. Ибо подлинно нѣкими звѣздами представляются и эти лучи и осіянія Божественныхъ сихъ словесъ, блистательнѣйшія и превосходнѣйшія душевныхъ очей, *по высотъ небесный отъ земли*, какъ говоритъ Пророкъ (Пса. 102, 11.). А если и съ нашею душою произойдетъ тоже, что слышимъ объ Иліи, и мысль наша, восхищенная на огненной колесницѣ, ставъ превыспреннею, предложится къ небеснымъ красотамъ (Святымъ же Духомъ будемъ представлять себѣ тотъ огонь, котораго Господь приходилъ *воврещи на землю*

(Лук. 12, 49.), удѣляемый ученикамъ въ видѣ языковъ); то и для насъ небезнадежнымъ слѣдается приблизиться къ симъ звѣздамъ, разумѣю божественныя понятія, которыя посредствомъ небесныхъ и духовныхъ словесъ осіяваютъ наши души. Ибо воззри душевнымъ окомъ, тебѣ говорю, слушатель, бывшимъ отъ Господа патріарху словомъ, *воззри на небо сіе* (Быт. 15, 5.), и разсмотри звѣзды, если можешь измѣрить высоту самыхъ понятій. Обрати вниманіе на власть царицы, изъ повелѣній ея уразумѣвъ ея владычество; какое самодержавное полномочіе открывается въ томъ, что говорить; не моленіемъ усиѣваетъ въ томъ, чего хочетъ, но по неложному слову Обѣтовавшаго, Который говоритъ, что *вѣрный и мудрый строитель* дѣлается господиномъ *надъ всѣмъ* имѣніемъ у Владыки (Лук. 12, 42—44.). Пріавъ сію власть, невѣста царски въ угодность себѣ располагаетъ двумя вѣтрами, повелительно удаляя отъ себя вѣтеръ сѣверный, и благосклонно призывая южный, и побуждая скорѣе придти къ ней. Буквально же читается такъ: *востани сѣвере, и гряди юже.*

Сродное нѣчто съ сказаннымъ найдется, можетъ быть, въ словахъ сотника, которымъ удивился Самъ Богъ Слово, какъ повѣствуетъ Евангелистъ, говоря: *слышавъ же Іисусъ, удивися* (Матѣ. 8, 10.), и слова сотника предпочель вѣрѣ Израиля. Ибо кажется мнѣ, что

Господь въ отношеніи къ вѣрѣ дѣлаетъ сравненіе сотника не съ народомъ Израильскимъ, но съ тѣмъ самымъ Израилемъ, который въ борьбѣ съ сопротивникомъ, и при вспоможеніи Божіемъ едва избѣжалъ паденія, оставшись несовершенно невредимымъ отъ противоборца, потому что получилъ болѣзнь стегна (Быт. 32, 24.). А этотъ сотникъ, о которомъ теперь рѣчь, съ царственнымъ нѣкимъ могуществомъ властно отсылая, что ему чуждо, приближаетъ къ себѣ, что ему угодно. И по моему мнѣнію, мужъ сей заслужилъ удивленіе преимущественно тѣмъ, что говоритъ о себѣ, какъ изъ подчиненныхъ ему воиновъ, съ полною властію отсылаетъ отъ себя, кого хочетъ, и призываетъ къ себѣ, кого угодно, и назначаетъ рабу надлежащее ему служеніе. И при этомъ видно нѣкое любомудріе въ словахъ сотника: отосланнаго однажды не возвращаетъ уже онъ къ себѣ, но, какъ скоро уходитъ отосланный, вмѣсто него приближаетъ къ себѣ другаго. Ибо, сказавъ это: *иди, и идетъ* (9), продолжаетъ, что призываетъ другаго, а не отосланнаго; и симъ, думаю, Слово учитъ такому положенію, что взаимно противоположнымъ между собою не естественно въ одномъ и томъ же обращаться другъ съ другомъ; потому что никакого нѣтъ общенія *свѣту ко тлѣ*, говоритъ Апостоль (2 Кор. 6, 14.); напротивъ того по всей необходимости,

по удаленіи тмы, видимъ вмѣсто нея свѣтъ, и по искорененіи порока на его мѣсто вводится добродѣтель; а по преуспѣяніи въ этомъ, мудрованіе плоти не востаетъ уже противъ духа, и не можетъ востать, потому что умерщвлена его сила противиться, но дѣлается готовымъ ко всякому надлежащему служенію, пребывая благопокорнымъ и послушнымъ владычеству духа. Ибо когда прогнанъ воитель — защитникъ порока, а на мѣсто его вошелъ ратоборецъ добродѣтели, облекшійся въ броню правды, и вооруженный мечемъ духовнымъ, оградившійся защитительнымъ вооруженіемъ — шлемомъ спасенія, щитомъ вѣры, имѣющій на себѣ всякое духовное вооруженіе (Ефес. 6, 14—17.); тогда рабъ—тѣло боится своего господина, и съ готовностію принимаетъ повелѣнія преобладающаго, по которымъ при служеніи тѣла преспѣваетъ добродѣтель. Ибо на сіе указываетъ слово сотника: *лагаю рабу моему: сотвори сіе, и сотворитъ* (Матѳ. 8, 9.).

Но послушаемъ царицу, почему гонитъ отъ себя сѣверный вѣтръ, дуновеніе его обращая назадъ. Ибо не успокоится ему приказываетъ, какъ Господь при волненіи моря велѣлъ бурѣ быть въ безмолвіи и волнамъ молчать (Марк. 4, 39.), но, чтобы безпрепятственно могли дуть вѣтръ южный, когда никакое противное дуновеніе не задержитъ его стремленія, повелѣваетъ сѣверному вѣтру удалиться и бѣжать

говоря: *востани*. Какая же причина удаленія сего вѣтра? *Сѣверъ жестокъ вѣтръ*, говоритъ на это приточное слово, *именемъ же пріятенъ* (*ἐπιδίξιος*) нарицается (Прит. 27, 16.). Но сѣверъ ни для кого не съ правой стороны, развѣ у кого востокъ сзади, и кому путь на западъ. Безъ сомнѣнія же разумѣешь загадочный смыслъ сказуемаго, что отступившій отъ востока (а востокомъ въ пророчествѣ именуется Христось), и идущій на запады свѣта, гдѣ владычество тмы, съ правой у себя руки имѣеть сѣверный вѣтръ, снабжающій его дурными напутствіями, съ которыми совершается путь въ тму. Такъ распутный справа у себя находить сѣверный вѣтръ, дующій вмѣстѣ съ страстью безчестія. Такъ у любостяжателя правымъ бываетъ этотъ вѣтръ лукавства, когда, подобно какому-то песку или праху, собираетъ ему питающее любостяжательность. Такъ, оказывая свое содѣйствіе каждому прегрѣшенію, онъ *пріятенъ* бываетъ, кому можетъ стать пріятнымъ, будучи *жестокъ* по природѣ, но жестокость свою прикрывая удовольствіями. Посему гонить сѣверный вѣтръ изъ подъ своего начальства та, которая, облекшись властію надъ страстями, говоритъ: *востани, сѣвере*. А что этимъ именемъ означается сопротивная сила, это ясно будетъ для всякаго уразумѣвшаго естество видимаго. Ибо кто не знаетъ о движеніи солнца, что оно, совершая теченіе

съ востока по югу, склоняется къ западу? А поелику поверхность земли шарообразна, какъ говорятъ уразумѣвшіе подобное сему; то, будучи освѣщена солнцемъ въ одной части, по всей необходимости покрывается тмою въ части противоположной, затѣняемая преградою того, что въ серединѣ. И такъ, поелику оное мѣсто всегда пребываетъ неосвѣщеннымъ и холоднымъ, не будучи ни осіяваемо, ни согрѣваемо солнечными лучами: то посему князя власти темныя, который нѣжное естество души, подобно водѣ приводя въ оцѣпенѣніе, окаменяетъ и дѣлаетъ жестокимъ, Слово называется и сѣвернымъ вѣтромъ и жестокимъ, дѣлательмъ угрюмой зимы, разумѣю ту зиму, въ которую евангеліе называетъ невозможнымъ бѣгство отъ опасностей (Матѳ. 24, 20.); потому что во время ея увядаетъ красота цвѣтущихъ добродѣтелю.

Посему прекрасно это, что слово царицы со властію гонить сей вѣтръ, призываетъ же полуденный, теплый и всегда свѣтлый, который называется югомъ, отъ котораго течетъ потокъ наслажденія, говоря: *и гряди юже, и повѣй въ вертоградъ моею, и да потекутъ ароматы моя*, чтобы сильнымъ дыханіемъ, какъ слышали мы, было это съ учениками въ горницѣ, повѣявъ на одушевленные насажденія, подвигнуть насажденіе Божіе къ изліянію ароматовъ, и заставить изъ устъ истечь бла-

говонное пророчество и спасительные догматы вѣры, во всякомъ видѣ языковъ безпрепятственно разливающія благоуханіе ученій. Такъ сто двадцать учениковъ, насажденныхъ въ дому Божіемъ, дыханіемъ таковаго юга произрастали цвѣтъ—ученіе на разныхъ языкахъ. Посему-то такому югу говоритъ невеста: *повій въ вертоградъ моеяъ*. Поелнку сдѣлалась она матерью вертоградовъ, по гласу Жениха, содѣлавшаго ее источникомъ вертоградовъ, какъ содержитъ въ себѣ слово (м), то поэтому желательно ей, чтобы провѣянъ былъ вертоградъ ея, т. е. Церковь, изобилующая одушевленными древами, и потекли отъ нихъ ароматы. Пророкъ говоритъ: *дхнетъ духъ Ею, и потекутъ воды* (Псал. 147, 7.), а невеста, величаясь царскимъ богатствомъ, съ великолѣпіемъ измѣняетъ потоки, обращая ихъ въ рѣки ароматовъ, истекающія изъ деревъ вертограда по сильному дуновенію вѣтра, такъ что и изъ этого можно дознать разность завѣтовъ ветхаго и новаго, и именно, что пророческая рѣка наполнена водами, а евангельская—ароматами. Таковою рѣкою ароматовъ, при содѣйствіи Духа текущею изъ вертограда Церкви, былъ великій Павелъ, токи котораго благоухали Христомъ. Другою таковою рѣкою

(м) Переведено по рукописи.

былъ Іоаннъ, Лука, Матѣей, Маркъ; и всѣ прочіе, какъ благородныя насажденія вертограда невѣсты, провѣваемые свѣтлымъ онымъ полуденнымъ югомъ, сдѣлались источниками ароматовъ, изливающими благоуханіе евангелій.

Да снидетъ, говоритъ невѣста, *братъ мой въ вертоградъ свой, и да ястъ плодъ овоцій своихъ*. Какой дерзновенный гласъ! Какая щедрая и великодаровитая душа, превышающая всякій избытокъ великодушія! Кого угощаетъ пиршествомъ изъ собственныхъ его плодовъ? Кому уготовляетъ вечерю изъ собственныхъ его благъ? Кого приглашаетъ вкусить имъ же приготовленнаго? Тому, отъ Кого все, и Кѣмъ все, и въ Комъ все, Кто всѣмъ даетъ *пищу во благовременіи*, отверзаетъ *руку Свою*, и исполняетъ *всяко животнo благоволенія* (Пса. 144, 15. 16.), *есть хлѣбъ, сходяй съ небесе и даей животъ міру* (Іоан. 6, 33.), изъ собственнаго Своего источника источаетъ жизнь всѣмъ существамъ, — Ему-то невѣста предлагаетъ трапезу. А трапеза есть вертоградъ, насажденный одушевленными древами. Древа же сіи-мы, если только и мы въ пищу Ему предлагаемъ спасеніе душъ нашихъ; потому что жизнь нашу вмѣняющій себѣ въ пиръ сказалъ такъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Отца Моего* (Іоан. 4, 34.). Очевидна же цѣль божественной воли Того, *Иже всѣмъ хочетъ спастися и*

въ разумѣ истины приити (1 Тим. 2, 4.). Посему вотъ уготованное Ему брашно—спасеніе наше. А плодомъ дѣлается наше произволеніе, собою, какъ бы какою вѣтвію, влагающее душу въ руки пожинающему насъ Богу. Надлежитъ же изъ сего видѣть, что сперва невѣста услаждается плодомъ яблони, говоря: *и плодъ его сладокъ* въ устахъ моихъ (Шѣсн. 2, 3.), а тогда плодъ и самъ дѣлается зрѣлымъ и усладительнымъ, и дѣлателью предлагается на веселіе. А выраженіе: *да снидетъ* имѣетъ значеніе прошенія, будучи произносимо подобно словамъ: *да святится имя Твое, и: да будетъ воля Твоя*. Ибо, какъ тамъ оныя реченія, по своему виду, заключаютъ въ себѣ молитвенное значеніе, такъ и здѣсь выраженіе: *да снидетъ* есть молитва невѣсты, показующей Богу обильное плодоносіе добродѣтели. А снисшествіе означаетъ дѣло человеколюбія. Ибо, такъ какъ невозможно вознестись иначе къ Всевышнему, какъ развѣ къ пресмыкающемуся по землѣ преклонится *Пріемляй кроткія Господь* (Иса. 146, 6.); то посему восходящая горѣ душа, призывая въ помощь руководство Вышняго, умоляетъ Сего снизоидти изъ Своего величія, чтобы содѣлаться доступнымъ для дольнихъ.

А изрекшіи устами Пророка: *еще глаголющу ти тамъ, се приидохъ* (Иса. 58, 9.). прежде, нежели молитва вышла изъ устъ у невѣсты,

и слышалъ, въ чемъ имѣла она нужду, и внялъ готовности ея сердца, и былъ уже въ вертоградъ, обвѣваемомъ южнымъ вѣтромъ, и собиралъ плоды ароматовъ, и насытился овощами добродѣтели, и пересказываетъ о пиршествѣ, говоря невѣстѣ такъ: *сидохъ въ вертоградъ сестро Моя невѣсто: обзимахъ смирную мою со ароматами моими, ядохъ хлѣбъ мой съ медомъ моимъ, тихъ вино мое съ млекою моимъ: ядите ближніи мои, и пейте, и упійтеся братія мои.* Видишь ли, какъ щедростію превышаетъ прошеніе? Невѣста просила, чтобы источниками ароматовъ содѣлались ея насажденія въ вертоградъ, обвѣанныя съ полудня вѣющимъ югомъ, и чтобы овощными плодами угощенъ былъ дѣлатель. Всякому же извѣстно, что благоуханіе, какое бы то нибыло, доставляетъ удовольствіе чувству обонянія, а овощи, какъ снѣдь, менѣе хлѣба имѣютъ силы къ поддержанію здравія питаемыхъ. Но Снисшедшій въ вертоградъ Свой, естество плодовъ преложивъ въ нѣчто болѣе важное и дорогое, собираетъ въ вертоградъ смирную, нашедши ее съ своими ароматами; потому что Его все, *аще что добро*, въ чемъ бы ни нашлось это, какъ воспѣваетъ пророческое слово (Зах. 9, 17.); Онъ дѣлаетъ, что деревья вмѣсто плодовъ изобилуютъ хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ медомъ Его. И съ этимъ согласно да изречется тоже пророческое слово, что Его медъ, какъ и прочія

блага, и изъ тогоже почерпнется вино, срастворенное съ млекою Его: ибо *изъ Тою, и Тьмъ, и въ Нелъ всяческая* (Римл. 11, 36.).

О, какъ блаженны оныя вертограды, въ корыхъ насажденія, какъ засвидѣтельствовано, изобилуютъ такими плодами, что преобразуются во всякій родъ пищи по вождельнѣю наслажденія! Ибо для услаждающагося благовоиёмъ дѣлаются смироною, умерщвленіемъ земныхъ членовъ уготавливая муру чистой и благоуханной жизни, сваренное изъ многихъ и различныхъ ароматовъ добродѣтели. А для ищущаго совершеннѣйшей пищи дѣлаются хлѣбомъ, который не съ горькимъ зеліемъ снѣдается, какъ повелѣваетъ законъ (Исх. 12, 8.), потому что для настоящаго времени пригодно горькое зеліе; но приправою своею будетъ имѣть медъ, когда плодъ добродѣтели во время свое усладитъ чувствилища души, доказательствомъ чему служить по воскресеніи Господа явленный ученикамъ хлѣбъ, услаждаемый сотомъ меда (Лук. 24, 42.). Для жаждущаго же дѣлается чашею, полною вина и млека, а не губкою, омоченною въ желчь и оцетъ, какую іудеи, въ знакъ благожеланія, на трости подаютъ Благодѣтелю. И конечно, не неизвѣстенъ намъ загадочный смыслъ сказаннаго: а пменно, какъ приносящимъ смиру древомъ былъ Павелъ, по вся дни умирающій (1 Кор. 15, 31.), самъ себѣ произносящій *осужденіе*

смерти (2 Кор. 1, 9.), благоухающей чистою и безстрастиемъ, и дѣлающейся *волею живою* для спасаемыхъ (2, 16.); какъ одушевленные насажденія вертограда приносятъ хлѣбъ Владыкѣ вертограда, о чемъ свидѣтельствуешь Сѣдящій на престолѣ: *взлжися, и дасте Ми ясти* (Матѣ. 25, 35.); потому что благодетельность есть хлѣбъ веселія, услаждаемый медомъ заповѣди; какъ еще тѣ плодоносныя насажденія вертограда, которымъ говоритъ Онъ: *возжадахся, и напоисте Мя*, изливаютъ Жениху вино, срастворивъ его съ молокомъ, а не съ водою, по обычаю корчемниковъ. Но молоко есть первая пища естества человѣческаго, и чистая и простая, въ подлинномъ смыслѣ младенческая и не хитрая, очищенная отъ всякой лукавой вины.

Сказавъ это невѣстѣ, Слово предлагаетъ ближнимъ евангельскія таинства, говоря: *идите блаженіи Мои, и пейте, и упойтесь братія Мои*; ибо для знающаго таинственныя изреченія евангелія не окажется никакого различія между сказаннымъ здѣсь, и тайноводствомъ учениковъ, какое совершено тамъ; потому что Слово и здѣсь и тамъ одинаково говоритъ: *идите и пейте*. Но въ этомъ совѣтѣ приходитъ въ упоеніе, какій здѣсь дастъ Слово братіямъ, какъ можетъ показаться многимъ, заключается нѣчто большее противъ евангелія. Впрочемъ, если кто изслѣдуетъ въ точности, то и сіе

окажется согласнымъ съ евангельскими предписаніями. Ибо, что здѣсь повелѣвалось друзьямъ на словахъ, то тамъ совершило Слово на самомъ дѣлѣ, потому что всякое упоеніе производитъ обыкновенно изступленіе ума, преобладаемаго виномъ. Посему, въ чемъ здѣсь подается совѣтъ, то и тогда производилось божественною оною снѣдію и божественнымъ питіемъ, и всегда производится, такъ какъ вмѣстѣ съ снѣдію и питіемъ пріемлется внутрь преложеніе отъ худшаго къ лучшему и изступленіе. Такъ упоеваются, по сказанному пророчествомъ, піющіе отъ *туки долу Божія* и *напоеваемые потокомъ сладости* (Иса. 35, 3.), какъ упился однажды и великій Давидъ, когда, вышедши изъ себя самого, и бывъ въ изступленіи видѣлъ незримую красоту, и возгласилъ это пресловутое слово: *всякъ чловѣкъ ложь* (Иса. 115, 2.), слову ввѣря истолкованіе не сказанныхъ сокровищъ. Такъ былъ въ упоеніи и юнѣйшій Веніаминъ — Павелъ, когда пришелъ въ изступленіе, говоря: *аще бо изумихомся, Богови* (потому что для Бога было наше изступленіе); *аще ли цѣломудрствуемъ, валь* (2 Кор. 5, 13.), какъ и показалъ о себѣ въ словахъ къ Фисту, что *онъ не блснуется, но цѣломудрія и правды глаголы вѣщаетъ* (Дѣян. 26, 25.). Знаю, что и блаженный Петръ въ таковомъ видѣ упоенія былъ вмѣстѣ *приименъ и упоенъ*; ибо, прежде нежели принесена тѣ-

лесная пища, когда *бысть приалченъ и хотяше вкусити*, домашнимъ же, *приготовляющимъ* ему трапезу, приходитъ на него божественное и трезвенное упоеніе, отъ котораго выходить самъ изъ себя, видитъ евангельскую *плащаницу*, спускаемую сверху за четыре края, заключающую въ себѣ людей всякаго рода въ тмочисленныхъ видахъ, и птицъ, и четвероногихъ, и гадовъ, и звѣрей, имѣющихъ на себѣ образъ по различію ихъ чтилищъ, и что въ нихъ было звѣринаго и безсловеснаго вида, то повелѣваетъ Слово Петру заколоть, чтобы, по очищеніи ихъ, остальное сдѣлалось удобоснѣднымъ, когда преподается имъ чистое Слово благочестія, и неоднократно изрекъ Божественный гласъ: не скверно то, *яже очистилъ есть Богъ* (Дѣян. 10, 10—15.), но трекратно повторено сіе провозглашеніе, чтобы дознали мы по единому гласу, что очищающій Богъ есть Отецъ, и по другому такъ же, что очищающій Богъ есть едиnorodный Сынъ, и подобно сему еще по иному, что очищающій все нечистое Богъ есть Духъ Святой. И такъ, поелику таково бываетъ упоеніе отъ вина, предлагаемаго Господомъ сопиршественикамъ, отъ котораго происходитъ душевное изступленіе въ Божественное; то прекрасно Господь сдѣлавшимся ближними по добродѣтелямъ, а не отстоящимъ далеко, повелѣваетъ: *ядите ближніи Мои и пійте, и упійтеся. Ибо ядый*

и нїяї недостойнї судѣ себѣ ястѣ и нїетѣ (1 Кор. 11, 29.). Прекрасно такъ же достойныхъ снѣди нарекъ братїями; *иже бо сотворитѣ волю Его, сей братѣ и сестра и мати* именуется Словомъ (Марк. 3, 35.).

За упоенїемъ по порядку слѣдуетъ сонъ, чтобы пищеваренїемъ возвращена была вечерявшимъ сила во здравїе тѣлу. Поэтому послѣ онаго пиршества невѣста погружается въ сонъ. Но сонъ этотъ какой-то странный и неслѣдующій естественному обычаю; потому что въ обыкновенномъ снѣ и спящїй не бодрствуетъ, и бодрствующїй не спитъ, но то и другое одно другимъ прекращается, и сонъ и бодрствованїе попеременно другъ другу уступаютъ мѣсто. А здѣсь усматривается у невѣсты какое-то новое и необычайное стеченїе и соединенїе противоположностей. Она говоритъ: *азѣ сплю, а сердце мое бдитѣ*. Въ какомъ же смыслѣ надобно принять это? Сонъ есть подобїе смерти; потому что во снѣ прекращается всякая чувственная дѣятельность тѣлѣ; ни зрѣнїе, ни слухъ ни обонянїе, ни вкусъ, ни осязанїе во время сна не дѣйствуютъ, какъ свойственно имъ. Напротивъ того сонъ ослабляетъ тѣлесныя силы, производитъ даже забвенїе о заботахъ, какія бываютъ у чело-вѣка, усыпляетъ страхъ, укрощаетъ раздраженїе, отнимаетъ силу у огорчительнаго, и приводитъ въ безчувствїе всѣхъ бѣдствїй, пока

владѣть тѣломъ. Посему изъ сказаннаго дознаемъ, что выше себя самой стала та, которая величается симъ и говоритъ: *изъ снлю, а сердце мое бдитъ*. Ибо дѣйствительно, когда умъ живетъ одинъ самъ собою, не смущаемый ни однимъ изъ чувствилищъ, тогда природа тѣла бываетъ приведена въ бездѣйствіе, какъ бы во снѣ какомъ и въ гробу (н), и справедливо можно сказать, что засыпаетъ отъ бездѣйствія зрѣніе, потому что презираются зрѣлища, которыя обыкновенно изумляютъ дѣтскіе взоры, разумѣю не эти только зрѣлища земнаго вещества, напримѣръ: золото, серебро, всякіе камни, какою-то доброцвѣтностію возбуждающіе въ глазахъ жадность, но и чудеса, видимыя на небѣ, блистанія звѣздъ, солнечный кругъ и многообразный видъ луны, и если иное чтó доставляетъ удовольствіе глазамъ, такъ какъ ничто не пребываетъ вѣчно, но все съ теченіемъ времени движется и вращается. Когда, при взглядѣ на истинныя блага, все сему подобное бываетъ презрѣно, тогда въ недѣятельности остается тѣлесное око, потому что душа, ставъ совершеннѣе, не привлекается тѣмъ, чтó оно показываетъ, взирая умомъ на одно то, чтó выше видимаго. Такъ и слухъ дѣлается какимъ-то мертвымъ

(н) По рукописи читается: *калі'мритъ*.

и недѣятельнымъ, потому что душа бываетъ занята тѣмъ, что выше разума.

О чувствахъ же болѣе скотскихъ не стоить и говорить; потому что, подобно какому-то зловонію отъ мертвечины, далеко отвергаются душею и отыскивающее запахи обоняніе, и предавшій себя на служеніе чреву вкусъ, а съ ними и осязаніе, это рабское и слѣпое чувство, которое, можетъ быть, для слѣпыхъ только и произведено природою. Когда все это, по причинѣ бездѣйствія, одержимо какъ бы сномъ какимъ, тогда дѣятельность сердца чиста, помысль обращаетъ взоръ горѣ, не оглушаемый и невозмущаемый чувственнымъ движеніемъ. Такъ какъ въ естествѣ человѣческомъ удовольствіе двояко, одно производится въ душѣ безстрастіемъ, а другое въ тѣлѣ страстію; которое изъ двухъ избрано будетъ произволеніемъ, то и возобладаетъ надъ другимъ. Напримѣръ, если кто обращаетъ вниманіе на чувство, привлекаемый удовольствіемъ, какое чувствомъ производится въ тѣлѣ, то проведетъ онъ жизнь не вкусивъ Божественнаго веселія, но привычкѣ лучшее какъ бы помрачатъ худшимъ. А у кого вожделѣніе устремлено къ Божественному, для тѣхъ благо пребываетъ неомрачаемымъ, и все обворожающее чувство почитается достойнымъ того, чтобы избѣгать сего. Посему душа, когда услаждается однимъ созерцаніемъ сущаго, не

бываетъ бодрственна ни для чего такого, что приводитъ въ удовольствіе посредствомъ чувства; но усыпивъ всякое тѣлесное движеніе, ничѣмъ неприкровенною и чистою мыслію въ Божественномъ бодрствованіи приеѣметъ богоявленіе, котораго да сподобимся и мы, при помощи сказаннаго сна, преуспѣвъ въ душевномъ бодрствованіи, о Христѣ Іисусѣ. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСѢДА II.

(5, 2.). *Гласъ брата моего ударяетъ въ двери: отверзи ми сестро моя, ближняя моя, голубице моя, совершенная моя: яко глава моя наполнися росы, и власы мои капель nocturnarum: (3). Совлекуся ризы моя, како облечуся въ ню? Умыхъ позъ мои, како оскверню ихъ? (4) Братъ мой посла руку свою сквозь скважню, и чрево мое вострепета отъ него.*

Вотъ одна изъ великихъ заповѣдей Господнихъ, по которымъ разумъ обучаемыхъ словомъ, какъ бы персть какую, оттрясши съ себя все въ естествѣ вещественное, возносится къ вождельнію высшаго; то есть, имѣющимъ въ виду жизнь горнюю должно быть выше сна, и всегда бодрствовать разумомъ, какъ бы оболъстительницу какую душъ и навѣтницу истины, отгоняя отъ очей дремоту, разумію ту дремоту и тотъ сонъ, которыми

въ погружающихся въ житейское обольщеніе образуются эти мечтательныя представленія: начальство, богатство, господство, кичливость, очаровательность удовольствій, славолюбіе, пристрастіе къ наслажденіямъ, честолюбіе и все, что въ этой жизни для несмотрительныхъ, по какому-то пустому представленію, вождельно, протекаеть вмѣстѣ съ преходящимъ естествомъ времени, имѣеть бытіе только во мнѣніи, не будучи тѣмъ, за что признается, и даже во мнѣніи нашемъ не оставаясь постоянно тѣмъ же, но представляясь вмѣстѣ и приходящимъ въ бытіе и гибнущимъ, подобно волнамъ, воздымающимся надъ водами, и на время надмѣваемымъ движеніемъ вѣтровъ, но неостающимся на долго въ этомъ надмѣніи; потому что воздвигнутыя стремительною вѣтра, вскорѣ опавъ вмѣстѣ съ вѣтромъ, опять показываютъ гладкую поверхность моря. Посему, чтобы мысль наша стала свободна отъ таковыхъ призраковъ, Слово повелѣваетъ тяжелый этотъ сонъ отрясти съ душевныхъ очей, чтобы по рачительности о несостоятельномъ не утратить намъ состоятельнаго и дѣйствительно существующаго. Посему и внушаетъ намъ мысль о бодрствованіи, говоря: *да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтильницы горящія въ рукахъ вашихъ* (Лук. 12, 35.); потому что показывающійся глазамъ свѣтъ гонить отъ очей сонъ, и чресла, стянутыя поя-

сомъ, дѣлають тѣло неспособнымъ къ сну, ощущение трудовъ недопускаетъ упокоенія во снѣ. Конечно же, ясно,—чтоъ выражается загадочною рѣчью; препоясанный цѣломудріемъ живетъ во свѣтѣ чистой совѣсти, потому что свѣтильникъ дерзновенія озаряетъ жизнь, въ которой душа отъ явленія истины пребываетъ неусыпною и неподдающеюся обману, не приводимою въ безуміе ни одною изъ этихъ ничего незначащихъ грезъ. Если же преусиѣемъ и въ этомъ подъ руководствомъ Слова, то послѣдуетъ съ нами Ангельская нѣкая жизнь, потому что Божія заповѣдь уподобляетъ насъ тѣмъ, о которыхъ говоритъ: *и вы подобни челоуѣкоу чашущему Господа своего, когда возвратится отъ брака, да пришедшу и толкнувшу, абіе отверзутъ ему* (36.). Ибо и онѣ ожидаютъ Господня возвращенія съ брака, и съ бодрственнымъ окомъ сидятъ при небесныхъ вратахъ, чтобы Царь Славы, когда возвратится съ брака, вошелъ опять ими въ пренебесное оное блаженство. Откуда, *яко женихъ*, по словамъ псалмопѣнія, *исходяй отъ чертога* (Пса. 18, 6.), обручилъ Онъ Себѣ насъ въ дѣву, это естество, соблудившее съ идолами, тайственнымъ возрожденіемъ претворилъ въ дѣвственное неращлѣніе. И такъ, по совершеніи уже брака, по увѣщеніи Церкви Словомъ, какъ говоритъ Іоаннъ: *илый невѣсту, женихъ есть* (Іоан. 3. 29.), по принятіи ея въ чертогъ

тайнствѣ. Ангелы ожидали возвращенія Царя, по введеніи Церкви въ естественное блаженство. Посему имъ-то, изрекмо Слово, должна уподобляться наша жизнь, чтобы какъ они, ведя жизнь далекую отъ порока и обмана, готовы къ принятію Владычняго пришествія, такъ и мы, бодрствуя у преддверія нашихъ временныхъ жилищъ, содѣлали себя готовыми къ послушанію, когда пришедши толкнетъ Онь въ дверь. Ибо *блажени*, сказано, *рабѣ тѣмъ, иже приидѣтъ Господь ихъ обрящетъ* творящими такъ (Лук. 12, 37.).

Посему, такъ какъ блаженное дѣло быть послушнымъ толкущему въ двери; то по сей причинѣ душа, которая неусыпно хранитъ свои сокровища, непрестанно помышляя о блаженствѣ, ощущаетъ стоящаго при дверяхъ, и говоритъ: *гласъ брата моего ударяетъ въ двери*. Какъ изъ словъ сихъ можно иному достойнымъ образомъ уразумѣть восхожденіе невѣсты къ Божественному? Та, которая съ такою властію и увѣренностію отогнала отъ себя жестокой оный сѣверъ, привлекла къ себѣ свѣтлый вѣтръ, производитъ въ устахъ сады шипковъ, плоды которыхъ ароматы; та, которая Владыкѣ твари предложила вертоградъ свой въ трапезу, на которой ничто изъ предложеннаго не оказалось такимъ, чтобы могло быть отринутымъ, а напротивъ того все было прекрасно, что засвидѣтельствовано смиренною,

ароматомъ, хлѣбомъ съ медомъ, и виномъ съ молокомъ; та, совершенство которой подтвердило Слово, сказавъ: *вся добра еси, и порока нѣсть въ тебѣ* (Пѣсн. 4, 7.); та самая расположена теперь, какъ въ первый разъ готовящаяся принять пришествіе Божіе, и какъ еще не пріявшая и не вселившая у себя стоящее нынѣ предъ дверьми Слово, силу голоса вмѣняетъ въ чудо. Посему сказывается, что голосъ жениховъ касается не ея, но двери ея; ибо говорить: *гласъ брата моего ударяетъ въ двери*.

Видишь ли, какъ безпредѣльно шествіе для восходящихъ къ Богу, какъ пройденное дѣлается всегда началомъ тому, что лежитъ выше? По сказанному невѣстѣ надѣялись мы нѣкоторой остановки въ продолженіи шествія вверхъ. Ибо по засвидѣтельствованіи о совершенствѣ чего большаго сталъ бы иной искать? Что же видимъ? Невѣста еще дома, не выходила и изъ дверей, не насладились лицезрѣніемъ пришедшаго, но слухомъ только путешествія къ причастию благъ. Посему изъ сказаннаго дознаемъ слѣдующее ученіе: къ преуспѣвающимъ въ важнѣйшемъ всегда удобно-приложимо апостольское слово, въ которомъ сказано: *аще кто мнитъ вѣдѣти что, не у что разумъ, якоже подобаетъ разумѣти* (1 Кор. 8, 2.). Ибо въ предшествовавшемъ душа познала Жениха, сколько постигла. Но какъ не

постигнутое еще въ безконечное число кратъ больше постигнутого; то посему, хотя Женихъ многократно являлся душѣ, однакоже гласомъ возвѣщаетъ о себѣ невѣстѣ, что явится ей, какъ не представавшій еще ея очамъ. А чтобы мысль сія содѣлалась для насъ болѣе ясною, присовокуплю къ рѣчи для примѣра нѣкоторое подобіе: какъ, если бы кто находился близь того источника, о которомъ Писаніе сказало, что въ началѣ *исхождаше изъ земли* въ такомъ обилии, что *напаяше все лице земли* (Быт. 2, 6.); то приблизившійся къ источнику будетъ дивиться несмѣтному сему множеству *безпредельной* воды, непрестанно его наполняющей и имъ изливаемой, но не скажетъ, что видѣлъ всю эту воду (ибо возможно ли ему видѣть сокрывающееся въ нѣдрахъ земли?), посему, если и долго простоятъ у люющагося источника, всегда будетъ только въ началѣ этого зрѣлища; потому что вода все еще не прекращаетъ своего теченія, и все еще начинаетъ только изливаться: такъ и тотъ, у кого предъ очами оная божественная и неопредѣлимая красота, поелику обрѣтаемое вновь, непрестанно представляется непременно болѣе новымъ и необычнымъ въ сравненіи съ постигнутымъ уже (о), хотя и дивится

(о) По рукописи читается: *παρά τὸ ἴδιον κατελημμένον.*

всегда предъ нимъ появляющемся, но никогда не останавливается въ вождельнїи еще видѣть, потому что ожидаемое велельнїе и божественнїе всего видимаго. Посему и здѣсь невѣста, всегда дивясь познаваемому, и изумлявая предъ этимъ, никогда неудовлетворяется познаннымъ въ желанїи продолжать обзорнїе. По этой причинѣ и теперь, такъ какъ ощущаетъ еще, что Слово ударяетъ въ двери, съ послушанїемъ возстаетъ, и говоритъ: *гласъ брата моего ударяетъ въ двери.*

Потомъ, давъ успокоенїе слуху, слушаетъ гласъ вѣщающаго Слова: *отверзи ми сестро моя, ближняя моя, голубице моя, совершенная моя: яко глава моя наполнися росы, и власы мои капель ноцныхъ.* Смыслъ же сего постигнетъ, кто составитъ себѣ такой взглядъ. Великому Моисею богоявленїе началось свѣтомъ; потомъ Богъ бесѣдуетъ съ нимъ въ облакѣ; послѣ же сего Моисей, ставъ выше и совершеннѣе, видитъ Бога во мракѣ. А изъ сего дознаемъ подобное слѣдующему: первое удаленїе отъ ложныхъ и погрѣшительныхъ предположенїй о Богѣ есть переходъ изъ тмы въ свѣтъ. Болѣе же внимательное наблюденїе сокровеннаго, видимымъ путеводящее душу къ естеству невидимому, дѣлается какъ бы нѣкимъ облакомъ, которое, затѣняя собою все видимое, руководитъ и прїобучаетъ душу къ тому, чтобы обращала взоръ на скрытое.

Душа же, простирающаяся чрезъ это къ горнему, сколько доступно сіе естеству человѣческому, оставляя дольнее, входитъ въ святилище боговѣдѣнія, отвсюду будучи объята божественнымъ мракомъ, въ которомъ, поелику все видимое и постигаемое оставлено впѣ, обзорѣнію души остается только невидимое и непостижимое, и въ семъ-то мракѣ — Богъ, какъ говоритъ Слово о законодателѣ: *Моисей же вниде во мракъ, идѣже бѣше Богъ* (Исх. 20, 21.).

По такомъ обзорѣніи сего должно разсмотрѣть, какое средство между сказаннымъ и предлагаемымъ нашему вниманію. Черна была нѣкогда невѣста, омраченная несвѣтлыми ученіями, когда облиставшее ее солнце пожгло, по причинѣ искушеній, неукоренившееся на камняхъ сѣмя. Побѣжденная нѣкогда сварившимися съ ней, не сохранила она винограда своего; потому что, не познавъ себя самой, вмѣсто овецъ пасла стада козловъ. Но какъ скоро, оставивъ союзъ свой съ зломъ, возжелала въ таинственномъ ономъ лобзаніи сблизить уста съ источникомъ свѣта, дѣлается тогда прекрасною, озаренная свѣтомъ истины и омытая водою отъ черноты невѣдѣнія. Потомъ по скорости теченія уподобляется она копянь, а по быстротѣ разумѣнія—голубиць. Подобно конянь обѣжавъ и подобно голубиць облетѣвъ все постигаемое и видимое, она сперва съ вождельніемъ упокоевается подѣ

тѣнію яблони, называя яблонію отѣняющее ее вмѣсто облака; и теперь она объемлетъ уже божественною полноту, во время которой Женихъ, хотя и приходитъ, но не показывается. Ибо какъ ночью показалось бы невидимое? Но хотя даетъ Онъ душѣ нѣкое ощущеніе Своего присутствія, однакоже избѣгаетъ яснаго уразумѣнія, сокрываясь по невидимости естества. Посему какое же тайноводство совершается въ эту ночь надъ душею? Слово прикасается къ дверямъ. Подъ именемъ же дверей разумѣтъ гадательный смыслъ таинственнаго, которымъ вводится въ насъ искомое. Посему истина, стоя внѣ нашего естества, вѣдѣніемъ *отъ части* (1 Кор. 13, 12.), какъ говоритъ Апостоль, предположеніями и гаданіями ударяетъ въ двери разумѣнія, говоря: *отверзи*; и къ убѣжденію присовокупляетъ способъ, какъ надлежитъ отверзать двери, прекрасныя оныя именованія подавая какъ бы нѣкіе ключи, которыми отверзается запертое. Ибо значенія именованій сихъ: *сестро, ближняя, голубица, совершенная*, въ прямомъ смыслѣ суть ключи, отверзающіе сокровенное. Если желательно тебѣ, говоритъ Женихъ, чтобы двери отверзлись, и *взяты* были врата души твоей, и вошелъ *Царь славы* (Пса. 20, 7.); то надлежитъ тебѣ сдѣлаться моею сестрою, принявъ отъ души волю мою, какъ сказано въ евангеліи, что тотъ дѣлается Ему братомъ и

сестрою, кто живетъ по волѣ Его (Матѣ. 12, 49.). Надлежитъ же тебѣ приступить и къ истинѣ, содѣлаться *ближнею*, чтобы не застѣняла тебя никакая среда, и твое совершенство состояло въ свойствѣ голубицы; а сіе значить -- безъ недостатка исполниться всякаго незлобія и всякой чистоты. Какъ бы нѣкіе ключи пріявъ сіи именованія, отверзи ими, душа, входъ истинѣ, дѣлаясь сестрою, ближнею, голубицею, совершенною. Прибыткомъ же отъ того, что примешь и введешь Меня къ себѣ въ домъ, будетъ для тебя съ Моей головы роса, которой Я полощу, и съ волосъ Моихъ текущія ночныя капли. А изъ нихъ роса подастъ исцѣленіе, какъ ясно дознали мы сіе отъ пророка, который говоритъ: *роса бо, яже отъ Тебе, исцѣленіе имѣсть* (Иса. 26, 19.). А *нощныя капли* состоятъ въ связи съ обозрѣннымъ выше, ибо кто былъ во святилищѣ, вблизи необозримаго (п), тому невозможно домогаться какого либо дождя или потока вѣдѣнія; напротивъ того для него вожделѣнно, если истина окропитъ его вѣдѣніе тонкими и неуясненными мыслями, при содѣйствіи разумной капли, истекающей отъ святыхъ и богоносныхъ мужей. Ибо *власами* на Главѣ всяческихъ, по моему мнѣнію, въ пе-

---

(п) По рукописи: *ἀθρόουτων*.

реносномъ смыслѣ, называются пророки, евангелисты и апостолы, изъ которыхъ каждый, сколько вмѣщалъ, почерпая сіи во мракѣ таящіяся, сокровенныя и невидимыя сокровища, дѣлается для насъ рѣкою, но въ самой дѣйствительности это капли только росы, хотя и пренсполнены обиліемъ и величіемъ ученія. Какою рѣкою былъ Павелъ, волнами мыслей возносимый выше неба, даже *до третіаго небесе*, даже *до рая*, туда, гдѣ слышалъ неизреченные и непронизносимые глаголы (2 Кор. 12, 3. 4.)! И подобно морю, всю такую высоту рѣчи, разливая въ словѣ, показываетъ онъ также, что слово сіе въ сравненіи съ подлиннымъ Словомъ есть нѣкая капля росы, когда говоритъ: *отъ части разумываемъ, и отъ части пророчествуемъ* (1 Кор. 13, 9.); и: *аще ли кто мнитъ видѣти что, не у что разумъ, якоже подобаетъ разумѣти* (8, 2.); и: *азъ себе не у помышляю достигша* (Филип. 3, 13.)! Посему если влагаю росы и каплями на волосахъ почитаются въ сравненіи съ нашими силами признаваемые рѣками, морями и волнами: то что надлежитъ заключить о семъ Источникѣ, изрекшемъ: *аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ и піетъ* (Іоан. 7, 37.)? Каждый изъ слушающихъ по мѣрѣ сказаннаго составитъ себѣ понятіе о чудѣ. Ибо если достаточно капли, чтобы произошли рѣки, то что должно заключать по сей каплѣ о самой рѣкѣ Божіей?

Но посмотримъ , какъ невѣста послушна Слову, какъ отверзаетъ входъ Женху. *Совлекохся ризы моея*, говоритъ она, *како облечуся въ ню? Умыхъ нозь мои, како оскверню ихъ?* Прекрасно послушала она Повелѣвшаго ей сдѣлаться сестрою, ближнею, голубицею и совершенною, чтобы въ слѣдствіе сего вселилась въ душѣ истина. Ибо сдѣлала то, что слышала, совлекшись кожаной одежды , въ которую облеклась послѣ грѣха, и смывъ съ ногъ земную нечистоту, которою была покрыта, когда, изъ райскаго житія возвратившись на землю, услышала: *яко земля еси, и въ землю отидеши* (Быт. 3, 19.). Посему отверзла Слову входъ къ душѣ, открывъ завѣсу сердца, то есть плоть, а говоря о плоти, разумѣю ветхаго человѣка, котораго совлечь и сложить съ себя божественный Апостоль повелѣваетъ готовящимся въ купѣли слова омыть нечистоту душевныхъ стопъ. Итакъ, совлекшись ветхаго человѣка, и отъявъ покрывало сердца, душа отверзла входъ Слову, и когда Оно вошло, дѣлаетъ Его своею одеждою, по руководству Апостола, который повелѣваетъ совлекшему съ себя плотское одѣянія ветхаго человѣка облечься въ ризу, созданную *по Богу въ преподобіи и съ правдѣ* (Ефес. 4, 24.). Одеждою же называетъ Иисуса. А признаніе невѣсты, что невозложить уже опять на себя свергнутую ризу, но по данному уче-

никакъ закону будетъ довольствоваться одною ризою, въ которую облеклась, обновившись рожденіемъ свыше, подтверждаетъ Господнее слово, повелѣвающее однажды украсившимся божественною одеждою необлекаться уже болѣе въ ризу грѣха, и имѣть не двѣ одежды, а только одну, чтобы двѣ ризы на одномъ и томъ же небыли одна съ другою несходящимися; потому что какое общеніе одежды потемненной съ свѣтовидною и невещественною? Законъ же повелѣваетъ не только не имѣть двухъ ризъ, но и новаго *плата* непришивать *къ ризѣ ветхѣ* (Марк. 2, 21.), чтобы не произошло большаго неблагообразія; если кто надѣнетъ такую одежду, и пришитое не останется цѣлымъ, и на старомъ сдѣлается большая и неисправимая дыра. Ибо сказано: *отторженъ приставленіе новое отъ ветхаго, и горша дыра будетъ* (Марк. 2, 21.); такъ что и неблагообразное отъ того обнаружится.

Поэтому говорить невѣста: *совлекохся ризы моея, како облекуся въ ню?* Ибо кто, видя на себѣ солнцезрачную ризу Господню, возложенную на него за чистоту и нерастлѣніе, на примѣръ какую показалъ Господь на горѣ во время преображенія, согласится потомъ, чтобы возложилъ на него одежду бѣдную и раздранную, въ какую, какъ говоритъ притча, облекается *пѣяница и блудникъ* (Притч. 23, 21.)? Да и омывъ ноги, не соглашается сквер-

нить ихъ снова, ступая по землѣ. Ибо говорить: *улыхъ нозъ Мои, како оскверню ихъ?* Ибо и о Моисеѣ повѣствуется, что по божественному повелѣнію освободивъ ноги отъ мертвой кожаной обуви, не надѣлъ оная на ноги сапоговъ, когда вступалъ на святую и освященную землю; а также, когда, по образу, показанному на горѣ, устроилъ священническую одежду, въ одной ткани соединилъ блескъ золота, багряницы, виссона, синеты и червленницы, чтобы сіяла красота, срастворенная изъ всего, никакого же украшения не ухитрился сдѣлать для ногъ; напротивъ того нарядомъ для священнической ноги служило—быть обнаженною и свободною отъ всякаго покрова, потому что священнику непременно подлежало ступать по святой землѣ, на которую не позволительно было входить съ мертвыми кожами. Посему и Господь запрещаетъ ученикамъ имѣть сапоги, когда повелѣваетъ имъ *на путь языкъ* не ходить, но идти путемъ святымъ (Матѳ. 10, 5. 10.). Конечно же, не не знаешь этотъ святой путь, которымъ повелѣвается идти ученикамъ, дознавъ сіе отъ Речнаго: *Азъ есмь путь* (Іоан. 14, 6.)—путь, котораго не возможно и коснуться не совлекшему съ себя одежды чловѣка мертваго. Посему такъ какъ на семъ пути была невѣста, на которомъ Господь шествующимъ по оному омываетъ ноги водою, и отираетъ лентіемъ, которымъ

препоясанъ; а препоясаніе Господне есть сила, очищающая отъ грѣховъ; ибо сказано: *облечеса Господь въ силу и препоясася* (Пса. 92, 1.); то невѣста, очистивъ ноги, хранить себя на пути царскомъ, *не совращаясь ни на десно, ни на лѣво* (Втор. 5, 39.), чтобы, перенеся слѣдъ на ту или другую сторону пути, не замарать ноги грязью. Конечно же разумѣнь, что означается сказаннымъ, а именно, что душа, однажды отрѣшивъ сапоги крещеніемъ (ибо собственное дѣло крещающаго отрѣшить ремни сапоговъ, какъ засвидѣтельствовалъ Іоаннъ (Іоан. 1, 22.), что не можетъ сдѣлать сего надъ однимъ только Господомъ: ибо какъ разрѣшить у Того, Кто вовсе небылъ связанъ ремнемъ грѣха?), сама омыла ноги, вмѣстѣ съ сапогами отринувъ всю земную нечистоту. А поему стопы свои на пути гладкомъ хранить неоскверненными, какъ поступалъ и Давидъ, когда, омывъ ноги свои отъ бреня тины, поставилъ на камнѣ, выражая сіе словомъ такъ: *воздвигъ мя отъ рова страстей, и отъ бреня тины, и постави на камени ногу мою, и исправи стопы моя* (Пса. 39, 3.). Подъ именемъ же камня разумѣемъ Господа, Который есть свѣтъ, и истина, и неплѣніе, и правда — то, чѣмъ уравнивается духовный путь. Кто не совратился съ него ни въ ту, ни въ другую сторону, тотъ хранить слѣды свои пимало неоскверненными брениемъ сластолюбія. Вотъ

то самое, чѣмъ невѣста, по моему разумѣнію, отверзаетъ дверь Слову. Ибо исповѣданіе, что неприметь болѣе на себя отринутой тины, и на жизненномъ пути не коснется земной скверны, дѣлается входомъ святыни въ уготованную таѣ душу; святыня же—Господь. Такова заключительная мысль сказаннаго.

Послѣ сего душа снова приступаетъ къ восхожденію въ высшее, потому что не гласъ только ударяетъ въ двери сердца, но сама божественная рука проникаетъ во внутренность, *сквозь скважню. Братъ мой*, говоритъ невѣста, *посла руку Свою сквозь скважню, и чрево мое вострепета отъ Него*. Безъ сомнѣнія же для разумно слушающаго явно, сколько предъ сказаннымъ прежде избыточествуетъ высотой сказанное теперь. Слово, говоря невѣстѣ: *отверзи*, божественными наименованіями даетъ ей силу отверзть. Невѣста послушна Слову; потому что дѣлается тѣмъ, что выслушала, сестрою, ближнею, голубицею и совершенною; совлекаетъ съ себя оную кожаную ризу, смываетъ съ ногъ нечистоту, не налагаетъ на себя опять этой гнусной и раздранной одежды, неутверждаетъ болѣе стопы своей на землѣ. Услышала голосъ жениха, и повинуется повелѣнію; отверзаетъ дверь, снявъ покровъ съ сердца; раздвигаетъ завѣсу двери, то есть плоти, отверзаетъ всѣ врата души, чтобы вошелъ Царь славы. Но широкія врата

оказались какою-то малою, узкою и тѣсною скважиною, въ которую не могъ войти Самъ Женихъ, и едва вмѣстилась рука его, такъ что ею только проникъ внутрь и прикоснулся возжелавшей увидѣть Жениха, и отсего ту только выгоду приобрѣла невѣста, что въ коснувшейся рукѣ узнала руку Возлюбленнаго.

Какія же указуются намъ ученія любомудрiемъ, заключающимся въ сказанномъ, познаемъ, если не на долго остановимся на семь словѣ. Душа человѣческая на предѣлахъ двухъ естествъ, изъ которыхъ одно безплотно, духовно и чисто, а другое — тѣлесно, вещественно и неразумно. Какъ же скоро, освободившись отъ привязанности къ жизни грубой и земной, по причинѣ добродѣтели обратитъ взоръ къ сродному ей и божественному; то не останавливается въ изслѣдыванiи и изысканiи начала существъ--то есть на томъ, какой источникъ красоты ихъ, откуда изливается сила, что источаетъ изъ себя премудрость, обнаруживающуюся въ сущности; приводя же въ движенiе всѣ силы разсудка и всю мысленную способность изслѣдованiя, съ пытливостiю домогается постигнуть искомое, предѣломъ постиженiя поставляя для себя только дѣйственность Божию, даже до насъ простирающуюся, которую ощущаемъ въ жизни своей. И какъ воздухъ, передаваемый землею

водѣ , неостанавливается на днѣ озера , но образовавшійся пузырекъ стремится на верхъ къ сродному себѣ , и тогда прекращаетъ движеніе къ верху , когда выйдетъ на самую поверхность воды и смѣшается съ окружающимъ воздухомъ : такъ подобное иѣчто бываетъ и съ душею , которая изслѣдываетъ божественное ; когда отъ дошняго простирается къ вѣдѣнію превыснаго , и постигнувъ чудеса Его дѣятельности , не можетъ идти пока (р) далѣе въ любозначительности своей , но дивится и благоговѣетъ предъ Тѣмъ . Чье бытіе познается только потому , что дѣйствуетъ . Видитъ она небесную красоту , блистаніе свѣтилъ , быстрое круговращеніе полюса , чинное и стройное теченіе звѣздъ , къ своему началу возвращающійся кругъ четырехъ годовыхъ временъ , землю сообразующуюся съ окружающимъ ее , и собственныя свои дѣйствія измѣняющую по различію движенія въ томъ , что выше надъ нею , многоразличныя породы животныхъ , живущихъ въ водахъ и получившихъ себѣ въ удѣлъ движеніе по воздуху , и живущихъ на сушѣ ; всякаго рода виды растеній , разныя травы , отличающіяся одна отъ другой качествомъ , силою , наружностію , свойства плодовъ и соковъ ; взирая и на все другое , въ чемъ

(р) Въ рукописи читается: τῶς.

обнаруживается Божія дѣйственность, душа по чудесамъ видимаго заключаетъ разумомъ, что есть уразумѣваемый по симъ дѣламъ. Въ будущій же вѣкъ, когда преидеть все видное, по слову Господа, Который сказалъ: *небо и земля милюдутъ, словеса же Моя не милюдутъ* (Матѳ. 24, 35.), и мы перейдемъ въ ту жизнь, которая выше и зрѣнія, и слуха, и мысли, тогда можетъ быть, не отъ части уже, не изъ дѣлъ только познаемъ естество Благаго, какъ теперь, и не изъ дѣйственности видимаго уразумѣется нами превысшее, но, безъ сомнѣнія, иначе будетъ постигнуть родъ неизглаголаннаго блаженства, и откроется иной способъ наслажденія, которому нынѣ несвойственно взойти и на сердце человѣку. А пока нынѣ предѣломъ въ вѣдѣніи неизглаголаннаго души служитъ проявляющаяся въ существахъ дѣйственность, которая, по нашему разумѣнію, иносказательно называется *рукою*. Итакъ вотъ то ученіе, которое любомудренно преподается намъ въ сихъ божественныхъ реченіяхъ: по онымъ чистая душа, проходящая уже не земную и вещественную жизнь, чтобы не осквернить слѣда своего, опираясь стопами на долѣе, ожидавшая, что приметъ Самаго Жениха, всецѣло вошедшаго въ домъ, возлюбила пока увидѣть только въ скважинѣ руку, подъ пнемъ которой разумѣется дѣйственная сила Его. *Братъ мой*, говоритъ она, *посла руку*

Свою сквозь скважню, потому что сила чело-
вѣческая не имѣеть такой вмѣстимости, чтобы
принять въ себя естество неопредѣлимое и
непостижимое.

И чрево лое вострепета отъ Него, продол-
жаетъ невѣста. Словомъ: трепеть означается
какое-то изумленіе и удивленіе явившемуся
чуду; потому что вся сила разумѣнія приве-
дена въ ней въ движеніе чудесностію совер-
шаемаго рукою Божіею, постиженіе чего, пре-
восходя силы ея, выражаетъ собою непости-
жимость и невмѣстимость естества дѣйствию-
щаго; потому что все сотвореніе существъ
есть дѣло этой руки, явленной намъ *сквозь
скважню*, какъ взываетъ Іоаннъ, и согласно
съ евангеліемъ говоритъ Пророкъ. Ибо одинъ
говорить: *вся тѣлѣ быша* (Іоан. 1, 2.); а
Пророкъ рукою называетъ творящую существа
силу, сказавъ: *вся сія сотвори рука Моя* (Иса.
66, 2.). Посему, если и все прочее, и красоты
небесныя — произведеніе оной дѣятельности,
не постигъ же челоувѣчскій умъ доискиваю-
щійся, чтó такое по сущности челоувѣкъ, или
солнце, или чтó либо другое изъ видимыхъ
въ твари чудесъ: то по сему самому трепе-
щеть сердце предъ Божіею дѣйственностію,
разсуждая, что, если этого не въ состояніи
постигнуть, то какъ постигнетъ естество сего
превысшее? Но иный, и иначе понявъ зага-
дочный смыслъ сказаннаго, во взглядѣ своемъ,

можетъ быть, непогрѣшить противъ требуемаго истиною.

Ибо думаю, что подъ домоу невѣсты разумѣется вся человѣческая жизнь, а сія творящая существа рука, посѣтивъ кратко временность и брѣнность человѣческой жизни, сокращаетъ сама себя приобщеніемъ естества нашего *по всяческииъ по подобію, развѣ грѣха* (Евр. 4, 15.). Пришедши же къ намъ, производить въ душахъ трепетъ и удивленіе, какъ Богъ является во плоти? Какъ Слово дѣлается плотію? Какъ дѣва раждаетъ? Какъ съ тмою смѣшивается свѣтъ, и съ смертію сраствоуруется жизнь? Какъ малая скважина жизни приѣмлетъ въ себя всѣ существа содержащую руку, которою измѣряется все небо, объемлетъ вся земля и вся вода? Посему вѣроятно, что подъ загадочнымъ именованіемъ руки у невѣсты пророчески означается намъ евангельская благодать. Ибо когда Господь на земли явился и среди людей жилъ, тогда чистую и невещественную лѣноту жениха, Божество Слова, сіяніе истиннаго свѣта познали мы по дѣйственной рукѣ. Ибо подъ именемъ руки разумѣемъ чудодѣйственную Его силу, которою оживотворялись мертвые, возстановлялось зрѣніе слѣпымъ, изгонялся недугъ проказы, и по одному повелѣнію оставляла тѣла всякаго рода неисцѣлимая и тяжелая болѣзнь.

Поселику предложено намъ двоякое сіе воз-

зрѣніе на слово: *рука*, и одно предполагаетъ, что божественное Естество, какъ совершенно непостижимое и ни съ чѣмъ несравнимое, познается по одной только дѣйственности, а другое утверждаетъ, что словами невѣсты предвозвѣщается евангельская благодать; — то предоставляемъ слушателю предпочтительно предъ другимъ избрать болѣе сродное и наипаче сообразное съ предложенными словами. Но крайней мѣрѣ, какое изъ нихъ ни будетъ признано болѣе душеполезнымъ, да послужитъ намъ достаточнымъ путеуказаніемъ ко благу тѣмъ и другимъ изъ сказаннаго. Зная, что *разумное Божіе*, по слову Павлову, *отъ созданія міра польшляемо видимо есть* (Рим. 1, 19. 20.), воздержимся отъ пытливаго изслѣдованія о непостижимомъ, чтобы разсужденія объ естествѣ недоступномъ и неизобразимомъ не послужили поводомъ къ уклоненію отъ истины. Если же, имѣя въ виду евангеліе, составимъ и гадательное понятіе о рукѣ, то и въ такомъ случаѣ вѣра въ таинственныя ученія содѣлается въ насъ болѣе твердою, въ предварительномъ провозглашеніи догматовъ, заимствовавъ для себя вѣщую несомнѣнность о Христѣ Іисусѣ. Ему слава во вѣки! Аминь.

В Е С Ъ Д А 12.

(5, 5.) *Востахъ азъ отверзети брату моему: руцѣ мои ископаша смирену, персты моя смиренны полны на рукахъ заключенія. (6) Отверзохъ азъ брату моему: братъ мой преиде. Душа моя изыде въ слово Ею: взыскахъ Ею, и необрътохъ Ею: звахъ Ею, и непослуша мене. (7) Обрътоша мя стражіе обходящій во градъ: биша мя, язвиша мя: взяша верхнюю ризу отъ мене стражіе стлннн.*

Снаряжающіеся къ странствованію по морямъ въ надеждѣ богатства, когда тронуть корабль съ пристани, и сидящій при кормилѣ оборотить корму рулемъ къ морю, въ начатокъ мореходства совершаютъ молитву, прося Бога содѣлаться вождемъ въ добромъ плаваніи. А главное у нихъ въ молитвѣ, чтобы въ вѣтрила дулъ вѣтеръ, благопріятный съ цѣлію стоящаго на кормѣ кормчаго, при желанномъ для нихъ вѣяніи котораго и море дѣлается услаждающимъ взоры, едва рябѣя при тихомъ колебаніи волнъ, и не наводитъ печали морская широта, потому что корабль съ легкостію летитъ и скользитъ по водамъ; да и богатство, какого надѣются отъ торговли, уже передъ глазами, такъ какъ и прежде испытанія знаютъ добрый исходъ плаванія. Для слушателей болѣе догадливыхъ, безъ сомнѣнія,

понятно это, предложенное въ видѣ вступленія. Слову предлежитъ великое море обозрѣнія божественныхъ изреченій, и на многое богатство вѣдѣнія есть надежда отъ сего плаванія. Одушевленный этотъ корабль — Церковь во всей своей полнотѣ съ нетерпѣливымъ вниманіемъ устремляетъ взоръ на богатство истолкованія. Но кормчій-слово некасается прежде кормила, пока не принесена будетъ полнотою корабля общая молитва, чтобы повѣяла на насъ сила Святаго Духа, воздвигла волны мыслей, и ими повела слово прямо къ цѣли плаванія, чтобы такимъ образомъ, пустившись въ море обозрѣнія, приобрѣсти намъ богатство вѣдѣнія, если по молитвамъ вашимъ Духъ Святой сядетъ на слово, и наполнить вѣтрила.

Началомъ же слова да будетъ приведеніе на память богодухновенныхъ реченій, которыя буквально читаются такъ: *востахъ азъ отверзти двери брату моему: руцѣ мои искапаша смиру, персты мои смиры полны.* Что живому Слову, разумѣю чистаго и безплотнаго (с) Жениха, Который безсмертіемъ и святостію сочетаваетъ Себѣ душу, возможно быть въ насъ инаиначе, какъ развѣ кто, умертвивъ *уды, яже на земли* (Кол. 3, 5.), сниметъ съ себя покрывало плоти, и такимъ образомъ отверзетъ Сло-

---

(с) Такъ читается по рукописи.

ву дверь, которою вселяется Оно въ душу:— это явно не только изъ божественныхъ ученій Апостола, но и изъ сказаннаго теперь невѣстою. Ибо говорятъ: *востахъ отверзсти брату моему*, сдѣлавъ для сего руки мои источниками смирны, изливающими изъ себя аромать, и показавъ, что смирна наполняетъ персты мои; такъ самый способъ, которымъ отверзается дверь Жениху, объясняетъ въ сказанномъ, то есть *востахъ*, спогребшися *Ему крещеніемъ въ смерть* (Рим. 6, 4.). Невоздѣйствовало бы воскресеніе, еслибы не предшествовала добровольная мертвость. Добровольность же показываютъ изъ рукъ ея текуція капли смирны, и наполненные симъ ароматомъ персты ея. Ибо, по словамъ ея, не изъ инаго чего въ руку входитъ смирна. Иначе этимъ подавалась бы та мысль, что означаемое смирною есть нѣчто зависящее отъ обстоятельствъ и произвольное. Напротивъ того невѣста говоритъ, что руки (а руками означаетъ дѣятельныя движенія души) сами источаютъ изъ себя смирну,—эту произвольно производимую въ себѣ мертвость тѣлеснаго, выражая сіе тѣмъ, что исполняется во всѣхъ перстахъ. Сказываетъ же, о чемъ заботится ради добродѣтели въ каждомъ ея видѣ отдѣльно, объясняя сіе имепованіемъ перстовъ, такъ что весь смыслъ сказаннаго есть слѣдующій: умерщвленіемъ моихъ удовъ, *яже на земли*,

приобрѣтена сила воскресенія; потому что умерщвленіе таковыхъ удовъ произведено добровольно, не другимъ вложена въ руки смирна, но по моему истекаетъ произволенію, такъ что и во всѣхъ добродѣтельныхъ предначинаніяхъ, наименованныхъ перстами, таковое расположеніе усматривается неизмѣющимъ недостатка. Ибо на неусердныхъ послѣдователяхъ (т) добродѣтели можно видѣть, что для одной какой либо страсти они мертвы, а для другихъ живы; какъ усматриваемъ, что иные умерщвляютъ въ себѣ, если такъ случится, воздержаніе, но со тщаніемъ питаютъ кичливость или другую какую страсть, наносящую вредъ душѣ; напримѣръ: любостыжательность, гнѣвливость, славолубіе, или иное сему подобное; а пока живетъ, къ несчастію, это въ душѣ, невозможно показать персты полными смиры: потому что не во всѣхъ предначинаніяхъ видимо умерщвленіе и отчужденіе худаго. Но какъ скоро таковыя персты всѣ наполнены разумѣемою нами смирой, душа, и востаетъ, и отверзаетъ Жениху входъ. Посему-то, можетъ быть, и великій Павелъ, хорошо выразумѣвъ Владычнее Слово, говоритъ (у), что невозможно вырости колосу, если зерно nebudeть

(т) По рукописи: τὸν ἄτελος τὴν ἀρετὴν μετέπειπον.

(у) По рукописи: ἢ предъ φῶσιν не читается.

прежде разложено смертію (1 Кор. 15, 36.), когда проповѣдуетъ (Ф) Церкви то ученіе, что смерти надлежитъ предупредить жизнь, такъ что жизни невозможно и явиться въ человѣкѣ иначе, если не откростъ себѣ входа смертію. Поелику естество въ насъ двояко, одно тонко, духовно и легко, а другое дебело, вещественно и тяжело; то по всей необходимости въ каждомъ изъ нихъ есть стремленіе съ другимъ несогласимое и особенное; потому что духовное и легкое имѣетъ свое пареніе къ горнему, а тяжелое и вещественное всегда клонится и несется къ дольнему. Посему, такъ какъ движенія ихъ естественно противоположны, невозможно преодолѣвать одному изъ нихъ, пока не изнемогло другое въ естественномъ своемъ стремленіи. Занимающія же средину между ними, свободная наша сила и произволеніе, отъ себя сообщаютъ и крѣпость естеству слабѣющему, и разслабленіе усиливающемуся. Ибо на которой сторонѣ будутъ, той и доставятъ побѣду надъ другою стороною. Такъ въ Евангеліи похваляется *вѣрный строитель и мудрый* (Лук. 12, 42.); ибо это, по моему разсужденію, есть произволеніе, хорошо распоряжающееся тѣмъ, что въ насъ; оно похваляется за то, что кормитъ владычнюю при-

---

(Ф) По рукописи: *κρίσιν*.

слугу умерщвленіемъ сопротивныхъ; потому что гибель послѣднихъ—пища и благоденствіе для благорасположенныхъ. Осуждается же *той злый рабъ* (Матѳ. 24, 48.), который проводитъ время съ ушнвающимися, наносить удары и раны Божіимъ служителямъ; потому что благоденствіе порока—дѣйствительный ударъ для добродѣтелей. Посему хорошо будетъ, возревновавъ о пророческомъ словѣ, дѣлать для себя утро тѣмъ, чтобы *избивать вся грѣшныя земли, еже потребити отъ града* (а градъ—душа) *Господня* вся помыслы, *дѣлающія беззаконіе* (Пса. 100, 8.), которыхъ гибель дѣлается жизнью для лучшихъ. Такъ смертію живемъ мы, когда изъ того, чтó въ насъ, какъ говоритъ Пророкъ, одно (х) убиваетъ, а другое животворитъ Слово, изрекшее: *Азъ убію, и жизни сотворю* (Втор. 32, 35.). Какъ и Павелъ, умирая, былъ живъ; изнемогая, крѣпился силами; связанный совершалъ теченіе; будучи нищъ, обогащалъ; и вся содержалъ, *ничтоже имья* (2 Кор. 6, 10.), *всегда жертвостъ Іисуса въ тѣль нося* (4, 10.).

Но возвратимся къ предложенному, а именно, что душа смертію возстаетъ отъ смерти. Ибо если (ц) не умираетъ, то навсегда остается

(х) Переведено по рукописи.

(ц) По рукописи читается: *ἐὰν γὰρ*.

мертвою и неспособною къ жизни. Въ слѣдствіе же того, что умерла, отложивъ всю мертвость, приходитъ въ жизнь. И ученіе сіе подтверждается предложеннымъ намъ изрече-ніемъ; потому что такъ говоритъ невѣста: *востахъ азъ отверзсти брату моему: руцѣ мои ископаша смирну, персты мои смирны полны.* А что смирна есть знаменіе смерти, не усумнится никто изъ занимавшихся божественными Писаніями. Посему, какъ смерть возставляетъ насъ отъ смерти, ученіе о семъ, какъ полагаю, иные потребуютъ изложить съ большею ясностію. Посему скажемъ о семъ, сколько возможно, придавъ рѣчи нѣкоторый послѣдовательный порядокъ. *Вся елика сотвори Богъ, добра зъло* (Быт. 1, 31.), о семъ свидѣтельствуеетъ слово міробытія. А въ числѣ *добраго зъло* былъ и человѣкъ, лучше же сказать, болѣе всего украшался онъ добротою. Ибо что иное было бы такъ добро, какъ уподобленіе пречистой добротѣ? Если же *вся добра зъло*, а въ числѣ всего, или предпочтительно предъ всѣмъ, добръ былъ и человѣкъ; то, безъ сомнѣнія, въ человѣкѣ небыло смерти. Ибо человѣкъ не былъ бы какимъ либо добромъ, еслибы имѣлъ у себя печальную черту смертной унылости. Напротивъ того, какъ образъ и подобіе вѣчной жизни, былъ онъ дѣйствительно и добръ *зъло*, украшаясь свѣтлою чертою жизни. Ему и божественный рай плодоносіемъ

деревьъ источалъ жизнь, и Божія заповѣдь служила закономъ жизни, обѣщающимъ, что не умреть. Но какъ посреди райскаго насажденія было дерево, источающее жизнь, что и надлежитъ разумѣть о томъ деревѣ, котораго плодъ—жизнь; такъ и смертоносное дерево, о плодѣ котораго говорится, что онъ вмѣстѣ и добро и зло, и оно было посреди рая. Между тѣмъ невозможно, чтобы деревьямъ симъ было мѣсто въ самой серединѣ. Ибо если допустимъ, что которое либо изъ двухъ деревъ занимало середину, то другое дерево по всей необходимости исключается, конечно, изъ средняго мѣста; потому что точное положеніе середины берется относительно къ окружности, когда на равныя растоянія удалено отъ каждой точки крайняго предѣла. Посему, такъ какъ у круга середина въ точности одна; то, пока кругъ остается тотъ же, не могутъ въ срединѣ его имѣть мѣста два средоточія. Если будетъ присовокуплено другое средоточіе къ предвзятому прежде него; то съ перемѣщеніемъ круга по необходимости внѣ его середины сдѣлается прежняя середина окружности круга, описаннаго изъ другаго средоточія. Но сказано, что посреди рая оба дерева, одно другому противоположныя по силѣ, разумѣю дерево жизни, и то, котораго плодомъ была смерть, и которое Павелъ наименовалъ грѣхомъ, сказавъ: плодъ *грѣха*, *смерть* (Рим. 6, 23.).

Изъ сказаннаго надлежитъ уразумѣть слѣдующее ученіе любомудрія: самая середина Божія насажденія есть жизнь; а смерть и не насаждена, и не укоренена, нигдѣ не имѣя собственнаго своего мѣста, насаждается же лишеніемъ жизни, когда въ живыхъ прекращается причастіе лучшаго. Итакъ, поелику жизнь среди Божіихъ насажденій, отпаденіемъ же отъ нея (ч) вносится естество смерти; то о древѣ смертоносномъ, загадочно изложившій любомудренное сіе ученіе, говоритъ, что оно посреди рая, и о плодѣ его выразился, что имѣетъ силу смѣшанную изъ противоположностей. Ибо одно и то же назвалъ и добрымъ и злымъ, давая симъ разумѣть, какъ думаю, свойство грѣха. Поелику всякому грѣховному дѣйствию непременно предшествуетъ какое либо удовольствіе, и отъ раздраженія ли, отъ вожделѣнія ли, бываютъ страсти, невозможно найти грѣха, съ которымъ бы небыло сопряжено удовольствіе; то по сей причинѣ и плодъ, при погрѣшительномъ сужденіи о добрѣ, именуется добрымъ, представляясь таковымъ для поставляющихъ добро въ удовольствіи, въ послѣдствіи же оказывается худымъ по горькой отрыжкѣ снѣди, согласно съ словомъ притчи, которая говоритъ: *медъ каплетъ отъ устенъ*

(ч) Въ рукописи читается: *ταίτης*.

порока, *уже на время наслаждаетъ гортань,* *послѣди же горчае желчи* обрѣтается на зло себѣ усладившимся (Прит. 5, 3. 4.). Посему, когда человѣкъ, оставивъ всеплодіе благъ, по преслушанію насытился тлетворнымъ плодомъ, имя же плоду сему смертоносный грѣхъ, тогда немедленно умеръ для лучшей жизни, жизнь божественную обмѣнивъ на неразумную и скотскую. И поелику единожды примѣсилась къ естеству смерть; то мертвость вошла и въ раждающихся по преемству. Отъ сего и насъ пріяла въ себя мертвенная жизнь, такъ какъ самая жизнь наша нѣкоторымъ образомъ умерла. Ибо въ прямомъ смыслѣ мертва жизнь наша, лишенная безсмертія. Посему между двумя сими жизнями занимаетъ среду, кто познается среди двухъ жизней, чтобы истребленіемъ худшей доставить побѣду непотерпѣвшей измѣненія. И человѣкъ, какъ тѣмъ, что умеръ истинной жизни, впалъ въ эту мертвую жизнь, такъ, когда умираеть этой мертвой и скотской жизни, представляется въ жизнь всегда живую, и по этому несомнѣнно, что невозможно придти въ блаженную жизнь, не ставъ мертвымъ грѣху. По сей-то причинѣ излагается въ словѣ любомудренное ученіе, что то и другое дерево въ одномъ и томъ же мѣстѣ *посреди*, такъ что одно дѣйствительно тамъ по естеству, а другое привходитъ къ дѣйствительному въ слѣдствіе лишенія. Ибо

въ слѣдствіе пріобщенія и лишенія изъ того-же и въ томъ же бываетъ превращеніе и жизни и смерти; потому что омертвѣвшій для блага живетъ злу, а содѣлавшійся мертвымъ для порока ожилъ для добродѣтели. Посему прекрасно дѣлаетъ невѣста, что руки свои показываетъ полными смиренны, мертвостію во всякомъ порокѣ воставая отверзсть входъ въ себя Слово. Слово же, вселяемое ею въ себя, есть жизнь. Но до такой высоты разсмотрѣннымъ нами восхищена будучи душа, обращающая взоръ къ Богу, какъ говоритъ Павелъ, не познала еще, какъ должно было познать (1 Кор. 13, 12.), и не у помышляетъ себе достигшею, но поспѣшаетъ къ тому, что еще выше, въ предняя простираяся (Филип. 3, 13.).

И связь послѣдующихъ словъ даетъ поводъ сіе разумѣть о невѣстѣ; сказавъ: *на рукахъ заключенія отверзохъ азъ брату моему*, она при-совокупила: *Братъ мой преиде, душа моя изыде въ слово Его*. Ибо симъ поучаетъ насъ, что въ разсужденіи силы, превышающей всякой умъ, одинъ есть способъ постиженія, ни на чемъ постигнутомъ не останавливаться, но, нища всегда большаго (ш), нежели что постигнуто, ничѣмъ не удовлетворяются. Ибо содѣлавшаяся полною смиренны, всѣми предначинаніями жизни (кото-

---

(ш) Въ рукописи вмѣсто: τῷ πλείονι читается: τὸ πλείον.

рья въ переносномъ смыслѣ именуется пер-
 стами) давая видѣть свое омертвѣніе для зла,
 и добровольное раченіе о добродѣтели пока-
 завшая тѣмъ, что *руцѣ* сами изъ себя *иска-*
паша смирену, говорить, что руки ея косну-
 лись ключа, то есть извѣщаетъ, что дѣла ея
 близки къ тому узкому и тѣсному входу, ключъ
 отъ котораго Слово вручаетъ подобнымъ
 Петру. Посему тѣмъ и другимъ отверзаетъ
 себѣ дверь царствія, и руками, которыми
 означаются дѣла, и ключемъ вѣры. Ибо при
 посредствѣ того и другаго, разумѣю дѣла и
 вѣру, уготовляется намъ Словомъ ключъ цар-
 ствія. Посему, когда надѣялась, подобно Моу-
 сею, что лице Царя откроется ей явственно,
 тогда Желанный превзошелъ ея постиженіе.
 Ибо говорить: *Братъ мой преиде*, не оставляя
 послѣдующую за Нимъ душу, но привлекая ее
 къ Себѣ. Ибо *душа моя изыде въ слово Ею*.
 Блаженно это исшествіе, которымъ исходитъ
 душа, послѣдующая Слову! *Господь сохранитъ*
исхожденіе твое и вхожденіе твое, говоритъ
 Пророкъ (Пса. 120, 8.). Ибо вотъ дѣйстви-
 тельно исхожденіе и вхожденіе, сохраняемое
 Богомъ для достойныхъ! Исхожденіе изъ того,
 въ чемъ пребываемъ, дѣлается вхожденіемъ въ
 превысшія блага. Симъ-то исхожденіемъ *изыде*
душа, пріявъ вождемъ Слово, изрекшее: *Азъ*
есль дверь и путь, и: Мною аще кто внидетъ,
и внидетъ и изыдетъ, никогда не прекращая

вхожденія, и не переставая исходить, но непрестанно (щ) преспѣваніемъ входя въ превысшее, и всегда позади себя оставляя постигнутое. Такъ и мимо Моусея прошло тогда оное желанное лице Господа; такъ душа законодателя, послѣдуя за предшествующимъ Словомъ, всегда оказывалась внѣ того, въ чемъ была дотолѣ.

Ибо кто не знаетъ оныхъ восхожденій, какими восходилъ Моусей, всегда дѣлавшійся великимъ, и никогда не останавливавшійся въ возрастаніи въ большее? Возрасталъ онъ въ началѣ, когда выше египетскаго царства поставилъ *поношеніе Христово*, избравъ *наче* злострадать съ людьми Божіими, *нежели имѣти временную грѣха сладость* (Евр. 11, 25. 26.). Возрасталъ еще, когда видя, что Египтянинъ притѣсняетъ Еврея, и подвизаясь за Израилтянина, предастъ смерти иноплеменника. Конечно же уразумѣешь въ этомъ способъ возрастанія, подведя исторію подъ иносказательный взглядъ. И еще Моусей сталъ выше себя самаго, любомудріемъ въ пустынѣ долгое время сохраняя жизнь неоглашенною. Потомъ просвѣщается огнемъ въ купинѣ. Прежде сего обнажаетъ стопы свои отъ мертвой обуви, истребляетъ жезломъ египетскихъ змѣевъ,

---

(щ) По рукописи вмѣсто: *παύεται* читается: *πάντοτε*.

избавляетъ соплеменниковъ отъ Фараонова мучительства; путеводится облакомъ: раздѣляетъ море: потоцляетъ мучительство; улаживаетъ Мерру; утучняетъ камень; насыщается ангельскою нищею: слышитъ гласъ трубъ; отваживается идти на горящую гору; достигаетъ вершины; входитъ въ облако; проникаетъ во мракъ, въ которомъ былъ Богъ; пріемлетъ завѣтъ; дѣлается неприступнымъ солнцемъ для приближающихся, осіявая свѣтомъ лица. И какъ изобразить кто словомъ всѣ его восхожденія и многоразличныя ему богоявленія? Однако же при столь великихъ и многихъ дарованіяхъ, послѣ столькихъ опытовъ, на столько возвысившись къ Богу, имѣетъ еще ненасытимое вожеланіе большаго, и умоляетъ Бога дозволить увидѣть Его лицомъ къ лицу. И хотя засвидѣтельствовало уже Слово, что сподобился личнаго собесѣдованія съ Богомъ; однакожь и то, что говоритъ съ Нимъ какъ съ другомъ, и бывшая у Моисея *устыко устомъ* (Числ. 12, 8.) бесѣда съ Богомъ, не останавливаютъ въ немъ пожеланія еще высшихъ даровъ. Напротивъ того говоритъ: *аще обрѣтохъ благодать у Тебе, покажи мнѣ Себя вѣдомо: и Обѣщавшій даровать просимую благодать, Сказавшій: вѣмъ ты паче всѣхъ* (Исх. 33, 16. 17.), проходитъ мимо его, покрытаго Божественною рукою на божественномъ мѣстѣ въ камнѣ, чтобы по прошествіи

Бога увидѣлъ только *задняя* (23). А симъ, какъ думаю, научаетъ слово, что вождельвающій видѣть Бога, всегда послѣдуя Ему, видитъ желаемое, и зрѣніе лица Божія есть непрестанное шествіе къ Богу, успѣшно совершаемое хожденіемъ въ слѣдъ Слова. Посему такъ и теперь, когда душа востала смертію, когда стала полна смиренія, когда дѣлами подвигла руки къ ключу, и надѣялась уже желаннаго ввести къ себѣ въ домъ, тогда желанный проходитъ мимо, душа же исходитъ, неоставаясь болѣе, гдѣ была, но послѣдуя (ъ) Слову, ведущему впередъ.

Послѣдующая же рѣчь еще болѣе подтверждаетъ усмотрѣнный нами смыслъ, а именно, что величіе естества Божія познается не изъ того, что о немъ постигается, но изъ того, что оно превосходитъ всякое представленіе и всю силу постиженія. Ибо душа, выступая уже изъ естества, чтобы ни въ чемъ обычномъ не встрѣчать препятствія къ вѣдѣнію невидимаго, не останавливается, ища необрѣтаемое, и не умолкаетъ, призывая неизразимое. Она говоритъ: *взыскахъ Ею, и необрѣтохъ Ею*. Да и какъ можетъ быть обрѣтено, что непоказываетъ въ себѣ ничего познаваемаго: ни вида, ни цвѣта, ни очертанія, ни количества, ни

(ъ) По рукописи: *ἐφεπομένῃ*.

мѣста, ни наружности, ни повода къ догадкѣ, ни подобія, ни сходства, но, обрѣтаясь всегда внѣ всякаго пути къ постиженію, всячески избѣгаетъ уловленія ищущихъ? Посему невѣста говоритъ: *взыскахъ Ею* изобрѣтательными силами души, въ умозаключеніяхъ и понятіяхъ; и непременно оказывался внѣ ихъ, убѣгая отъ приближенія мысли. Но кто оказывается всегда неимѣющимъ такой отличительной черты, по которой можетъ быть познанъ, тотъ можетъ ли быть заключенъ въ какое-либо именовательное означеніе? Посему-то невѣста примышляетъ всевозможной силы имена къ означенію неизреченнаго блага; но преобѣждается всякая выразительная сила слова, и оказывается малою предъ истиною. Посему продолжаетъ: призывала я, сколько могла, примышляя реченія, указывающія на неизреченное блаженство; но Онъ всегда былъ выше того, на что указывалось означаемымъ. Такъ напримѣръ поступаетъ и великій Давидъ, многократно тысячами именъ призывая Божество, и признавая себя преобѣжденнымъ истиною. Ибо говоритъ: *щедръ Ты, Боже, и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ* (Пса. 102, 8.) и истиненъ, *крѣпосте моя, утвержденіе, приближеніе и сила, помощникъ, защититель, роиз спасенія* (Пса. 17, 2. 3.), и подобное сему. И потомъ исповѣдуетъ не то, что имя Ею по всей земли познается, по что

всѣ Ему удивляются. Ибо говорить: *яко чудно имя Твое по всей земли* (Пса. 8, 2.). Такъ и Маною Ангелъ, предрекшій о сынѣ его, когда былъ спрошенъ объ имени, отвѣчалъ: *тб есть чудно* (Суд. 13, 18.) и выше того, что можетъ вмѣститься въ человѣческомъ слухѣ. Посему и душа зоветъ Слово, сколько можетъ; но можетъ не столько, какъ ей желательно; ибо желалось бы ей ббльшаго, нежели сколько возможно. Впрочемъ и пожеласть сего не столько, сколько оно вожделѣнно, но сколько у произволенія силъ пожелать. Посему, такъ какъ призываемый не достигимъ стремленію зовущаго, то по этой причинѣ говорить: *звалх Ею, и не послуша мене.*

А что невѣста присовокупляетъ къ сказанному, то, хотя съ перваго взгляда имѣеть мрачный видъ, однакоже, кажется миѣ, клонится къ той же цѣли, и касается восхожденія въ высшее. Ибо невѣста говорить: *обрътоша мя стражіе обходящии во градъ: биша мя, язвиша мя: взяша верхнюю ризу отъ мене стражіе стынни.* Инымъ покажется, можетъ быть, что сѣтующей больше, нежели веселящейся, приличны сіи реченія: *биша, язвиша, взяша верхнюю ризу;* но для того, кто съ точностію вникъ въ смыслъ произнесеннаго, это — слова величающейся превосходствами. Въ такомъ случаѣ рѣчь сія сдѣлается для насъ ясною. Не задолго предъ симъ въ сказанномъ Писаніе

свидѣтельствуемъ о невѣстѣ, что она чиста отъ всякаго прикровенія, когда говорить отъ лица невѣсты: *совлекохся ризы моея, како облещуся въ ню?* А здѣсь сказываетъ еще, что сняли съ нея верхнюю ризу, которая съ головою прикрываетъ и лице, какъ исторія говоритъ и о Ревеккѣ (Быт. 24, 65.). Посему, какъ же обнаженная отъ всякой одежды имѣеть еще верхнюю ризу, которую берутъ теперь у ней стражи? Не ясно ли видно изъ сказаннаго, какъ успѣшно съ того времени взшла еще на большую высоту? Ибо совлекшая съ себя ветхую ризу, и сложившая все одѣяніе, въ такой мѣрѣ дѣлается чище себя самой, что по сравненію съ недавнею ея чистотою, по видимому, и не совлекала одежды, но опять находить на себѣ нѣчто такое, что можно сложить и послѣ онаго обнаженія. Такъ восхождение къ Божеству показываееть, что имѣеть на себѣ болѣе дебелиаго (ы) въ сравненіи съ тѣмъ, что находимо было непрестанно. Посему описанное выше обнаженіе отъ оной ризы сравнительно съ настоящею чистотою, какъ покровъ, снова снимается съ невѣсты обрѣтающими се. А это суть *стражіе обходящии во градъ*; градъ же—душа; съ нея при побояхъ и нанесеніи язвъ снимають верхнюю ризу тѣ,

---

(ы) По рукописи читается: *παχύτερον*.

дѣломъ которыхъ—стеречь городскія стѣны. Посему, что это снятіе верхней ризы есть нѣчто доброе, чтобы око, освобожденное отъ покрывала, безпрепятственно устремлялось на желанную красоту, въ этомъ никто не усумнится, взирая на Апостола, который отъятіе покрывала приписываетъ силѣ Духа, говоря: *всегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало. Господь же Духъ есть* (2 Кор. 3, 16. 17.). А что приуготовляющее къ благу, конечно, само есть благо, не усумнится также никто изъ умѣющихъ имѣть въ виду послѣдствіе. Посему, если отъятіе покрывала есть благо; то благомъ, безъ сомнѣнія, будутъ и ударъ и язва, служащія къ успѣшному отъятію. Но поелику по ближайшему понятію реченіями сими выражается нѣкоторая непріятность; слова: *биши мя, язвиши мя* показываютъ болѣзненное чувство; то хорошо будетъ замѣтить сперва употребленіе сихъ реченій святымъ Писаніемъ, не встрѣчается ли гдѣ упоминаніе ихъ къ лучшему, и потомъ уже разсмотрѣть силу сказаннаго здѣсь.

Какъ премудрость спасаетъ душу юнаго отъ смерти? Что совѣтуетъ дѣлать, чтобы не умеръ юный, выслушаемъ у самой Премудрости. *Аще жезломъ біеши его, говоритъ она, не умретъ. Ты бо побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти* (Прит. 23, 10. 11.). Посему реченіе: *биши* прилично истолковать словомъ:

безсмертіе, какъ говоритъ Слово: *аще жезломъ бѣши, не умретъ*; и невозможно иначе спастись душѣ его отъ смерти, если не будетъ побить жезломъ. Такъ прекрасное дѣло—быть битымъ; доказывается это сказаннымъ намъ: потому что дѣйствительно прекрасное дѣло—спастись душѣ отъ смерти. Такъ, по словамъ Пророка, дѣлаетъ и Богъ, оживляя тѣмъ, что убиваетъ, и исцѣляя тѣмъ, что поражаетъ. Ибо говоритъ: *Азъ убью, и жизни сотворю: поражу, и Азъ исцѣлю* (Второз. 32, 38.). Поэтому и великій Давидъ утверждалъ, что отъ такого жезла бываетъ не ударъ, но утѣшеніе, говоря: *жезлъ Твой и палица Твоя, та мя утѣшиши* (Пса. 22, 4.). Ими совершается и уготовление Божественной трапезы и все, что по порядку содержитъ въ себѣ сіе псалмопѣніе: елей на главу, вино въ чашѣ, которымъ производится трезвенное упоеніе, и милость прекрасно преслѣдующая Пророка, и долгота *дній* въ дому Божиемъ. Посему, если это доставляетъ сладостный оный ударъ, и по приточному ученію и по слову Пророка; то благо терпѣть удары отъ жезла, отъ котораго обиліе такихъ благъ.

Но изслѣдуемъ лучше оставленное нами прежде сказаннаго теперь. Слово *прейде*, и для невѣсты, желающей объять Его, дѣлается недостижимо; но *прейде* не для того, чтобы и оставить ту, мимо которой прошло, а чтобы паче привлечь ее къ Себѣ. Ибо невѣста гово-

рить: *душа моя изыде въ слово Ею*. Посему сперва (б) исходитъ изъ того, въ чемъ душа была, и потомъ обрѣтается стрегущими городъ. Ибо говоритъ: *обрѣтоша мя стражіе обходящии во градъ*. И такъ, если обрѣли ее адскія бѣды, если сказываетъ о себѣ, что обрѣтена разбойниками, то тяжело стать обрѣтеніемъ подобнаго сему. Ибо *татъ же приходитъ, развѣ да украдетъ и убіетъ и погубитъ* (Іоан. 10, 10.). Если же обрѣтають ее *стражіе обходящии во градъ*, то она, безъ сомнѣнія, весьма блаженна, по причинѣ таковаго обрѣтенія. Ибо кто обрѣтенъ стражемъ, тотъ не можетъ быть украденъ разбойниками. Посему, какіе же это *стражіе*? Другіе ли какіе, или, безъ сомнѣнія, служители Того, Кто есть *храняй (ѳ) Израиля* (Иса. 120, 4.),—Того, Кто храненіемъ покрываетъ (э) *десную руку* (5),—Того, Кому *ввѣрено отъ всякаго зла сохранить душу* (7)? Этотъ *стражъ вхожденія и исхожденія* (8) есть *стражъ града*, о которомъ сказано: *еще не Господь сохранитъ градъ, все же бдѣ стрѣйи* (Иса. 126, 1.). Посему *служебнии души, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1 14.) указуются въ словѣ подѣ

(б) Дополнено по рукописи.

(ѳ) По рукописи: *τοῦ φυλάσσοντος*.

(э) По рукописи: *ομηράζοντος*.

именемъ *стражей*, обходящихъ градъ. Душа же, какъ сказано, есть градъ (ю), Божіе жилище. Итакъ ими, говорится, обрѣтена душа, какъ нѣкогда обрѣтена добрымъ Пастыремъ та овца, о которой, по слову Господа, все ангельскіе лики подвиглись къ веселію. Такъ обрѣтена нѣкогда со свѣтильникомъ и драхма, о которой радуются все друзья и сосѣди. Такимъ обрѣтеніемъ дѣлается и Давидъ, рабъ Господень, какъ и псалмопѣніе говоритъ отъ лица Божія: *обрѣтохъ Давида раба Моего, елеелъ святымъ Моимъ показахъ его* (Пса. 88, 21.). Послушаемъ, чего сподобляется онъ, когда сталъ достояніемъ Обрѣтшаго. *Рука Моя*, говоритъ Богъ, *заступитъ его, и мышца Моя укрѣпитъ его* (22). *Изъску отъ лица его враги его, и ненавидящія его побѣжду* (24), и все, что еще содержитъ въ себѣ списокъ благословенія. Посему прекрасное дѣло—быть обрѣтеннымъ обходящими градъ—душу ангелами. А такъ разумѣть подаетъ мысль великій Давидъ, говоря: *ополчится ангелъ Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ* (Пса. 33, 8.). Посему сказавшая: *стражіе мя биша*, хвалилась, что нѣкое приращеніе сдѣлано ею въ преснѣянніи шествія къ горнему. Если же сказываетъ, что понесла и язвы, то сими сло-

---

(ю) Въ рукописи вмѣсто: ο λόγος читается: η πόλις.

вами изображаетъ глубоко въ ней божественнымъ жезломъ отпечатлѣнный образъ; потому что дѣйствіе духовнаго жезла принимаетъ на себя не поверхностно, такъ чтобы не можно было узнать и мѣста, гдѣ наложенъ былъ жезлъ, но въ слѣдствіе язвы значительнымъ оказывается ударъ, которымъ хвалится невѣста. Сказанное же ею подобно слѣдующему: божественный оный жезлъ и утѣшительная палица, нанесеніемъ ударовъ производящая исцѣленіе, есть Духъ; плодъ Его, — какъ всѣ иныя блага исчисленныя Павломъ, такъ вмѣстѣ съ иными и наставникъ добродѣтельнаго житія—воздержаніе. Такъ и Павелъ, помѣченный таковыми ударами, восхищаясь сими язвами, сказалъ: язвы Христовы *на тѣлѣ моемъ ношу* (Гал. 6, 7.). Итакъ ясно стало изъ сказаннаго намъ, что прекрасное дѣло—и язва, съ которою отнята у невѣсты верхняя риза, такъ что красота души у нея открыта, и одѣяніе не помрачаетъ ее болѣе.

Но повторимъ снова, кратко изложивъ, содержаніе сказаннаго. Душа, возводящая взоръ къ Богу и воспріявшая въ себя добрую приверженность къ нетлѣнной красотѣ, имѣетъ въ себѣ обновляемое всегда вожделѣніе высшаго, никогда не ослабляя приверженности пресыщеніемъ. Посему не перестаетъ всякій разъ простираться *въ предняя*. оставляя то, что занимаетъ ее, проникать въ болѣе внутреннее,

гдѣ еще небыла, и всякій разъ кажущееся ей удивительнымъ и великимъ унижать предъ послѣдующимъ, потому-что непрестанно приобрѣтаемое непремѣнно прекраснѣе приобрѣтеннаго прежде. Такъ и Павелъ умиралъ ежедневно (1 Кор. 15, 31.), потому что всякій разъ вступалъ въ новую нѣкую жизнь, дѣлаясь всегда мертвымъ для прошедшаго, и предавая забвенію сдѣланное. Потому и невѣста, поспѣшающая къ жениху, преспѣянію въ большемъ не находитъ никакой остановки; творитъ изъ усть сады шипковъ источающіе ароматы; уготовляетъ пищу Владыкѣ твари, собственными своими угощая Его плодами. Источаетъ вертоградъ; дѣлается кладяземъ *воды живы*. По свидѣтельству Слова оказывается *вся добра* и безъ порока. Опять, ставъ выше и сего, ощущаетъ велелѣніе отъ приближающагося Слова, у котораго глава исполнена росы, и ночныя капли составляются въ волосахъ. Умываетъ ноги, совлекаетъ съ себя ризу, изъ рукъ источаетъ капли смирны. Простираетъ руки къ ключу, отверзаетъ входъ, ищетъ неумовимаго, глашаетъ недостижимаго. Обрѣтаютъ ее стражи; отъ нихъ принимаетъ на себя поражающій жезлъ, уподобляется камню, о которомъ говоритъ Пророкъ: *порази камень, и потекоша воды* (Иса. 17, 20.).

Смотри, на какую высоту вошла невѣста. Поэтому, какъ отъ Моисея утесъ, тернить

удары, чтобы, подобно ему, и самой источать жаждущимъ слово; одождивъ его пзъ язвы. Потомъ сверхъ этого обнажаетъ красоту лица, когда стражи взяли у нея верхнюю ризу. Вотъ что въ этомъ мѣстѣ могли мы понять. Но нимало непозавидуемъ, если у кого при помощи Открывающаго сокровенныя тайны составится на предложенное болѣе душеполезный взглядъ. А, можетъ быть, скажетъ иной, что съ предлагаемыми изреченіями имѣеть нѣчто общее и Исаино видѣніе, разумѣю же то видѣніе, когда, по смерти прокаженнаго царя увидѣлъ, какъ говоритъ, Исаія Сѣдящаго велелѣпно на высококомъ и превознесенномъ престолѣ, Котораго вида, величія и образа не могъ объять взоромъ. Ибо если бы объялъ, то, безъ сомнѣнія сказалъ бы, какъ и сдѣлалъ въ разсужденіи прочаго имъ видѣннаго, исчисливъ крила, описавъ стояніе и полеть. Но Пророкъ говоритъ только, что слышалъ голосъ, когда отъ пѣснопѣнія Серафимовъ *взяся наддверіе и домъ наполнися дыма* (Иса. 6, 4.), и однимъ изъ Серафимовъ вложенъ въ уста Пророку горящій уголь, по совершеніи чего, не уста только, но и слухъ, очищаются къ принятію слова. Ибо какъ здѣсь невѣста говоритъ, что *биша и язвиша ея стражіе*, и такимъ образомъ обнажили отъ покрова верхней ризы; такъ и тамъ вмѣсто верхней ризы возьмется наддверіе, чтобы Пророку безиренятственнымъ

сдѣлалось обозрѣніе того, что во святилищѣ: а вмѣсто стражей именуются Серафимы, вмѣсто жезла уголь, а вмѣсто біенія жженіе.

Но и для невѣсты и для души Пророка одинъ общій конецъ—чистота. Посему, какъ Пророкъ не чувствуетъ боли отъ жженія углемъ, но просвѣщаясь имъ, славится; такъ и здѣсь невѣста не на боль отъ біенія жалуется, но хвалится приращеніемъ дерзновенія, отъятіемъ покрывала, которое въ словѣ наименовано верхнею ризою. Но можно въ предложенномъ находить и другой нѣкій смыслъ, не противорѣчущій разсмотрѣнному. Душа, изшедшая *въ слово Ею*, и ищущая необрѣтаемаго, призывающая Того, Кто недостижимъ для всей значительности именованій, узнаетъ отъ стражей, что любитъ она недостижимаго, вожделѣваетъ необъятнаго. Они-то нѣкоторымъ образомъ быють и язвятъ безнадежностію желаемаго душу, признавшую, что вожделѣніе есть несовершенное и неулажлающее добро (я). Но верхняя риза печали взымается дознаніемъ, что преслѣвать всегда въ исканіи и никакъ прекращать восхожденія есть истинное наслажденіе желаннымъ, когда, непрестанно исполняемымъ вожделѣніемъ поражается новое вожделѣніе вышняго. Посему, какъ скоро возьмется

(я) По рукописи вмѣсто: τὸν ἄλλον читается: τὸν καλόν.

верхняя одежда безнадежности, и душа видитъ, что превосходящая чаяніе и неописанная красота Возлюбленнаго во всю вѣчность вѣковъ обрѣтается всегда совершеннѣйшею; тогда приходитъ въ сильнѣйшее желаніе, и чрезъ дщерей іерусалимскихъ открываетъ Возлюбленному расположеніе сердца, а именно, что, пріявъ въ себя избранную стрѣлу Божию, уязвлена въ сердце остріемъ вѣры, смертельно устрѣлена любовію. А по слову Іоаннову: *Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 8.). Ему подобаешь слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЬДА 13.

(5, 8). *Заключъ вы дщери іерусалимскія въ силахъ и въ крепостехъ сельныхъ: аще обратите брата моего, что возвѣстите Ему? Яко уязвлена любовію азъ есмь.* (9) *Что братъ твой отъ брата, добрая въ женахъ? Яко тако заклала еси насъ?* (10) *Братъ мой былъ и черменъ, избранъ отъ темъ.* (11) *Глава Ею злато Кефазъ, власы Ею кудрявы, черны яко еранъ.* (12) *Очи Ею яко голубинѣ на исполненіихъ водъ, измовени въ млець, съдящія въ наполненіихъ водъ.*

Кто чрезъ Моисея постановилъ таинства закона, а на себѣ самомъ исполнилъ весь законъ и Пророковъ, какъ говоритъ въ Евангеліи: *не придохъ разорити законъ, но исполнити* (Мѡ. 5, 17.), Кто воспрещеніемъ гнѣва изгла-

дилъ и мысль объ убійствѣ, истребленіемъ пожеланія изгналъ мерзость прелюбодѣянія, Тотъ извергаетъ изъ жизни и проклятое клятвопреступленіе запрещеніемъ клятвы, при-ведя въ бездѣйствіе эту косу. Ибо невозможно совершиться нарушенію клятвы, когда нѣтъ клятвы. Почему говорить: *слышите, яко речено бысть древнимъ: не во лжу кленешися, воздаси же Господеви клятвы твоя. Азъ же глаголю тебѣ, продолжаетъ, неклятися всяко: ни небомъ, яко престолъ есть Божій: ни Иерусалимомъ, яко градъ есть великаго Царя. Ниже главою твоею кленися, яко не можеши власа единаго бѣла или черна сотворити. Буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею, отъ непрязни есть* (Мѡ. 5, 33—38.). Но душа, по свидѣтельству Пѣсни пѣсней, достигшая совершенства, и сложившая съ себя душевное покрывало при совлеченіи ветхой ризы, сбросившая съ лица *верхнюю одежду*, подъ которою разумѣемъ всякую исполненную сомнѣнія и колеблющуюся мысль, такъ чтобы чисто и безъ сомнѣній взирать на истину, заклинаетъ дочерей іерусалимскихъ не престоломъ Божіимъ, который Писаніе называетъ небомъ, не царственнымъ Божіимъ градомъ, которому имя Иерусалимъ, и не тою досточтимую главою, которой волосы не могутъ сдѣлаться ни бѣлыми, ни черными, но переноситъ клятвы на село, заклиная отроковицъ силами сельными,

говоря: *закляхѣ вы дщери іерусалимскія въ силахѣхъ и крѣпостехѣхъ сельныхѣхъ* (ѳ). А та, о которой вполнѣ засвидѣтельствовано, что она добра и чиста отъ всякаго порока, не производитъ ничего излишняго—такого что принадлежитъ къ части непріязненнаго, напротивъ же того изглашаетъ слово, которое отъ Бога, отъ Котораго, по слову Михея, *аще что́ благо, и аще что́ добро* (Зах. 9, 17.), и ничего кромѣ этого. Сіе явно всякому, кто по свидѣтельству Владычному изучилъ преимущества, какія имѣеть невѣста; потому что она оставила всѣ запрещенныя виды клятвы, и не заклинаетъ отроковицъ ни царственнымъ городомъ, ни престоломъ великаго царя (а изъ сего научаемся, сколько надлежитъ намъ удерживаться отъ дерзкаго употребленія имени Божія въ клятвахъ: потому что подается намъ совѣтъ не упоминать въ клятвахъ ни престола, ни города), сверхъ сего падить даже и честную главу, которую въ послѣдствіи описываетъ въ рѣчи золотою, и о волосахъ которой говорить, что они ни бѣлы, ни черны (пбо какъ золоту почернѣть или принять на себя бѣлый цвѣтъ?), безъ сомнѣнія, потому что предлагаетъ двѣмъ такую пѣкую клятву, которая и евангельскому закону не противорѣчитъ, и слу-

(ѳ) Такъ читается по рукописи.

жить поводомъ къ похвалѣ покаявшихся, по слову пророка, который говоритъ: *похвалится всякъ кляныйся Илѣ* (Пса. 62, 12.). Посему смыслъ сказаннаго не выступаетъ изъ того двоякаго способа удостовѣрять въ истинѣ, какой угодно предлагать евангельскому закону, говоря: *буди слово ваше: ей, ей: и: ни, ни*. Посему, если употреблять въ числѣ клятвенныхъ выраженій запрещается именоваііе царскаго престола, запрещается и названіе города, въ которомъ пребываетъ царь, а также и выраженіе: истинная глава воспрещается къ употребленію въ клятвѣ, дозволяются же только слова: *ей* и *ни*; такъ какъ при томъ и другомъ реченіи истина наравнѣ усматривается съ словомъ: *ей*: то сдѣлается явнымъ, что и теперь заклинаніе, налагаемое невѣстою на отроковицу ограничивается тѣмъ значеніемъ слова: *ей*, въ которомъ оно употребляется, когда надобно имъ подтвердить соизволеніе души нашей.

Читается же сіе такъ: *закляхъ вы дщери іерусалимскія въ силахъ и крѣпостехъ сельныхъ: аще обрящете брата моего, что возвѣстите ему? Яко узвѣлена любовію азъ*. Хотя слова сіи разсмотрѣны уже прежде, какъ требовала того послѣдовательность мыслей: однакоже и теперь вкратцѣ сказано будетъ представляющееся намъ. Апостоль говоритъ, что клятва есть непреложная иѣкая вещь (Евр. 6, 18.),

утверждающая собою истину и, по его опредѣленію, она въ дознанномъ *всякому прекословію кончина во извѣщеніе есть* (16). Посему невѣста налагаетъ на дѣвѣ заклинаніе, чтобы ненарушимо сохраняли, что́ говорится имъ. Но поелику кленется всякій *большимъ*, какъ говоритъ Апостоль (16), ибо никто не станетъ клясться тѣмъ, что́ малоцѣннѣе его: то надлежитъ разсмотрѣть, что́ большее указывается невѣстою въ ея клятвѣ отроковицамъ: *закляхъ вы, говоритъ она, дщери іерусалимскія въ силахъ и крѣпостехъ сельныхъ*. Итакъ что́ же въ этомъ высшее насъ? Не сомнѣваемся, что подъ именемъ *сели*, въ переносномъ значеніи разумѣется міръ; потому что Господь такъ и наименовалъ и протолковалъ міръ (Матѣ. 13, 38.). Посему какія же многія силы и крѣпости міра представлены въ клятвѣ такими, что надлежитъ признавать ихъ большими насъ, чтобы получила силу къ утвержденію истины клятва, въ которой клянутся большимъ? Поэтому къ уясненію предложеннаго необходимо будетъ присовокупить другой переводъ, иначе толкующій реченія, именно слѣдующій: «закляхъ вы дщери іерусалимскія сернами и оленями сельными». Такъ изъ этихъ наименованій, которыя въ клятвѣ берутся въ подтвержденіе истины, познаемъ, въ чемъ крѣпость, и въ чемъ сила міра сего. Два въ чловѣкѣ качества дѣлають его своимъ Богу. Первое—не-

погрѣшительность въ опредѣленіи о дѣйстви-
 тельно-сущемъ, чтобы обманчивыми предраз-
 судками не вовлекаться въ языческія и ерети-
 ческія мнѣнія о Божествѣ,—и это въ подлин-
 номъ смыслѣ есть: *ей*; другое же—чистый по-
 мыслъ, недающій мѣста всякому страстному
 расположенію въ душѣ,—и это также нечуждо
 сему: *ей*. Посему при этомъ двойкомъ отно-
 шеніи человѣка къ благамъ (изъ которыхъ
 одно производитъ, что человѣкъ обращаетъ
 взоръ на дѣйствительно-сущее, а другое от-
 гоняетъ вредоносныя для души страсти), на-
 поминаніе о сернахъ и оленяхъ въ образахъ
 даетъ познавать силу. Ибо серна непогрѣши-
 тельно видитъ, олень же имѣетъ способность
 пожирать и истреблять гадовъ. Сіе-то: *ей*
 произносятъ невеста дѣвамъ, то есть, что
 должно благочестно взирать на божественное
 и протекать жизнь чисто — въ безстрастіи.
 Если преусиѣваемъ въ этомъ, утверждается въ
 насъ непреложная сія вещь: *ей*. Вотъ та клят-
 ва, удостовѣряющая въ истинѣ, которою хва-
 лится въ себѣ *всякъ кленыйся*, какъ говоритъ
 Пророкъ. Ибо дѣйствительно, кто пріобрѣлъ
 въ себѣ несомнѣнный уснѣхъ въ разсужденіи
 того и другаго, и слова вѣры, когда непогрѣ-
 шительно взираетъ на истину, и образа жиз-
 ни, когда дѣлается чистымъ отъ всякой сквер-
 ны порока; тотъ клянется *Господеву*, что не-
 взыдетъ *на одрѣ постели*, недастъ сна *очюла*

своими, и въжедола дреланія, дождеже обрящеть въ себѣ *мѣсто Господеви*, сдѣлавшись селе-ніемъ Живущему въ немъ (Пса. 131, 2—5.). И такъ, если и мы чада вышняго Иерусалима, то послушаемъ наставницы невѣсты, какъ можно увидѣть Желаннаго?

Посему, что же говоритъ она? Если наложимъ на себя это заклятіе быть *въ силахъ* зоркихъ серпъ, и въ *крѣпостехъ* истребителей порока оленей; то при этомъ возможно увидѣть чистаго Жениха, сего стрѣльца любви, и душа cadaго скажетъ Ему: *уязвлена любовію азъ есмь*. А что язвы любви прекрасны, дознаемъ сіе и изъ притчи, которая говоритъ: *вождедѣнны язвы други, худы же лобзанія врага* (Прит. 27, 6.). Но кто другъ, чьи язвы предпочтительнѣе лобзаній врага,—сіе явно всякому и незнающему тайнъ спасенія. Истинный и прочный другъ тотъ, кто непереставалъ любить насъ, бывшихъ еще врагами. Невѣрный же и жестокий врагъ, кто ничѣмъ необидѣвшихъ доводитъ до смерти. Язвою казалось первоначальнымъ запрещеніе зла, дѣлаемое заповѣдію; потому что язвою было признано отчужденіе отъ пріятнаго: а вызовъ на пріятное и видное на взглядъ почтенъ лобзаніемъ. Но опытъ показалъ, что мнимыя язвы друга были полезнѣе и вождедѣннѣе лобзаній врага. И такъ поелику прекрасный Любитель нашихъ душъ *составляетъ* свою любовь, по кото-

рой (v) еще *πρῶτονικολῶν* *назвѣ существѣ Христосъ* *упре за ны* Рим. 5, 8.); то посему и невѣста, взаимно возлюбившая Возлюбившаго, показываетъ въ себѣ глубоко лежащую стрѣлу любви, то есть общеніе съ Божествомъ Жениха. Ибо, какъ сказано, *Богъ любви есть* (1 Иоан. 4, 8.), жаломъ вѣры входящая въ сердце. А если надобно сказать и имя сеіи стрѣлы, то скажемъ, чему научились у Павла, а именно, что стрѣла сія есть *вѣра любовію споспѣшествуеца* (Галат. 5, 6.).

Но это пусть принимаетъ каждый, какъ ему кажется. Разсмотримъ же и вопросъ, предложенный дѣвами наставницѣ: *что братъ твой отъ брата, добрая въ женахъ? Братъ твой отъ брата, яко тако заклѣла еси насъ?* По моему мнѣнію, изреченіе сіе, какъ можно догадываться по связи съ тѣмъ, что прежде изслѣдовано, заключаетъ въ себѣ такой пѣкій смыслъ. Поелику дѣвы видѣли прекрасное существо души невѣсты, когда прилѣпилась къ слову изрекшая: *душа моя изыде въ слово Его*, и узнали, что ищедшая искала Необрѣтаемаго по признакамъ, и призывала, взывая Невнимавшему наименованіямъ; то посему говорятъ, какъ намъ узнать Его, необрѣтаемаго ни по одному отличительному признаку, когда Онъ

(v) По рукописи читается: *δὲ ἑρ.*

призываемый невнемлетъ, и взысканный не дается въ обладаніе? Посему и ты сними съ очей нашихъ покрывала, какъ поступили съ тобою городскіе стражи, чтобы и у насъ было какое - либо путеуказаніе къ Искомому? Скажи, кто братъ твой, сколько возможно это въ отношеніи къ Его естеству. По какимъ нибудь знакомымъ примѣтамъ дай намъ напутствіе къ Его познанію ты, исполненная добра и потому содѣлавшаяся доброю въ женахъ. Ознакомь насъ съ искомымъ, и научи насъ, по какимъ признакамъ отыскивается Невидимый, чтобы извѣстить намъ Его о стрѣлѣ любви, которою уязвлена Ты въ средину сердца, и сладостнымъ мученіемъ увеличиваешь въ себѣ страсть.

Лучше же изреченіе это повторить опять буквально, чтобы соотвѣтствовала и мысль, выраженная словами: *что братъ твой отъ брата, добрая въ женахъ? Что братъ твой отъ брата, яко тако заклала еси насъ?* Поэтому послушаемъ той, съ которой вовсе снята верхняя риза, и которая безъ покрывала душевнымъ окомъ взираетъ на истину. Какъ описываетъ имъ искомое? Какъ изображаетъ словомъ черты желаннаго? Какъ взорамъ дѣвъ представляетъ незнаемаго. Поеліку во Христѣ есть и созданное и несозданное: несозданнымъ же въ Немъ называемъ присносущное, предвѣчное и творящее все существа, а соз-

даннымъ по домостроительству о насъ сообразное съ тѣломъ *смиренія нашего* (Фил. 3, 21.), лучше же сказать (понятіе объ этомъ приличіи изложить въ словѣ самыми божественными реченіями), несозданнымъ называемъ сущее *въ началъ Слово, Изъ же вся быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 1. 3.), а созданнымъ — Слово, содѣлавшееся плотію и вселившееся *въ ны* (14), чья слава, обнаружившаяся и по воплощеніи Его, даетъ видѣть, что *Богъ явился во плоти* (1 Тим. 3, 16.), конечно Богъ *Единородный, сый въ лоно Отчи* (Іоан. 1, 18.); ибо такъ сказалъ Іоаннъ: *видѣхоль славу Его* (видимое было чловѣкъ, но познаваемое въ видимомъ Апостолъ называетъ славою), *яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (14); — итакъ поелику несозданное во Христѣ предвѣчно, присносущно, для всякаго естества совершенно непостижимо и неизглаголанно; а явленное намъ во плоти можетъ нѣсколько входить въ наше познаніе: то посему наставница на это всегда обращаетъ вниманіе, и о всемъ томъ ведетъ рѣчь, что можетъ вмѣстимымъ сдѣлаться для слушающихъ; разумію же *велию благочестія тайну, по которой Богъ явился во плоти, Иже, во образъ Божіи сый* (Фил. 2, 6.), и въ рабіемъ зракѣ плотію поживъ съ людьми, поелику единожды въ началкѣ пріялъ на Себя смертное естество плоти, которое

заимствовалъ чрезъ нерастлѣнное дѣвство, всегда освящаетъ нетлѣніемъ общій составъ естества чрезъ вступающихъ съ Нимъ въ единеніе приобщеніемъ таинства, питая тѣло Свое Церковь, и приличнымъ образомъ счинѣвая съ общимъ тѣломъ члены, поражаемые вѣрою въ Него, все производитъ благолѣпно, какъ слѣдуетъ и какъ удобно, содѣлавъ вѣрующихъ очами, устами, руками и прочими членами. Ибо такъ говоритъ Павелъ: *тѣло едино есть, уды же многи* (1 Кор. 12, 12.), и не всѣ уды состоятъ въ томъ же чинѣ; но кто окомъ въ тѣлѣ, тотъ не пренебрегаетъ руки; и кто—глава, тотъ не отвергаетъ ногъ, а напротивъ того все тѣло изъ членовъ разнообразіемъ дѣйствій срастворяется само въ себѣ, такъ что члены не разногласятъ съ цѣлымъ. Предложивъ мысли сіи загадочно, Апостолъ приводитъ рѣчь въ большую ясность, сказавъ: *положи Богъ въ церкви Апостоловъ, Пророковъ, учителей и пастырей (28) къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова: доидеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова (Ефес. 4, 12. 13.).* И еще продолжаетъ: *всѣми мѣрами возрастемъ въ Него, Иже есть глава Христосъ: изъ Негоже все тѣло составляемо и счиняемо прилицимъ, всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части,*

возращеніе тѣла творитъ въ созданіе самое себе любовію (15. 16.). Посему, кто имѣеть въ виду Церковь, тотъ имѣеть въ виду самаго Христа, Который приумноженіемъ спасаемыхъ созидаетъ и возвращаетъ Себя Самаго. Поэтому сложившая покрывало съ очей чистымъ окомъ взираетъ на неизреченную красоту Жениха, и въ слѣдствіе сего уязвлена нетѣлсною и разжженною стрѣлою пламенной любви; потому что усиленная любовь называется пламенною (*ἔρως*), такую любовію, какой никто нестыдится, когда стрѣляніе ея бываетъ не плотское, а напротивъ того всякій хвалится паче язвою, когда въ глубинѣ сердца пріемлетъ остріе невещественнаго пожеланія. Сіе-то и сдѣлала невѣста, говоря отроковицамъ: *уязвлена любовію азъ есмь.*

Посему пришедшая въ такую мѣру совершенства, поелику должна была и дѣвамъ показать красоту жениха, говоритъ не то, что было въ началѣ (слово не имѣло и возможности открыть неизреченное), но руководить дѣвъ къ совершившемуся для насъ богоявленію во плоти. Такъ поступилъ и великій Іоаннъ; умолчавъ о томъ, *еже бы исперва*, но тщательно повѣдавъ о томъ, *еже видѣхомъ и слышахомъ, и руки наша осязаша, о Словеси истины* (1 Іоан. 1, 1.). Посему невѣста говоритъ имъ: *Братъ мой былъ и червленъ, избранъ отъ тѣлъ. Глава Ею злато Кефазъ, власы Ею*

кудрявы, черны яко вранъ. Очи Ею яко голубицы на исполненіихъ водъ, измовени въ млець, съдящія въ наполненіихъ водъ: (13) ланиты Ею аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоніе: устны Ею крины, каплющія слирну полную. (14) Руцѣ Ею обточены златы, наполнены Фарсиса: чрево Ею сосудъ слоновый на камени сапфировъ. (15) Дыста Ею столпы мраморовы, основаны на степенехъ златыхъ, видъ Ею яко Ливанъ, избранъ яко кедрове. (16) Гортань Ею сладость, и Весь желаніе: сей братъ мой, и сей ближній мой, дщери іерусалимлі. Все это, изъ чего составлено изображеніе красоты, показываетъ не невидимое и непостижимое въ Божествѣ, но то, что открылось по домостроительству, когда видимъ былъ на землѣ, жилъ съ людьми, облечшись въ естество человѣческое, отчего, по апостольскому слову, и невидимая Ею творенми помышляема видима суть (Рим. 1, 20.), открываясь въ устроеніи церковнаго міра. Ибо тоже мірозданіе—и устроеніе церкви, въ которой, по слову пророка, творится небо ново (Иса. 65, 17.), то есть, какъ учитъ Павелъ, утвержденіе (а) вѣры во Христа (Кол. 2, 5.), и уготовляется земля нова, піющая сходящій на нее дождь, и создается иный человѣкъ, рожденіемъ свыше обновляемый по образу Соз-

---

(а) Точнѣе: твердь (στερωμα.)

давашаго его (Кол. 3, 10.); происходитъ другое естество свѣтиль, о которыхъ сказано: *вы есте свѣтъ міра* (Мѳ. 5, 14.), и: *въ низше являетесь якоже свѣтила въ міръ* (Филип. 2, 15.); и много звѣздъ возсіяваетъ на тверди вѣры. И не то достойно удивленія, что въ этомъ новомъ мірѣ перечисляется и поименовывается Богомъ множество звѣздъ, которыхъ имена, сказуетъ Творецъ таковыхъ звѣздъ, написаны на небесахъ. Ибо слышу, что Зиждитель сей новой твари такъ говоритъ собственнымъ Своимъ свѣтиламъ: *имена ваша написана суть на небесахъ* (Лук. 10, 20.). Посему не это одно составляетъ необычайность новой твари, что въ ней множество звѣздъ зиждется Словомъ, но что творятся и многія солнца, озаряющія вселенную лучами добрыхъ дѣлъ; ибо такъ говоритъ Творецъ таковыхъ солнцевъ: *да просвѣтитъ свѣтъъ вашъ предъ чловѣки* (Мѳ. 5, 16.), и: *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце* (Мѳ. 13, 43.). Поэтому, какъ тотъ, кто, взирая на чувственный міръ, и уразумѣвъ премудрость, проявляющуюся въ красотѣ существъ, изъ видимаго заключаетъ о красотѣ невидимой, объ источникѣ премудрости, изліяніемъ котораго составилось естество существъ; такъ и тотъ, кто обращаетъ взоръ на этотъ новый міръ церковнаго созиданія, вмѣстимымъ и постижимымъ для нашей вѣры руководясь въ вѣдѣніи къ невмѣстимому,

усматриваетъ Того, Кто есть и содѣлывается *всяческая во всѣхъ*. Посему-то, такъ какъ къ душѣ, восходящей къ совершенству души, дѣвы обращаются съ этою просьбою содѣлать для нихъ знаемымъ вожелѣннаго; она описываетъ дѣвамъ признаки Искомаго, открытые намъ въ дѣлѣ спасенія, всю Церковь содѣлавъ единымъ тѣломъ Жениха, въ описаніи красоты каждому изъ членовъ указываетъ особое нѣкое значеніе; изъ всего же этого, обозрѣваемаго по частямъ, составляется красота тѣла.

Посему началомъ ученія полагаетъ близкое и доступное намъ; ибо оглашеніе начинается тѣломъ, какъ поступилъ и Матѳей; съ Авраама и Давида начавъ родословіе таинства по плоти, соблюлъ онъ великому Іоанну, чтобы тѣмъ, которые уже обучены симъ начаткамъ, благовѣствовалъ онъ и о началѣ умопредставляемомъ отъ вѣчности, и о Словѣ уразумѣваемомъ въ этомъ началѣ. Сими же понятіями невѣстатайноводствуетъ отроковицъ, по тому что разумѣніе наше не прежде возводится къ непостижимому и неопредѣлимому, какъ объявъ вѣрою явленное открыто. А это явленное есть естество плоти. Ибо, сказавъ: *братъ мой бѣло и черменъ*, невѣста смѣшеніемъ сихъ двухъ цвѣтовъ изображаетъ въ словѣ отличительное свойство плоти. Это же сдѣлала она и прежде, когда наименовала Жениха яблокомъ, у котораго наружный цвѣтъ усматривается смѣшан-

нымъ изъ того и другаго; потому что яблоко и бѣло, и красновато, и его краснота, какъ думаю, гадательно указываетъ на естество крови. Но поелику всякая плоть образуется одинаковымъ способомъ, и вступающимъ въ жизнь сію посредствомъ рожденія пролагается путь къ зачатію непременно бракомъ,—то, чтобы кто, и въ тайнѣ благочестія допустивъ плотское рожденіе, не поползнулся мыслию на дѣла и страданія естественныя, рожденіе и оной плоти представивъ мысленно однороднымъ со всякимъ другимъ;—по сему самому о Пріобщившемся плоти и крови хотя исповѣдала невѣста, что онъ и *бѣлѣ* и *чернелѣ*, двумя цвѣтами давая разумѣть естество тѣла, однако сказуетъ, что зачатіе Его произошло неподобнымъ обыкновенному рожденію способомъ, напротивъ того изъ всѣхъ темъ людей, и бывшихъ съ того времени, какъ стали они происходить на свѣтъ, и будущихъ, доколѣ продолжится потокъ естества зачатіемъ приходящихъ вновь, Онъ одинъ вступилъ въ эту жизнь новымъ способомъ зачатія. Чтобы придти въ бытіе, естество Ему не содѣйствовало, а служило. Посему говоритъ невѣста, что *бѣлѣ* и *чернелѣ* Тотъ, Кто, при посредствѣ плоти и крови посѣтивъ эту жизнь, отъ всѣхъ темъ избранъ одинъ изъ дѣвической чистоты. Его осѣменѣніе не отъ четы, зачатіе не скверно, рожденіе безъ болѣзней рожденія; для Него брачнымъ

ложемъ — сила Вышняго, подобно ѳнѣкому облаку осѣняющая дѣвство; брачнымъ свѣтильникомъ — облистаніе Духомъ Святымъ, ложемъ — безстрастіе, бракомъ — нерастлѣніе. Посему такъ происходящій прекрасно наименованъ избраннымъ (*ἐκλεκτοχρισμένος*) отъ всѣхъ темъ, чѣмъ означается, что Онъ не отъ брачнаго союза (*λέχους*). Ибо Его только рожденіе безъ плотскаго зачатія, какъ и начало бытія безъ брака. Ибо о нерастлѣнной и неискусобрачной невозможно въ собственномъ смыслѣ употребить слово: зачатіе, потому что именованія: дѣвство и плотское зачатіе не соединимы въ одной и той же. Но какъ Сынъ данъ намъ безъ отца, такъ и отроча раждается безъ плотскаго зачатія. Дѣва, какъ не познала, какимъ образомъ въ тѣлѣ ея составилось богопріемное тѣло; такъ не ощутила рожденія; потому что, по свидѣтельству пророчества, безъ болѣзней рожденія было у ней рожденіе. Исаія говоритъ: *прежде неже пріити труду, чревоболѣнія избѣже, и породитъ мужескъ полъ* (Иса. 66, 7.). Посему-то, будучи избранъ, неподлежа естественному порядку въ томъ и другомъ, какъ не по сластолюбію пріявшій начало бытія, и какъ не съ трудомъ происшедшій на свѣтъ (и это совершается въ порядкѣ, не выходя изъ обычнаго чина; ибо какъ вводящая грѣхомъ въ естество смерть осуждена рождать въ печаляхъ и трудахъ; такъ Матери

жизни, безъ сомнѣнія, должно было и чревоношеніе начать съ радостію, и рожденіе совершить въ радости, потому что Архангелъ говоритъ ей: *радуйся благодатная* (Лук. 1. 28.), изреченіемъ симъ устраняя ту печаль, какая первоначально подъ грѣхомъ дана въ удѣлъ рожденію), Онъ одинъ изъ всѣхъ темъ содѣлывается таковымъ по новости и особенноти рожденія, прекрасно по плоти и крови именуется *блгъ и черменъ*, и по нетлѣнному и безстрастному качеству рожденія въ отличіе отъ прочихъ *избранъ отъ темъ*. Или, можетъ быть, невѣста приложила къ Нему реченіе сіе и по причинѣ прочихъ видовъ рожденія, совершающихся безъ (б) чревоношенія. Конечно же не незнаешь, сколько разъ рождень *перворожденъ вся твари* (Кол. 1, 15.), *первородный во многихъ братіяхъ* (Рим. 8, 29.), *перворожденъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18.); первый разрѣшившій болѣзни смертныя, и воскресеніемъ проложившій всѣмъ путь къ рожденію изъ мертвыхъ. Ибо для всего этого былъ Онъ рождень, но не чревоношеніемъ пришелъ въ бытіе. Не допускаетъ болѣзней чреворожденія и рожденіе отъ воды, и пакибытіе изъ мертвыхъ, и первородство божественной сей твари, напротивъ того во всемъ этомъ рожденіе

(б) По рукописи вмѣсто: *да* читается: *дѣха*.

изъято отъ чревоношенія. Посему невѣста говоритъ: *избранъ отъ темъ*.

Но время уразумѣть изъ сказаннаго, какая красота описывается въ каждомъ изъ членовъ Его. Глава Его злато Кефазъ. Если же еврейское реченіе переведено будетъ на нашъ языкъ; то словомъ симъ означается чистое золото, неподдѣльное, чуждое всякой примѣси. А перелагавшіе еврейскія слова на еллинскія реченіе: *Кефазъ* оставили непереведеннымъ, мнѣ кажется, потому, что между еллинскими реченіями не нашли ни одного слова, которое бы выражало силу, усматриваемую въ еврейскомъ словѣ. Мы же, дознавъ это, а именно, что реченіемъ симъ означается золото совершенно чистое, несмѣшанное и несмѣшивающееся ни съ какимъ оскверненнымъ веществомъ, приводимся къ слѣдующему разумнѣю предложеннаго реченія: Глава тѣла—Церкви есть Христосъ. О Христѣ же теперь говоримъ, относя имя сіе не къ вѣчности Божества, но къ богопріемному человѣку, явившемуся на землѣ, пожившему съ человѣками, сему прозябенію дѣвства, въ Комъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснъ* (Кол. 2, 9.), сему началку общаго смѣшенія, посредствомъ Котораго Слово облеклось въ наше естество, содѣлавъ его чистымъ и избавленнымъ отъ всѣхъ прирожденныхъ ему немощей. Ибо такъ говоритъ о Немъ Пророкъ: грѣха не-

сотвори, ни обрътесе лествъ во устьхъ Его (Иса. 53, 9.); искушена по всяческииъ по подобію нашего естества, развѣ грѣха (Евр. 4, 15.). Посему Глава тѣла - Церкви, начатокъ всего естества нашего есть чистое, несмѣшанное и несмѣшивающееся ни съ однимъ недостаткомъ золото.

Власы же, нѣкогда темные и черные, по виду уподоблявшіеся вранамъ, тѣхъ разумѣю врановъ, дѣломъ которыхъ, по слову притчи, исторгать глаза, и лишенныхъ ими сихъ зрительныхъ чувствилищъ уготовлять въ пищу птенцамъ орлимъ (Прит. 30, 17.),—сіи кудрявые власы, содѣлавшись высокими и къ небу возносящимся древами, своимъ стремленіемъ отъ земли къ небесной высотѣ на Божественной главѣ Жениха служатъ приращеніемъ Его красоты. Конечно же всякій знаетъ, въ чемъ состоитъ дѣло сихъ волосовъ, изъ собственныхъ словъ Жениховыхъ, сказанныхъ выше: *власи Мои* наполнились *капель* водныхъ. Итакъ власы Его, у Пророковъ называемые облаками, источаютъ капли; изъ нихъ бываетъ дождь ученія, напоевающій одушевленные (в) нивы къ плодоносію воздѣланнаго Богомъ. Думаю также, что власами въ словѣ Божіемъ въ переносномъ смыслѣ означаются Апостолы,

(в) По рукописи: τὰς ἐμπυγὰς.

изъ которыхъ нѣкіе, по житейскимъ занятіямъ, были прежде темны, кто разбойникомъ, кто мытаремъ, кто гонителемъ, и инымъ изъ таковыхъ, подобно черному и плотоядному истребителю очей ворону; разумѣю же начальника *власти темныя* (Колос. 1, 13.), какъ говоритъ изъ ворона содѣлавшійся кудрявымъ, и потому названный власами Божественной Главы, а именно, что онъ, *бывшій прежде*, пока былъ враномъ, *хульникъ, гонитель и досадитель*, (1 Тим. 1, 13.), приуготовленъ къ сей благодати, дѣлаясь власами, увлажненными небесною росой, всему тѣлу-Церкви источилъ ученіе о сокровенныхъ и непроницаемыхъ тайнахъ. Ихъ-то, по нашему разумѣнію, невѣста называется власами; держась на златой Главѣ, придаютъ они не малое приращеніе красотѣ, колеблемые вѣяніемъ Духа, и служатъ прекрасными вѣнцами пречистой Главѣ, украшая ее своею окружностію. О нихъ, кажется мнѣ, говоритъ пророчество: *положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ отъ камени честна* (Иса. 20, 4.); такъ что разумѣются они подъ тѣмъ и другимъ представленіемъ, и какъ благолѣпные власы, и какъ драгоценные камни, украшающіе собою главу.

По порядку слѣдовало бы разсмотрѣть въ словѣ и сказанное объ очахъ. Буквально же читается сіе такъ: *очи Его яко голубицы на исполненіихъ водъ, изловени въ млеучъ, съдящія*

въ наполненіихъ водъ. Но смыслъ словъ сихъ выше нашего постиженія; ибо какое понятіе ни составимъ о нихъ, будетъ оно, какъ думаемъ, ниже истины. По тщательномъ же разсмотрѣніи кажется намъ, что смыслъ сего подобенъ слѣдующему. Божественный Апостоль въ одномъ мѣстѣ своихъ Писаній говоритъ: *не можетъ око рецѣ руцѣ: не требъ ли еси* (1 Кор. 12, 21.), излагая въ семъ то ученіе, что тѣлу Церкви надлежитъ хорошо дѣйствовать тѣмъ и другимъ, способность разсматривать истину срастворя съ силою дѣятельною; потому что ни созерцаніе не совершаетъ душу само по себѣ, если нѣтъ дѣлъ, показывающихъ преспѣваніе въ нравственной жизни; ни дѣятельное любомудріе не заключаетъ въ себѣ достаточной пользы, если не управляетъ дѣлами истинное благочестіе. Посему, если необходимо сочетаніе очей и рукъ; то сказаннымъ приводимся, можетъ быть, сперва выразумѣть, какія это *очи*, а потомъ уже принять въ разсмотрѣніе воспisanную имъ похвалу. А слово о рукахъ побережемъ до принадлежащаго ему мѣста. Очамъ свойственное по природѣ дѣло смотрѣть. Посему и по мѣстному положенію поставлены выше всѣхъ чувствилищъ, какъ самую природою назначенныя въ путеводство всему тѣлу. Посему, когда слышимъ, что въ божественномъ Писаніи такъ называются руководители къ истинѣ, и одинъ изъ нихъ име-

новался *прозорливцемъ* (1 Цар. 9, 11.), другой—*видящимъ* (Ам. 7, 12.), а иный *стражемъ*, будучи такъ отъ Бога наименованъ по причинѣ пророчества (Иезек. 3 17.): то симъ приводимся къ той мысли, что здѣсь называются *очами* поставленные предусматривать, наблюдать и надзирать.

А что въ очахъ совершается чудо въ какомъ-то сравнительномъ сходствѣ, дознаемъ сіе изъ сличенія съ лучшимъ, изображающаго ихъ красоту. Ибо невеста говоритъ: *очи яко юлублицы*. Подлинно прекрасная похвала для таковыхъ очей—непорочность, въ какой преуспѣваютъ неоскверненные еще плотскою жизнію, но живущіе и ходящіе духомъ (Гал. 5, 25.). Ибо духовная и невещественная жизнь отличается голубинымъ видомъ, потому что и самъ Духъ Святой въ такомъ видѣ сходящимъ съ небеси на воду явился Іоанну. Посему, кто вмѣсто очей поставленъ Богомъ въ тѣлѣ Церкви, тому, если намѣренъ надзирать и наблюдать чисто, надлежитъ всякую нечистоту порока омыть водою. Но не одна есть вода, омывающая очи; напротивъ того невеста говоритъ, что многія *исполненія* таковыхъ водъ. Ибо сколько добродѣтелей, столько же надлежитъ представлять себѣ и источниковъ очистительныхъ водъ, отъ которыхъ очи непрестанно дѣлаются самихъ себя чище: напирмѣрь цѣломудріе есть источникъ очистительной

воды; другой такой же источникъ смиренно-мудріе, истина, правда, мужество, вождельніе добра, отчужденіе отъ зла. Сіи и подобныя симъ воды, хотя изъ одного источника, но собираются различными потоками въ одно исполненіе, и ими производится очищеніе очей отъ всякой страстной нечистоты.

Но хотя *на исполненіихъ водъ* тѣ очи, которые по своей невинности и непорочности уподобляются голубицамъ; однако же купѣлію для нихъ невѣста назначаетъ млеко, ибо такъ выражается Писаніе: *измовени въ млець*. Приличная похвала подобнымъ очамъ—сказать о нихъ, что такая голубица, омываясь молокомъ, дѣлается прекраснѣе. Ибо дѣйствительно примѣчается въ молокѣ, что эта одна жидкость (г) имѣетъ такое свойство—непоказывать въ себѣ изображенія и подобія чѣго бы то нибыло. Все, что по естеству жидко, подобно зеркаламъ, дѣлаетъ, что по причинѣ гладкой поверхности появляются подобія смотрящихся въ эту жидкость. Но въ одномъ молокѣ такое кумиротвореніе не имѣетъ мѣста. По сей причинѣ для очей Церкви весьма совершенна такая похвала—неизобразать въ себѣ, вопреки дѣйствительности вещей, по обольщенію ничего неосуществившагося, погрѣшительнаго и

(г) По рукописи читается: *μίσος τῶν δροῦν τοῦτο*.

суетнаго, но имѣть въ виду дѣйствительно существующее, и недопускать до себя блуждающихъ взглядовъ на эту жизнь и мечтательныхъ представлений. Посему-то для чистоты очей совершенною душою признано надежнымъ омовеніе молокомъ.

Послѣдующее же слово служить для слушателей закономъ, о чемъ надлежитъ прилагать раченіе очамъ. Сказано: *сѣдѣющія въ наполненіихъ водъ*. Таковая рѣчь тѣмъ самымъ, что ставить въ похвалу чистымъ очамъ, требуетъ постояннаго со вниманіемъ занятія божественными уроками, научая и насъ, какъ можемъ, присѣдая всегда *при наполненіихъ водъ*, приобрести свойственную очамъ красоту; такъ какъ многіе изъ поставленныхъ быть очами, оставивъ сѣдѣніе при таковыхъ *наполненіихъ*, преселяются сидѣть на рѣкахъ вавилонскихъ, приводя въ исполненіе то, въ чемъ отъ лица Божія обвинены таковыя: *Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержати* (Іер. 2, 13.). Итакъ вотъ урокъ: око, чтобы сдѣлаться ему добрымъ, благоприличнымъ и сообразнымъ златой главѣ, должно быть непорочно, подобно голубю, непогрѣшительно и необольстимо, подобно естеству молока, недовѣрять никакому обману вещей неосуществленныхъ, но съ твердостью и неотступностью сидѣть при *наполненіихъ* Божествен-

ныхъ *водъ*, подобно древу, насажденному при *исходищихъ водъ* (Иса. 1, 3.), и не пересаживаемому на другое мѣсто. Ибо въ такомъ случаѣ плодъ принесенъ будетъ въ свое время, и вѣтвь сохранится всегда свѣжею, одѣтая доброцвѣтностію листьевъ. Пыль же многіе изъ духовныхъ очей, непоспѣшая къ симъ водамъ, и мало заботясь о внимательномъ изученіи слова, или искапываютъ себѣ кладенецъ любостыжательности, или въ камнѣ истесываютъ прибѣжище тщеславію, или роютъ кладезь гордости, или со тщаніемъ искапываютъ какіе либо другіе кладенцы обольщенія, которые не имѣютъ свойства навсегда удерживать вождѣваемую ими воду; потому что честь, владычество, слава, о которыхъ у многихъ здѣсь столько раченія, вмѣстѣ и составляютъ и утекаютъ, и не оставляютъ обольщеннымъ никакого слѣда суетной ихъ рачительности.

Слову угодно, чтобы таковы были наблюдающіе и надзирающіе, которымъ надлежитъ и ограждать, какъ бы оплотомъ какимъ бровей, безопасною твердынею божественныхъ ученій, и какъ бы покровомъ какимъ вѣждей, прикрыть смиренномудріемъ чистоту и свѣтлость житія, чтобы сучекъ самомнѣнія, попавъ въ чистую зеницу, не содѣлался препятствіемъ зрѣнію. Какая же, послѣ очей, восписуется похвала членамъ жениховымъ, если дастъ Богъ,

сообщимъ въ послѣдующихъ бесѣдахъ, по благодати Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

БЕСѢДА 14.

(5, 13) *Ланиты Ею, аки фіалы ароматъ, прозябающыя благовоніе: устны Ею крини, каплющія смиру полну.* (14) *Руцъ Ею обточены златы, наполнены ѳарсиса: чрево Ею сосудъ слоновый на камени сапфировъ.* (15) *Лыста Ею столпи мраморовы, основани на степенехъ златыхъ.* *Видъ Ею яко Ливанъ, избранъ яко кедрове.* (16) *Гортанъ Ею сладость, и весь желаніе: сей братъ мой, и сей ближній мой, дочери іерусалимли.*

Питающій *мелестнымъ млекою* младенчествующихъ еще духовнымъ возрастомъ, ставъ питателемъ *новорожденныхъ* въ Церкви, какъ говоритъ самъ Апостолъ (1 Петр. 2, 2.), хлѣбъ премудрости сберегаетъ совершеннымъ по внутреннему челоуѣку, сказавъ: *премудрость же малолетнъ въ совершенныхъ* (1 Кор. 2, 6.), которые, упражненіемъ въ добрыхъ ученіяхъ имѣя *чувствія души обучена* (Евр. 5, 14.), дѣлаются способными принимать хлѣбъ премудрости, при питаніи требуя содѣйствія ланиты, *измельчающей пищу зубами разсудка* (д). По-

---

(д) Въ рукописи читается: *τῆς λεπτοποιήσεως ἐν τοῖς ὀδοῖσι τῶν λογισμῶν σαυρόνος εἰς τροφήν προσδεόμενοι.*

сему въ тѣлѣ Христовомъ надлежитъ быть и ланитамъ для тѣхъ, которые не прилѣплены болѣе къ сосцамъ слова, но вождельвають уже пищи болѣе твердой; о которыхъ невѣста ведетъ теперь рѣчь, говоря такъ: *ланиты Ею аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоніе*. По разсмотрѣніи того, что касается очей, связь рѣчи требуетъ слова о ланитахъ; ясно это всякому, слушающему съ разумѣніемъ. Ибо для того оку, неотступно пребывая при полнотѣ духовныхъ водъ, надлежитъ омываться неизмѣнчивымъ и неслезнымъ млекоу, уподобляясь незлобивой голубицѣ, чтобы общниками собственныхъ своихъ благъ содѣлать всѣхъ, составляющихъ тѣло Церкви. Посемуто и великій Исаія восшедшему житіемъ на высокую гору; повелѣваетъ возопить громкимъ голосомъ, чтобы слышащіе познали отъ него Господа, Который идетъ *съ крѣпостію*, со властію держитъ существа въ мышцѣ, на сѣтъ паству Свою, собираетъ агнцевъ, прекрасно благими надеждами утѣшаетъ *илуція во утробѣ*, объялъ небо пядію, и всю землю сжалъ горстію. Что и еще кромѣ этого говоритъ пророчество, все должно быть проповѣдано восшедшимъ на самую вершину (Иса. 40, 9—12.). Посему, если при этомъ сила, сообщаемая водами и молокомъ, служить очамъ къ познанію истины; то, согласно съ порядкомъ, вмѣстѣ съ очами восхваляются и ланиты.

обязанность которыхъ — разжевывать пищу, служащую къ соблюденію естества и силы въ тѣлѣ.

Итакъ посмотримъ, въ чемъ заключается похвала ланитамъ, слушаемъ, что говоритъ о нихъ сама невѣста: *ланиты Ею, говоритъ она, аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоніе*. Если именемъ фіала означается въ словѣ расширяющійся въ бокахъ сосудъ, въ которомъ по устройству утаевается пустота, потому что сосудъ по виду неслишкомъ углубленъ; и расширяется не по прямой чертѣ, отчего бока представляются не въ точности выпалыми и не плоскими; итакъ если невѣста словомъ: фіаль указываетъ на сосудъ такого рода; то похвала ланитамъ будетъ имѣть для себя основаніе въ семъ видѣ фіала. Ибо можетъ иной сказать, что слово сдѣлало упоминаніе о фіалѣ съ намѣреніемъ похвалить простоту, многообъемлемость и нельстивость ученія, въ которомъ запрещенная пророкомъ глубина не можетъ найти себѣ мѣста, такъ какъ сказалъ онъ: *да избавлюся отъ ненавидящихъ мя, и отъ глубокихъ водъ* (Пс. . 68, 15.). Посему утверждаемъ, что истина, являющаяся въ простотѣ, безъ обманчивой какой либо вмѣстимости, означается именемъ фіала, вещество котораго есть ароматъ, а назначеніе — прозябеніе благовонія. *Ланиты Ею аки фіалы ароматъ*, сдѣланные не изъ серебра, или зо-

лота, или стекла, или другаго какого подобнаго вещества, но изъ самаго аромата, прозябая изъ себя то, изъ чего уготовляются мура. Конечно же, изъ сказаннаго ясно виденъ смыслъ, усматриваемый въ сихъ изреченіяхъ, а именно, что чистымъ очамъ Церкви свойственно размягчающею силою ланить приготавливать тѣлу такую пищу, чтобы въ сказанномъ не усматривалось ничего глубоко скрытаго и неяснаго, но все было видно насквозь, свободно, далеко отъ всякой обманчивой скрытности и глубокости, явственно и для младенцевъ, какъ говоритъ Пророкъ: *свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младенцы. Заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (Пса. 18, 8. 9.). Если таковы будутъ фіалы слова; то явно, окажутся составленными не изъ земнаго вещества, но естество ихъ будетъ изъ аромата, изъ того, разумѣю, аромата, о которомъ невѣста въ началѣ пѣсни говоритъ, что онъ *пахе всѣхъ ароматъ*. Такимъ фіаломъ былъ Павелъ, *не въ лукавствіи лстя* (е) *словесе, но въ явленіи истины представляя себе* (2 Кор. 4, 2.); въ немъ вещество отложило то, что было въ немъ отъ земли, послѣ того, какъ крещеніемъ свергъ онъ чешую съ плотскихъ очей (Дѣян. 9, 18.), и уготованъ

(е) Дополнено по рукописи.

вновь изъ благоухающаго аромата, ставъ чадомъ Святаго Духа. Поелику съ такимъ искусствомъ устроенъ онъ въ сосудъ избранный, то, ставъ фіаломъ для вліянія въ него вина словеснаго, уже не имѣлъ потребности въ человѣкѣ, который бы вліялъ въ него вѣдѣніе тайнъ. Посему-то *не приложился плоти и крови* (Гал. 1, 16.), но самъ производилъ въ себѣ и источалъ божественное питіе, благоуханіемъ Христовымъ изъ разнообразныхъ цвѣтовъ добродѣтелей уготовляя муро слушающимъ, такъ что по различію и особенностямъ приемиющихъ слово, сообразно съ потребностію ищущаго, обрѣтался у него аромать и для Іудеевъ и Еллиновъ, для женъ и мужей, для властелиновъ, и рабовъ, для родителей и дѣтей, для неимѣющихъ закона и живущихъ подъ закономъ. Подлинно многовидна была у него благодать ученія, растворенная всякою добродѣтелию; потому что фіалъ этотъ въ приемиющихъ слово уготовлялъ муро изъ многоразличныхъ ученій, сообразно съ потребностію каждаго. Таковыя-то ланиты хвалить невѣста, живописующая въ словѣ красоту тѣла Женихова! И что его красоту имѣетъ въ виду похвала ланить, о семъ свидѣтельствуется непосредственно слѣдующая за симъ рѣчь.

Ибо послѣ ланить похваляются уста, изъ которыхъ исходитъ ароматное слово. Похвала же выражается такъ: *устилъ Его кринны, каплю-*

щии смирну полну. О двухъ вмѣстѣ добродѣтеляхъ Слова свидѣтельствуемъ невѣста двоякимъ уподобленіемъ; одна изъ нихъ—истина, блестящею и свѣтовидною усматриваемая въ изрекаемомъ; ибо таковъ видъ крина, бѣлизна котораго загадочно означаетъ чистоту и истину возвѣщаемаго; другая же состоитъ въ томъ, что ученіемъ усть указывается одна духовная и невещественная жизнь, по умерщвленіи духовнымъ возрѣніемъ жизни дольней, въ которой дѣйствуетъ плоть и кровь. Ибо смирна, истекающая изъ усть, и наполняющая собою душу приѣмлющаго, ясно выражаетъ умерщвление тѣла. Подобное сему по словоупотребленію многократно наблюдается въ богодухновенныхъ Писаніяхъ, и слово: *смирна* означаетъ смерть. Посему совершенное и чистое око, дѣлающее ланиту фіаломъ, прозябающимъ и источающимъ изъ себя благовонія, дѣлаетъ и то, что крины словесные цвѣтутъ въ устахъ, украшенныхъ божественною бѣлизною. Такъ слово именуемъ чистыхъ и благоухающихъ добродѣтелию, отъ которыхъ капля смирины дѣлается безъ недостатка наполняющею мысль приѣмлющихъ. И это есть презрѣніе вещественной жизни, когда все желательное въ настоящей жизни становится недѣйствительнымъ и мертвымъ, по причинѣ вождельнія высшихъ благъ. Таковую смирну, смѣшанную съ чистымъ криномъ цѣломудрія, излилъ нѣкогда изъ усть

Павель въ слухъ святой дѣвы. А дѣва сія была Оекла, которая, прекрасно пріявъ въ себя душою истекающія капли, смерти передаетъ внѣшняго человѣка, угасивъ въ себѣ всякую плотскую мысль и похоть. По принятіи добраго ученія мертва у ней юность, мертва видимая красота, мертвы всѣ тѣлесныя чувства; живо же въ ней одно ученіе, по которому и ей умираеть цѣлый міръ, и дѣва умираеть міру. Такъ и у Корнилія нѣкогда великій Петръ, изглашая свѣтлыя крины слова, полными смиренны содѣлалъ души слушателей, которые, пріявъ немедленно слово, спогреблись Христу крещеніемъ, ставъ мертвыми для сей жизни. И кромѣ сихъ можно найти тысячи примѣровъ, какъ святыя, содѣлавшиесь устами общаго тѣла Церкви, и слушателей дѣлали полными смиренны, мертвящей страсти, процвѣтающая кринами слова, которыми великіе поборники вѣры во времена мученичества въ подвигахъ за благочестіе стали преизбыточествовать смиренною за доброе исповѣданіе. И нужно ли большимъ числомъ примѣровъ распространять о семъ рѣчь, когда изъ сказаннаго оказывается для нашего разумѣнія явнымъ, почему уста Церкви дѣлаются криною, почему съ крина каплетъ смирна, и почему таковою каплею наполняется душа приѣмлющихъ?

Но перейдемъ уже къ слѣдующему за симъ слову. Невѣста говоритъ: *руцѣ Его обточены*

златы, наполнены еарсиса. Что даръ ока, несопряженный съ служеніемъ рукъ, несовершенъ для тѣла Церкви, сіе ясно дознали мы отъ великаго Павла, который говоритъ: *не можетъ око рещи руцѣ: не требъ ми еси* (1 Кор. 12, 21.). Тогда наипаче видна дѣятельность очей, когда объ остротѣ зрѣнія очей свидѣтельствуя дѣла, рачительностію о прекрасномъ означая доброе руководство. Поелику, предложивъ похвалу рукамъ божественнаго тѣла, надлежитъ сказаннымъ руководствоваться въ томъ, чтобы образовать, какъ слѣдуетъ, тѣхъ, которые вмѣсто рукъ служатъ въ Церкви; то, предложивъ это божественное изреченіе, попытаемся, если дастъ Богъ, сколько можно, рассмотретьъ заключающуюся въ немъ мысль. *Руцѣ Ею*, говоритъ невѣста, *обточены златы, наполнены еарсиса.* Пока изъ сказаннаго явствуется эта только мысль: какими чертами похваляется видъ главы, тѣ же самыя служатъ къ похвалѣ и рукъ. Но главою разумѣемъ Христа, въ Которомъ *Богъ бѣ миръ примиряя Себѣ* (2 Кор. 5, 19.), по слову Павлову, и Который во плоти открылъ Себя силами и чудесами. Посему, если сама, разумѣемая нами, Глава наименована въ словѣ самымъ чистымъ златомъ, потому что далека отъ всякаго грѣха (сказано: *грѣха не сотвори, ни обрътесе леств во устѣхъ Ею* (1 Пет. 2, 22.)); а о рукахъ говоритъ невѣста, что онѣ зо-

лотыя; то явно, что подь симъ разумѣтся, а именно, что слово заповѣдуеть рукѣ чистоту въ полномъ значеніи сего слова, безгрѣшность, устраниеніе и недопущеніе до себя всякаго порока. Руку же разумѣемъ ту, конечно, которая распоряжается достояніемъ Церкви по требованію заповѣдей; для нея похвала уподобляться естеству главы въ чистотѣ и безгрѣшности. Рука же тогда дѣлается чистою, когда вырѣзываніемъ обсѣкается все, препятствующее красотѣ. Ибо, какъ обдѣлывающіе мраморъ въ видѣ какого нибудь животнаго посредствомъ рѣзбы обсѣкаютъ на камнѣ и обтачиваютъ то, по отнятій чего подобіе принимаетъ сходный съ образцемъ видъ: такъ и для красоты рукѣ тѣла Церкви надлежитъ многое обсѣчь обрѣзаніемъ помысловъ, чтобы рука сдѣлалась подлинно золотою и чистою. Конечно же всякому очевидно, что вредитъ красотѣ руки, небудучи отъ нея отнято, на примѣръ: челоуѣкоугодіе, славолюбіе, любостыжательность, вниманіе къ одному виѣшнему, вмѣненіе себѣ въ какую-то знаменитость того, что есть въ рукахъ, обращеніе собраннаго исполненіемъ заповѣдей въ забаву и собственное свое наслажденіе. Надобно все это, и подобное сему, отсѣкши орудіями помысловъ, оставить одно чистое и неподдѣльное золото произволенія, уподобляющееся пречистой главѣ. Но яснѣе будетъ для насъ сказанное, по

слову Апостола, который, наименовавъ Бога *вѣрнымъ* (1 Кор. 1, 9.), не иного чего желаетъ искать въ строителяхъ, а только, да окажется *вѣрнымъ*, написавъ буквально такъ: *а еже прочее ищется въ строителяхъ, да вѣренъ кто обращается* (1 Кор. 4, 2.). Посему вѣрный и благоразумный строитель, вмѣсто руки служащей Церкви, подражая въ жизни премудрому своему Владыкѣ, показываетъ, что рука тѣла подобно главѣ золотая. Не былъ такою рукою въ тѣлѣ Апостоловъ этотъ Иуда, жалкій и бѣдный, лучше же сказать, ненавистный и проклятый, которому ввѣрено было домостроительство бѣдныхъ; но онъ не отсѣкъ проказу любостыжательности и, будучи хранителемъ ковчежца отъ татей, сталъ татемъ себя самаго, собственными своими руками похищая то, что имѣлъ у себя въ рукахъ, обращая вниманіе не на заповѣдь, но на деньги, наслажденіе которыми содѣлалось для него какою-то (ж) добровольною удавкою, отчужденіемъ отъ жизни, конечною гибелью души, худымъ памятникомъ, сохраняющимся на все по немъ время. Посему обточенными и обрѣзанными надлежитъ быть рукамъ, чтобы, по отнятїи всего, что прирасло худаго, остальное было золото, соотвѣтствовало по виду красотѣ главы.

А реченіе: *варсисъ*, по употребленію въ Пи-

(ж) Переведено по рукописи

саніи, многозначительно, не всегда встрѣчается въ одномъ и томъ же смыслѣ; напротивъ того значеніе его нерѣдко берется въ осужденіе, и нерѣдко—въ признаніе божественности и убаженія. Когда Пророкъ Іона бѣжитъ отъ лица Божія, ищетъ *корабль, идущъ въ Фарсисъ* (Іон. 1, 3.). И великій Давидъ говоритъ, что корабли фарсійскіе сокрушаются духомъ бурнымъ (Пса. 47, 8.). А бурнымъ, думаю, называется Духъ, явившійся ученикамъ, собраннымъ въ горницѣ, который сперва познанъ по слуху, *яко носилу дыханію бурну*, а потомъ явился и очамъ, представившись въ образѣ языковъ, и уподобляясь озаряющему естеству огня (Дѣян. 2, 2. 3.), и которымъ сокрушается во многихъ видахъ вторгающійся въ естество человѣческое порокъ, у Пророка названный кораблями фарсійскими. Вотъ мѣста, въ которыхъ означается симъ именемъ худшее. Но великій Іезекіиль, описывая видѣніе бывшаго ему богоявленія, видъ одного изъ божественныхъ созерцаній выражаетъ словомъ, говоря слѣдующее: *видѣ его, яко видѣніе фарсиса* (Іезек. 1, 16.). Въ точности изслѣдовавшіе выразительность еврейскихъ реченій говорятъ, что реченіемъ: *фарсисъ* означается въ пророчествѣ нѣчто безцвѣтное, духовное и безплотное. Посему при двоякомъ значеніи (з) реченія, посліку явно, что озна-

---

(з) По рукописи: *δπλαγς*.

чаемое здѣсь симъ словомъ взято въ лучшемъ смыслѣ (укоризненнаго никто не принялъ бы въ похвалу), слѣдуетъ о похваляемыхъ рукахъ разумѣть слово сіе такъ, что, дочиста обточивъ на себѣ все излишнее и тѣлесное, переходятъ онѣ въ нѣчто божественное и духовное, отрясши всякое вещественное и тяжелое отношеніе къ житейскому. Такъ напримѣръ по разсказамъ гранильщики камней поступаютъ съ кускомъ изумруда; все темное и землистое стирая и уничтожая точильнымъ камнемъ, оставляютъ неуничтоженнымъ только то, въ чемъ есть чистый нѣкій зеленоватый и вмѣстѣ оливковый блескъ. Сіе-то, кажется мнѣ, яснѣе истолковывая, божественный Апостоль, въ одномъ изъ своихъ посланій, даетъ совѣтъ, что надлежитъ прерывать сношеніе съ видимымъ и устремляться пожеланіями къ невидимому: *не смотрящимъ на нѣ, говоритъ онъ, видимыхъ, но невидимыхъ: видима бо, временна: невидима же, вѣчна* (2 Кор. 4, 18.). Итакъ въ похвалѣ рукахъ примѣтили мы это, какъ, обточенные отъ пристрастія къ вещественному, дѣлаются онѣ чистыми, произволеніемъ измѣняемая въ нѣчто невещественное и духовное. Ибо *руцѣ Ею, говоритъ невѣста, обточены златы, наполнены ѳариса.*

Порядокъ же требуетъ разсмотрѣть и слѣдующую за симъ рѣчь, въ которой идетъ слово о чревѣ. Буквально сіе читается такъ:

чрево Ею сосудъ (*πυξίον*) слоновый на камени сапфировъ. Когда законодатель естества даетъ Моусею законъ, начертанный на каменныхъ доскахъ, доски сии, на которыхъ изображены были божественныя начертанія, наименовалъ скрижалями (*πυξία*) каменными. И Вѣщавшій о нихъ Моусею сказалъ такъ: *взыди ко Мнь на гору, и стани тамо: и дамъ ти скрижали каенныя, законъ и заповѣди* (Исх. 24, 12.). Но послѣ того, когда евангельскою ясностію стерто съ закона тѣлесное и землянистое, уже не каменная скрижаль прие-летъ на себя письмена, но нѣчто изъ блестящей только что выглаженной слоновой кости. Ибо приемящее заповѣди и законы, что наименовано *чревоиъ*, невѣста называетъ *сосудомъ слоновиыиъ на камени сапфировъ*. Сперва нужнымъ почитаю объяснить въ словѣ чувственный образецъ, а потомъ уже приступить къ обозрѣнію сказаннаго. Буксъ (*πύξις*), изъ котораго, кому нужно писать, выдѣлываютъ себѣ дощечки, есть дерево плотное и бѣловатое. Посему такая дощечка, приготовленная для начертанія на ней буквъ, хотя бы по случаю сдѣлана была и изъ другаго вещества, не въ точномъ употребленіи слова называется *πυξίον*. Итакъ, слыша слово *πυξίον*, разумѣемъ нѣкій гладкій снарядъ, годный для помѣщенія на немъ писменъ. Поелнку слово: *πυξίον* есть родовое имя такихъ дощечекъ: то здѣсь Пи-

саніе присовокупляетъ и видъ вещества, употребленнаго въ образцѣ, сказывая, что устройство снаряда не изъ дерева, а изъ слоновой кости. Слоновая же кость, какъ говорятъ, по великой плотности и твердости, весьма долго остается негниющею, и никакой порчи не терпитъ отъ времени. А сапфиръ лазоревымъ видомъ цвѣта доставляетъ отдохновеніе утомленнымъ глазамъ съ усиленнымъ вниманіемъ читавшихъ исписанныя скрижали, такъ какъ лучи такого цвѣта естественно успокоиваютъ собою зрѣніе. Посему таковъ образецъ, которому сравнительно уподобляется восхваляемое чрево Церкви. А я, слыша пророчество, отъ лица Божія повелѣвающее: *впиши видѣніе явъ на дскѣ* (Авв. 2, 2.), составляю себѣ понятіе о томъ, что въ похваляемомъ тѣлѣ Господа надлежитъ разумѣть подъ именемъ чрева. Ибо, если слово повелѣваетъ явственно написать на дскѣ божественное видѣніе: то, можетъ быть, именемъ чрева означаетъ чистоту сердца, въ которой памятью пишуемъ Божественныя видѣнія. Какъ Отверзшій уста великому Іезекилю и вложившій въ нихъ *свитокъ книжный* (Іезек. 2, 9.), полный писемъ съ обѣихъ сторонъ, и совнѣ и внутри, говоритъ ему: *уста твоя съидятъ, и чрево твое насытится* (3, 3.), нарекиши чревомъ мысленную силу души, въ которую вложены Божественныя уроки; такъ подобно сему и великій Іеремія, какъ знаемъ,

чревомъ именуеть сердце, мучимое печальными оними мыслями, почему говорить: *чрево мое болитъ мнѣ, и чувства сердца моего смущаются* (Іер. 4, 19.). Если же надобно представить изъ божественнаго Писанія что либо прямѣе ведущее насъ къ сему разумѣнію; то скажемъ, что и Господь изрекъ увѣровавшимъ, говоря, что рѣки воды живої текутъ изъ чрева увѣровавшихъ въ Него. Буквально же читается сіе такъ: *вырши въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. 7, 38.). Такъ все сказанное приводитъ насъ къ тому, чтобы подъ именемъ чрева разумѣть чистое сердце, которое дѣлается нѣкою скрижалію Божественнаго закона въ тѣхъ, иже, какъ говорить Апостолъ, *являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ* (Рим. 2, 15.), *не черниломъ, но Духомъ Бога жива*, причемъ таковыя писмена начертаны въ душѣ *не на скрижаляхъ каменныхъ, но, по слову Апостола, на чистой, гладкой и блестящей скрижали сердца* (2 Кор. 3, 3.). Ибо таковымъ надлежитъ быть владычественному въ душѣ, чтобы отпечатлѣвалось въ немъ ясное и неслитное памятованіе Божественныхъ словесъ, какъ бы раздѣльно начертанное явственными какими писменами. Прекрасно же въ похвалу чрева съ таковою скрижалію берется и сафиръ; потому что сіяніе сафира небеснаго вида. И такое гадательное указаніе слу-

жить совѣтомъ (и) для нашего сердца горняя мудрствовать и въ горняя устремляться, и тамъ успокоивать взоры, гдѣ отложено наше сокровище, чтобы не утомляться внимательностію къ Божественнымъ наставленіямъ; потому что небесная надежда даетъ успокоеніе зрительной силѣ душевныхъ очей.

Потомъ за похвалою чреву слѣдуетъ похвала лыстамъ. Невѣста говоритъ: *лыста Его столпи мраморовы, основани на степенехъ златыхъ.* Много столповъ въ домѣ премудрости, какой создала она себѣ. Многіе также столпы, украшенные разными веществами, подпирали скинію свидѣнія; верхи ихъ и стояла были золотые, а середина столповъ украшена серебряною обкладкою. О столпахъ же Церкви (и Церковь есть домъ, по слову Апостола: *како подобаетъ въ дому Божіи жити* (1 Тим. 3, 15.)) невѣста говоритъ, что они мраморные, утвержденные на золотыхъ стоялахъ. Посему, что невѣста въ описаніи красоты согласна съ премудрымъ Весеиломъ, подобно ему и верхъ и стояла украсивъ золотомъ, это явно всякому, кто занимался сказаннымъ о скиніи. Ибо какъ Весеиель, каждому столпу принаровивъ верхъ, ставитъ его на золотомъ стоялѣ: такъ здѣсь невѣста, чистымъ окомъ взирая на красоту Жениха, говоритъ, что глава Его чистое не-

---

(и) Такъ читается по рукописи.

порченное золото (сіе значитъ слово: Кефазъ), и о *лыстахъ* утверждаетъ, что основаны на золотыхъ стоялахъ. Какое же гадательное значеніе надлежитъ прилагать именованію: столпы, въ этомъ неудаимся отъ истиннаго понятія, научаемые святымъ Павломъ, который наименовалъ столпами преимуществовавшихъ въ числѣ Апостоловъ, Петра, Іакова и Іоанна. А поелику слѣдуетъ дознать и то, какъ можно содѣлаться столпомъ, чтобы и намъ стать достойными такого названія, то и сіе опять слышимъ отъ премудрости Павла, который говоритъ, что *столпъ* есть и *утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15.). Посему, хотя истина, служащая основаніемъ *лыстамъ*, и украшающая собою руки и главу, есть золото; однакоже не погрѣшитъ, кто *утвержденіе* ея превратитъ въ естество мрамора; такъ что смыслъ сказаннаго будетъ слѣдующій: *лыста тѣла столпи мраморовы*, то есть, свѣтлою жизнію и здоровымъ ученіемъ поддерживающіе и подпирающіе общее тѣло Церкви; чрезъ нихъ и стопы вѣры пріобрѣтають крѣпость, и совершается теченіе добродѣтели, и восторженіемъ Божественныхъ упованій все тѣло дѣлается превыспреннимъ. Успѣхъ въ этомъ достигается сими двумя — истиною и утвержденіемъ. Золото примѣняется къ истинѣ, которая, по слову Павла, служитъ и называется основаніемъ Божественнаго устройства. Ибо такъ онъ гово-

рить: *основанія много никтоже можетъ положить паче лежащаго, ежесть Исусъ Христосъ* (1 Кор. 3, 11.). А Христосъ есть истина, на которой утверждаются *лыта*, столпы Церкви. Подъ мраморомъ разумѣемъ свѣтлость жизни, непоколебимое и непреложное расположеніе къ добру.

Но какъ много было столповъ въ скииніи свидѣнія, многіе столпы поддерживали собою и домъ премудрости; нынѣ же достаточно двухъ, чтобы держать на себѣ все тѣло: то, можетъ быть, цѣль этой загадки надлежитъ возвести къ иному какому смыслу. Ибо, думаю, симъ подготавливается такая мысль: много разныхъ путеуказаній закона къ добродѣтели, много заповѣдей премудрости, клонящихся къ одной и той же цѣли; но сокращенное евангельское слово все совершенство жизни добродѣтельной сводить въ нѣчто удобоисчисляемое и немногосложное, по слову Господа, такъ изрекшаго: *въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ* (Мат. 22, 40.). Безъ сомнѣнія же равная потребна сила нести тяжесть, или повѣшенную, или наложенную; ибо въ обоихъ случаяхъ усматривается одно напряженіе силы у несущаго бремя тѣмъ и другимъ способомъ; потому что одинаково несетъ на себѣ, виситъ ли на немъ тяжесть, или ладонью подпираетъ несомое. Итакъ, поелику Господь говорить, что *въ сію обою заповѣдію весь за-*

конъ и пророцы висятъ, а неvěста говоритъ теперь, что тѣло несутъ на себѣ два столпа, утвержденные на золотыхъ стоялахъ: то хорошо будетъ съ обозрѣніемъ загадки о *мыстахъ* принять въ разсмотрѣніе двѣ оныя заповѣди, изъ которыхъ одну Господь именуеть первою, а другую — подобною первой, говоря, что любить Бога отъ всего сердца всею душою и силою, есть первая заповѣдь; а любить ближняго, какъ самаго себя, равносильная первой. Да и Павелъ, какъ бы въ иѣкій домъ къ принятію Бога уготовляя (i) великаго Тимоѳея, ставитъ въ немъ два сіи столпа, одному придавая имя вѣры, а другому — совѣсти (1 Тим. 1, 5.), вѣрою означая любовь къ Богу отъ всего сердца, всею душою и силою, а благою совѣстію — исполненное любви расположеніе къ ближнему. Можетъ быть, найденный теперь смыслъ не противорѣчитъ прежнему понятію; потому что тѣмъ и другимъ способомъ можно содѣлаться столпами, подобными Петру, Іакову и Іоанну, и если кто иной, подобно имъ, содѣлался или содѣлается достойнымъ такого имени. Ибо кто совершенъ въ сихъ двухъ заповѣдяхъ, тотъ устрояетъ себя, по слову Апостола, *въ столпъ и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15.); потому что сими двумя преспѣянiями цѣлое тѣло истины

(i) По рукописи: ἐν αὐτοῖς.

подпирается, какъ бы какими *лыстами*, и золотое основаніе стояла вѣры даетъ помысламъ неуклонность, неизмѣнность и твердость во всякомъ добрѣ.

Послѣ сихъ похвалъ, какъ бы въ сокращеніи представляя всю красоту Женихову, невѣста говоритъ: *видѣ Ею яко Ливанъ, избранъ яко кедрове. Гортань Ею сладость, и весь желаніе: сей братъ мой, и сей ближній мой, дщери іерусалимъ.* Симъ, думаю, яснѣе обозначаетъ невѣста, что похвала относится къ красотѣ Жениховой въ видимомъ; видимымъ же называю то, что Апостоль изъ отдѣльныхъ членовъ, составляющихъ собою Церковь, представляетъ въ видѣ тѣла. Одинъ видъ у Него, говоритъ невѣста, — тьмы кедровъ, которыми повсюду покрытъ Ливанъ, давая знать сказаннымъ, что ничто низкое и пресмыкающееся по землѣ не служить къ благообразію тѣла, если не возвысится, подобно кедру, и не поспѣшитъ достигнуть вершины. Лучше же выразумѣемъ сперва сравниваемое въ словахъ сихъ. *Видѣ Ею*, говоритъ, *яко Ливанъ избранъ.* Избраніе же всякой вещи бываетъ въ слѣдствіе сравненія съ противоположнымъ. Посему, такъ какъ доброе одноименно, дѣйствительно ли оно таково, или и нетаково, но признается таковымъ по обольщенію, и представляется тѣмъ, чѣмъ оно не есть: то непогрѣшающій въ сужденіи о хорошемъ избранное дѣйствительное добро

предпочитаетъ (к) обманчивому. Поелику здѣсь видъ Жениха невѣста уподобила избранному Ливану; то въ слѣдствіе сего предполагается словомъ, что должно разумѣть два Ливана, — одинъ лукавый и отверженный, по пророчеству, сокрушаемый, подобно тельцу, вмѣстѣ съ кедрами ливанскими (Иса. 28, 5. 6.), а другой избранный и досточестный, котораго красота боголѣпна и богоподобна. Разумѣемое же въ сказанномъ таково: въ смыслѣ собственномъ, истинномъ и первоначальномъ одинъ есть Царь, Царь всякаго созданія; однакоже и міродержитель тмы величаетъ себя царскимъ именемъ. Легіоны ангеловъ у истиннаго Царя, и легіоны демоновъ у князя власти темныя. Начала, власти и силы у Царя царствующихъ и Господа господствующихъ; но и тотъ, по слову Апостола, имѣетъ у себя начала и власти и силы, которыя будутъ приведены въ бездѣйствіе, когда зло обратится въ ничто, какъ бы несуществующее; *егда*, сказано у Апостола, *испразднитъ всяко начальство и власть и силу* (1 Кор. 15, 24.). *На престолъ висоуцъ и превознесеннѣ* видитъ Пророкъ *сѣдяща* Царя славы (Иса. 6, 1.); и тотъ возвѣщаетъ, что выше звѣздъ поставитъ престолъ свой, и будетъ *подобенъ* Вышнему (Иса. 14, 13.). Сосуды избранные *въ велицѣлнѣ долу* Своемъ имѣеть

(к) Переведено по рукописи.

Владыка вселенной; и у того есть *сосуды гнѣва, совершены въ погубель* (Рим. 9, 22.). Еще жизнь и миръ чрезъ ангеловъ подаютъ достойнымъ Владыка ангеловъ; и тотъ *ярость и скорбь и гнѣвъ посылаетъ ангелы мотыли* (Пса. 77, 49.). И нужно ли подробно говорить о всемъ, чѣмъ противникъ превозносится предъ Естествомъ добра?

Итакъ, поелику гора Ливанъ, повсюду заросшая и покрытая высокими кедрами, — для чувствъ замѣчательное зрѣлище; то по сему самому гора сія очевидными примѣрами дѣлится въ Писаніи по противоположнымъ понятіямъ, будучи взята для особой цѣли въ томъ или другомъ значеніи. Такъ у однихъ и тѣхъ же пророковъ можно видѣть одно и тоже имя съ разными значеніями употребляемымъ въ похвалу и въ оужденіе. *Господь то сокрушаетъ кедры ливанскіе*, и весь Ливанъ съ кедрами на немъ *истниваетъ* (Пса. 28, 5. 6.), подобно слитому въ пустынѣ тельцу (и симъ пророчество научаетъ, что самый порокъ и всякая поражаемая имъ высота, превозносящаяся надъ боговѣдніемъ, обратится въ ничто); то приеѣмлетъ слово сіе въ лучшемъ его значеніи, говоря: *праведникъ яко финиксъ процвѣтетъ, яко кедръ, иже въ Ливанъ, умножится* (Пса. 91, 13.). Ибо истинно праведный (а праведный есть Господь), насъ ради происшедшій отъ земли, сей высоковѣтвистый *финиксъ*, возросшій въ

лѣсу естества нашего, дѣлается горою, на которой *умножаются* кедръ, укореняющіеся на ней вѣрою; они-то, какъ скоро *насаждены* будутъ *въ долу* Божіемъ, *процвѣтутъ во дворьхъ Бога нашего* (14). Подъ домомъ же, въ которомъ происходитъ насажденіе кедровъ Божіихъ, по руководству Апостола, уразумѣли мы Церковь; а подъ дворами—вѣчныя скиини, въ которыхъ будетъ цвѣтеніе, а въ надлежащія времена и явленіе, благихъ надеждъ. Итакъ, поелику тѣло Христово составляется изъ отдѣльныхъ членовъ, и многіе члены дѣлаются единымъ тѣломъ, какъ говоритъ Апостоль (1 Кор. 12, 12.); то по сему самому всецѣлую красоту Жениха наименовала невѣста *избраннымъ Ливаномъ*, опредѣляя симъ разность Ливана избраннаго съ отверженнымъ. Этотъ Ливанъ, по слову Исаи, падеть вмѣстѣ съ высотами, когда *цвѣтъ отъ корене Иессеова взыдетъ*, и произрастетъ жезль власти (Иса. 11, 1.), который естество льва, рыси и аспидовъ превратитъ въ ручное и кроткое, такъ что *съ тельцемъ левъ вкупѣ пасется* будутъ, и *съ козлищемъ рысь почитъ* (6.), а управлять ими станетъ то *отроча* мало, которое *родися на нѣ* (Иса. 9, 6.), котораго рука бываетъ въ пещерѣ аспидовъ, прикасается къ исчадіямъ аспидскимъ, и въ бездѣйствіе приводитъ ядъ ихъ. Когда совершится это, говоритъ Пророкъ, *Ливанъ съ высокими падетъ* (Иса. 10, 34.). На чтó указываетъ пророчество сими

загадочными выраженіями, излишне было бы излагать въ точности, такъ какъ для всякаго это явно. Ибо кто незнаетъ родившееся намъ Отроча, касающееся рукою аспидовъ, власть Котораго губительныхъ звѣрей дѣлаетъ приходящими въ забвеніе о природной своей лютости, способными жить вмѣстѣ съ животными кроткими. И такъ, поелику чрезъ это падаетъ Ливанъ,—эта злоба, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и начало зла,—эти возношенія на истину; то и невѣста красоту Господа уподобляетъ Ливану избранному, выражая сіе словами такъ: *видѣ Ею яко Ливанъ избранъ, яко кедрове.*

Но невѣста присовокупляетъ сообразную похвалу и гортани, именуя ея сладостію и желаніемъ. Буквально же читается это такъ: *гортань Ею сладость, и весь желаніе.* А наше о семъ разумѣніе таково: часть, лежащую ниже подбородка, обыкновенно называемъ гортанью. Въ ней, говорятъ, зараждается звукъ, приводимый въ движеніе прираженіемъ воздуха изъ дыхательной жилы. Поелику прекрасныя слова суть сотъ медовый, а орудіе слова есть голосъ, зарожденіе котораго въ гортани; то не погрѣшитъ, можетъ быть, кто разумѣетъ такъ, что симъ именемъ означаются тѣ служители и истолкователи слова, въ которыхъ глаголетъ Христосъ. Ибо и великій Іоаннъ на вопросъ: кто онъ? назвалъ себя *масла* (Іоан. 1, 23.), потому что былъ предтечею Слова. И блажен-

ный Павелъ представилъ опытъ *милующаго* въ немъ Христа (2 Кор. 13, 3.); у Него заимствовавъ себѣ гласъ, былъ сладостію, когда говорилъ Имъ. И всѣ пророки, орудія своего голоса предоставивъ Духу, издававшему ими звуки, содѣлались *сладостію*, изъ своей гортани источая Божественный медъ, которымъ и цари и простолюдины пользуются во здравіе; и наслажденіе имъ не пресѣкаетъ пожеланія сытостію, но приобщеніемъ вожделѣваемаго еще болѣе питаетъ желаніе. Посему-то невѣста всего Его и называетъ желаніемъ, симъ словомъ, какъ бы опредѣленіемъ какимъ, описывая красоту Искомаго: *весь Онъ желаніе*, говоритъ она. Какъ блаженны тѣ члены, ради которыхъ цѣлое дѣлается *желаніемъ*, по причинѣ совершенства во всякомъ добрѣ, и которые производятъ своею совокупностію слянную достолюбезную красоту, такъ что цѣлое вожделѣнно не по очамъ только, и рукамъ, или кудрямъ, но и по ногамъ, и рукамъ, и лыстамъ, а подобно и по гортани, и ни одинъ изъ членовъ не уступаетъ другимъ въ избыткѣ красоты.

Сей, говоритъ невѣста, *братъ мой, и сей*, продолжаетъ она, *ближній мой, дочери іерусалимъ*. Въ словесномъ этомъ изображеніи представивъ взорамъ ихъ всѣ признаки, по которымъ возможно было открытіе искомаго, наконецъ выражается указательно, говоря: вотъ

искомый. Тотъ, Который, содѣлавшись братомъ, возсіялъ намъ отъ Іуды, сталъ ближнимъ *впадшему въ разбойники*, исцѣлилъ раны елеемъ, виномъ и обвязаніями, всадилъ на своего скота, успокоилъ въ гостинницѣ, далъ два динарія. заботясь объ его жизни, и общалъ при возвращеніи отдать, что́ будетъ прибавлено на это заповѣданное дѣло (Лук. 10, 30. 34. 35.). Безъ сомнѣнія же явно, къ чему клонится каждое изъ сихъ дѣйствій. Ибо законнику, которому хотѣлось показать, что онъ выше другихъ, и который по гордости пренебрегалъ имѣть равную съ другими честь, когда искушалъ онъ Господа вопросомъ: *и кто есть ближній мой* (Лук. 10, 29.)? тогда въ видѣ разсказа Слово изложило все человѣколюбивое домостроительство, представляя нисхождение чловѣка съ горней страны, козни разбойниковъ, совлеченіе нетлѣнной ризы, грѣховныя язвы, возобладаніе смерти надъ половиною естества, потому что безсмертною остается только душа; и бесполезное прохожденіе закона, такъ какъ ни священникъ, ни левитъ не уврачевали ранъ внаднаго въ разбойники; *невозможно бо крови юнчей и козлей отпущати грѣхи* (Евр. 10, 4.). А Кто возложилъ на Себя все чловѣческое естество въ началкѣ смѣшенія, въ которомъ была часть cadaго народа, Іудея, и Самарянина, и Еллина, и рѣшительно всѣхъ людей, Тотъ съ тѣломъ, то есть

съ подъяремникомъ, пришедши (л) на мѣсто
 человѣческаго злостраданія, уврачевалъ язвы,
 упокоилъ, всадивъ его на свой скоть, и гостинницу
 содѣлалъ для него мѣстомъ человѣколюбиваго
 смотрѣнія, гдѣ упокоиваются всѣ
 труждающіеся и обремененные. А кто въ
 Немъ, тотъ, безъ сомнѣнія, принимаетъ въ
 себя Того, въ Комъ пребываетъ; ибо такъ
 изрекло Слово: *во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ
 немъ* (Іоан. 6, 56.). Посему пріявшій Его въ
 собственномъ своемъ помѣщеніи дастъ въ себѣ
 пристанище Невмѣстному, пріемлетъ отъ
 Него два сребряника, изъ которыхъ одинъ—
 любовь къ Богу отъ всего сердца, а другій—
 любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ,
 какъ отвѣчалъ и законникъ. И какъ *не слы-
 шателіе закона праведни предъ Богомъ, но твор-
 цы закона оправдятся* (Римл. 2, 13.): то не
 принять только надлежитъ сіи два сребряника,
 разумію вѣру въ Бога и добрую совѣсть къ
 единоплеменникамъ, но должно и самому при-
 внести нѣчто дѣлами къ исполненію сихъ за-
 повѣдей. Потому Господь и говоритъ гостин-
 нику, что все, сдѣланное имъ въ услугу зло-
 страждущему, во второе Свое пришествіе
 приметъ по достоинству раченія. Итакъ, Кто
 по такому человѣколюбію сталъ нашимъ

(л) По рукописи *επισήμη*.

ближнимъ, какъ возсіявшій намъ отъ Іуды, содѣлался братомъ.—Того отроковицамъ указываетъ слово невѣсты, Того чистая невѣста объявляетъ дочерямъ іерусалимскимъ, когда говоритъ: *сей братъ мой, и сей ближній мой, дочери іерусалимъ.*

По симъ объявленнымъ признакамъ да найдемъ и да примемъ Его и мы ко спасенію душъ нашихъ, по руководству Святаго Духа. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

В Е С Т Ъ Д А 15.

(5, 17.). *Камо отъиде братъ твой, добрая въ женахъ? Камо уклонися братъ твой? И възыщелъ Ею съ тобою. (6, 1.) Братъ мой сииде въ вертоградъ свой, въ фіалы ароматъ, паствити въ вертоградъхъ, и собирати кринь. (2) Азъ брату моему, и братъ мой мнѣ, пасый въ криньхъ. (3) Добра еси ближняя моя, яко благоволеніе, красна яко іерусалимъ, ужасъ яко воинства вчиненны. (4) Отврати очи твои отъ мене, яко тиі воскрилиша мя. Власи твои, яко стада козъ, яже въздоша отъ Галаада. (5) Зубы твои, яко стада остриженыхъ, яже въздоша отъ купльи, вси близнята родящіи, и безчадныя нѣсть въ нихъ: яко вервь червлена устни твои, и бесьда твоя красна: (6) Яко оброщеніе шипка ланиты твоя, кроль замолчанія твоего. (7) Шесть-*

десять суть царицъ, и осьмдесятъ наложницъ, и юнотъ, илже нсть числа. (8) Едина есть голубица моя, совершенная моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю.

Объ Апостолѣ Филиппѣ засвидѣтельствовано, что онъ былъ изъ города Андреева и Петрова. Ибо, кажется мнѣ, въ похвалу Филиппу служить то, что былъ онъ согражданиномъ братьевъ, которые повѣствуемымъ о нихъ въ евангеліи первые возбудили удивленіе. Ибо Андрей, по указаніи Крестителемъ, кто есть Агнецъ, вземлющій грѣхъ міра, и самъ разумѣлъ таинство, послѣдовавъ по стопамъ указаннаго, и дознавъ, гдѣ Онъ пребывалъ, и брату своему благовѣствуетъ, что пришелъ предъуказанный пророчествомъ. А братъ, едва не предваривъ слухъ вѣрою, всею душою предается сему Агнцу, и съ измѣненіемъ имени претворяется Господомъ въ нѣчто божественнѣйшее, вмѣсто Симона наименованъ и содѣланъ Петромъ. Аврааму и Саррѣ по прошествіи многихъ лѣтъ, послѣ многихъ богоявленій, преподаетъ Господь благословеніе въ именахъ, претвореніемъ имени Авраама поставивъ отцемъ, а Сарру—начальницею. Также и Іаковъ послѣ всенощной борьбы удостоивается проименованія Израилемъ и силы. А великій Петръ, не постепенно возрастая, достигъ сей благодати, но вмѣстѣ и услышалъ брата, и повѣрилъ Агнцу, и усовершился вѣрою, и, прицѣ-

пившись къ камню, сталъ Петромъ. И такъ сей Филиппъ, достойный согражданинъ столькихъ и столь великихъ Апостоловъ, когда, ставъ обрѣтеніемъ Господнимъ, какъ говоритъ евангеліе: *обрѣте Иисусъ Филиппа, содѣлаея (м) послѣдователемъ Слова, изрекшаго: гряди по Мнѣ* (Іоан. 1, 43.): тогда, приблизившись къ истинному свѣту, подобно свѣтильнику, привлекъ отъ Него и себѣ общеніе свѣта, и озаряетъ Наѳанаила, возгнѣтя предъ нимъ тайну благочестія сказаннымъ: *Его же писа Моисей, и пророцы, обрѣтохомъ Иисуса, иже отъ Назарета Галилейскаго* (45). Наѳанаилъ же разумно принялъ сіе благовѣстіе, потому что онъ во всей точности наученъ былъ пророчествомъ тайнѣ о Господѣ, и зналъ, что первое богоявленіе во плоти будетъ изъ Виѳлеема, и что, по мѣсту жительства у назареевъ, Господь наречется Назореемъ. А посему обращаетъ вниманіе на то и другое, и рассуждаетъ, что въ Виѳлеемѣ Давидовомъ, по домостроительству рожденія во плоти, необходимо должно было совершиться тайнѣ вертепа, пеленъ и яслей, а Галилея (мѣсто жительства язычниковъ) получить нѣкогда сіе наименованіе отъ добровольнаго пребыванія Слова у язычниковъ. Поэтому и соглашается съ показавшимъ ему

(м) Такъ читается по рукописи.

свѣтъ вѣдѣнія, и говоритъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (Іоан. 1, 46.)? Тогда Филиппъ дѣлается путеводителемъ къ благодати, говоря: *приди и виждь*. Въ слѣдствіе сего Наѳанаиль, оставивъ смоковницу закона, тѣнь которой препятствовала причастию свѣта, приѣмлетъ Того, Кто за безплодіе добра изсушаетъ листья смоковницы. Почему и свидѣтельствуешь о немъ Слово, что онъ искренній, а не притворный Израильянинъ, нелъстивымъ произволеніемъ показывающій въ себѣ чистыя черты патріарха. Ибо говоритъ Господь: *се воистинну Израильянинъ, въ немже льсти нльсть* (47.).

А что касается до того, къ чему клонится сіе повѣствованіе въ началѣ бесѣды, сіе, безъ сомнѣнія, для слушателей болѣе понятливыхъ явно изъ предложеннаго намъ по порядку чтенія изъ Пѣсни пѣсней. Какъ Андрей гласомъ Іоанна путеводится къ Агвцу, а Наѳанаиль, просвѣщаемый Филиппомъ, исшедши изъ объѣмлющей его тѣни закона, вступаетъ въ свѣтъ истинный; такъ и отроковицы къ приобрѣтенію указаннаго имъ блага употребляютъ въ руководство душу совершенную по красотѣ, говоря ей: *камо отъиде братъ твой, добрая въ женахъ? Камо уклонися братъ твой? И взыцелъ Ело съ тобою*. Не безъ основанія же душидѣвы предлагаютъ вопросъ наставницѣ. Ибо сперва вели онѣ рѣчь о томъ, что такое братъ

невѣсты, въ вопросѣ, предшествующемъ сему изреченію, говоря: *что́ братъ твой, добрая въ женахъ?* И наученные тому сказанными признаками, а именно, что Онъ *былъ и чермень*, и имѣеть прочія черты, какими невѣста изображаетъ видъ Желаннаго, спрашиваютъ о мѣсто-пребываніи. Посему говорятъ: *како отъиде братъ твой, или како уклонися?* Чтобы, безъ сомнѣнія, дознавъ, гдѣ Онъ, поклониться на мѣстѣ, гдѣ стояли ноги Его, и извѣстясь, куда уклонился, самимъ стать въ такомъ положеніи, въ которомъ была бы видима ими слава Его, чье явленіе дѣлается спасеніемъ для взирающихъ, какъ говоритъ Пророкъ: *просвѣти лице Твое, и спасеся* (Иса. 79, 4.).

И наставница, подобно Филиппу, сказавшему: *прииди и виждь*, ведетъ всѣхъ уловить. Искомага, и вмѣсто того, чтобы сказать: *виждь*, указываетъ мѣсто, гдѣ Искомый, и куда готовъ идти; ибо говоритъ: *братъ мой сииде въ вертоградъ Свой, въ листь ароматъ*. Въ сихъ словахъ Писаніемъ означается только мѣсто, гдѣ Женихъ. А съ сихъ словъ наставница показываетъ въ рѣчи своей, что имѣеть Онъ въ виду, и куда устремляетъ взоръ, говоря: *паствити въ вертоградѣхъ, и собирати кринь*. Вотъ чувственное (и) путеуказаніе Слова отро-

---

(и) Въ рукописи вмѣсто: *σηματικῆ* читается: *σωματικῆ*.

ковицамъ, по которому дознають, гдѣ Женихъ, и куда устремляетъ взоръ. Безъ сомнѣнія же, при помощи духовнаго обозрѣнія, надлежитъ познать, что полезнаго въ этомъ богодухновенномъ Писаніи.

Посему, когда услышимъ, что *братъ спиде въ вертоградъ свой*, дознаемъ изъ сказаннаго евангельское таинство, потому что каждое именованіе уясняетъ намъ таинственное сіе ученіе. Во плоти явившійся Богъ, потому что возсіялъ отъ Іуды, озарилъ же язычниковъ, сѣдящихъ во тмѣ и сѣни смертной, прекрасно и прилично приѣмлетъ имя брата отъ уневѣщенной Ему въ вѣчное сочетаніе сестры народа іудейскаго. Слово же: *спиде* даетъ разумѣть, что снисшелъ ради нисходившаго изъ Іерусалима въ Іерихонъ и внаднаго въ разбойники; потому и Самъ нисходитъ путемъ нисхожденія ставшаго добычею враговъ, а симъ означаетъ отъ неизреченнаго величія до смиренія естества нашего совершившееся нисхожденіе. А изъ загадочнаго значенія слова: *вертоградъ* дознаемъ то, что истинный Дѣлатель дѣланіе Свое — насъ человѣковъ насаждаетъ вновь; ибо мы, по слову Павлову, *Елотяжаніе* (1 Кор. 3, 6.). Итакъ, поелику Онъ и въ началѣ въ раю воздѣлалъ естество человѣческое, которое насадилъ Отецъ небесный; то, когда *удиненный дивій пояде* вертоградъ нашъ, и *озоба* Божественную ниву (Иса. 79,

14.), снизшелъ Онъ пустыню снова сдѣлать вертоградомъ, украшающимся насажденіемъ добродѣтелей, при тщательномъ уходѣ за таковыми растеніями открывъ въ словѣ свободное теченіе чистому и божественному источнику ученія. А *мѣста (о) ароматъ* въ описаніи красоты взяты въ похвалу ланитамъ, при содѣйствіи которыхъ раздробляется духовная пища въ питающихся; слово же показываетъ, что здѣсь мѣстопробываніе жениха, такъ какъ дознаемъ, что женихъ водворяется, не въ запустѣвшей добродѣтелями душѣ, но развѣ въ томъ, кто, по изложенному выше ученію, содѣлается фіаломъ аромата, источающимъ благовонныя масти; таковой, ставъ чашею премудрости, приѣмлетъ въ себя божественное и чистое вино, отъ котораго въ пріятномъ бываетъ веселіе. А слѣдующее за симъ слово научаетъ насъ, на какихъ пажитяхъ тучнѣютъ стада добраго пастыря. Ибо не въ пустынные какія либо и терніемъ поросшія мѣста выгоняетъ овецъ, щипать тамъ травянистую зелень, но предлагаются имъ въ пищу ароматы изъ вертоградовъ, а вмѣсто травы служитъ кринь, который, говоритъ невѣста, собирается пастыремъ въ кормъ овцамъ. Сіе-то любомудрое ученіе предлагаетъ намъ въ этомъ слово, а

(о) Точнѣе: фіалы аромать.

именно, что объемлющее собою существа естество и могущество, все содержа въ себѣ, мѣстомъ для себя и вмѣстилищемъ дѣлаетъ чистоту приѣмлющихъ, въ которыхъ разнообразно воздѣлываемый добродѣтелями вертоградъ украшается цвѣтами криновъ, и орошаетъ плодоносіемъ ароматовъ. Ибо крины загадочно означаютъ ясность и чистоту разумѣнія, а благоуханіе ароматовъ—отвращеніе отъ всякаго грѣховнаго зловонія. Такъ подобнымъ сему, по словамъ невѣсты, занимается приставникъ словеснаго стада, пася въ вертоградахъ, и для корма овцамъ срывающая и собирающая крины, какіе и предлагаетъ овцамъ чрезъ великаго Павла, который изъ божественнаго хранилища выдаетъ намъ эту изъ криновъ пищу, то есть, *елика истинна, елика честна, елика праведна, елика прелюбезна, елика пречиста, елика добροхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала* (Фил. 4, 8.). Вотъ, по моему разсужденію, тѣ крины, которыми питается стадо у добраго пастыря и учителя.

Слѣдующее за симъ слово, которое произносить чистая и нескверная невѣста, говоря: *азъ брату моему, и братъ мой мнѣ*, есть правило и опредѣленіе совершенства въ добродѣтели. Ибо дознаемъ изъ сего, что душѣ, достигшей чистоты, должно не имѣть въ себѣ ничего, кромѣ Бога, и ни на что иное не обращать вниманія; но только быть чистою отъ

всякаго вещественнаго дѣла и понятія, чтобы, всей и всецѣло претворившись въ мысленное и невещественное, содѣлать себя самымъ явственнымъ изображеніемъ красоты первообраза. И какъ тотъ, кто видитъ на картинѣ списокъ, точно снятый съ подлинника (п), утверждаетъ, что одинъ образъ и въ списокѣ и въ подлинникѣ, говоря, что въ изображеніи сохранена красота подлинника, и онъ явственно видѣнъ въ подражаніи; подобно сему говорящая: *азъ брату моему, и братъ мой мнѣ*, утверждаетъ о себѣ, что она сообразна стала Христу, воспріявъ собственную свою красоту, первобытное блаженство естества нашего, украсившись по образу и подобію первой истинной и единственной красоты. И что, напимѣръ, бываетъ съ зеркаломъ; когда оно устроено искусно и сообразно съ потребностію, тогда на чистой своей поверхности въ точности показываетъ черты видимаго въ немъ лица: тоже произошло и съ душою; уготовавъ себя сообразно съ потребностію, и отринувъ отъ себя всякую вещественную скверну, отразила она въ себѣ чистый образъ ничѣмъ неповрежденной красоты. Посему слѣдующую рѣчь произноситъ это произволеніемъ одаренное и одушевленное

(п) Переведено по рукописи.

зеркало: «поелику въ цѣлой окружности вижу лице брата, то поэтому всецѣло видна во мнѣ красота Его образа». Симъ именно словамъ подражаетъ Павелъ, говоря, что живетъ онъ Богу, ставъ мертвымъ для міра, и что въ немъ живетъ одинъ Христосъ. Ибо, сказавъ: *миль еже жити, Христосъ* (Фил. 1, 21.), громоглавно чрезъ это взываетъ: не живетъ во мнѣ ни одна изъ человѣческихъ и вещественныхъ страстей, ни сластолюбіе, ни скорбь, ни раздражительность, ни страхъ, ни робость, ни смятеніе, ни кичливость, ни дерзость, ни злопамятство, ни зависть, ни какое либо мстительное расположеніе, ни любостыжательность, ни другое что либо оскверняющее душу какою либо связію. Но во мнѣ живетъ Тотъ одинъ, въ Комъ нѣтъ ничего изъ перечисленнаго. Ибо, отрясши все, усматриваемое внѣ онаго естества, не имѣю въ себѣ ничего такого, чего нѣтъ въ Немъ. Поэтому *миль еже жити, Христосъ*, или, какъ говоритъ неврѣста: *изъ брату моему, и братъ мой миль*. Онъ — освященіе, чистота, нетлѣніе, свѣтъ, истина, и все сему подобное, что доставляетъ пажить душѣ моей не на какихъ либо луговыхъ травахъ, или между кустарниками, но во свѣтлостяхъ святыхъ; потому что естество криновъ, бѣлизною своей доброцвѣтности, наводитъ насъ на эту мысль. Итакъ *пасый въ криньхъ* для того и ведетъ стадо свое на луга криновъ,

чтобы на насъ была свѣтлость Господа Бога нашего (Иса. 89, 17.). Ибо съ родомъ пищи сообразуется, конечно, и питаемое. Скажу для примѣра; предположимъ, что будетъ пустой сосудъ, изъ стекла сдѣланный; въ немъ насквозь видно все влагаемое, что такое ни было бы положено, черное ли что, или нѣчто болѣе чистое и свѣтлое (р). Посему вложившій въ души бѣлизну криновъ посредствомъ ихъ бѣлыми дѣлаеть и самыя души, потому что вложенное видно насквозь совнѣ. Но чтобы до большей ясности довести намъ мысль сію, скажемъ, что душа питается добродѣтелями, а добродѣтели загадочно названы кринами. Кто при добромъ поведеніи наполненъ ими, тотъ дѣлаеть себя явнымъ по жизни, показывая въ нравахъ видъ каждой добродѣтели. Пусть будетъ въ тебѣ чистымъ криномъ цѣломудріе, справедливость, мужество, благоразуміе, и вся, елика, по слову Апостола, истинна, елика честна, елика прелюбезна, елика праведна, елика пречиста, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала. Ибо все это, находясь въ душѣ, обнаруживаетъ себя чистою жизнію, и обладающаго симъ украшая, и само украшаясь пріавшимъ это.

Итакъ въ непосредственно слѣдующемъ за

(р) Переводъ сдѣланъ по рукописи.

сказаннымъ доселѣ выслушаемъ, чего сподобляется возлюбившая упованіе на брата, и красоту возлюбленнаго пріявша вѣ въ собственный свой образъ, отъ прославляющаго прославляющихъ Его (с). Ибо Слово говоритъ невѣстѣ: *добра еси ближняя моя, яко благоволеніе, красна яко Іерусалимъ, ужасъ яко вчиненны.* Что небеснымъ воинствомъ во услышаніе пастырей возсылается *слава въ вышнихъ Богу* за благоволеніе *въ чловѣцѣхъ*, когда увидѣли рожденный на земли миръ (Лук. 2, 14.), и что Владыка всей твари именуеть Іерусалимъ градомъ *великаго Царя* (Матѳ. 5, 35.), это извѣстно всякому читавшему евангельскія книги, а поэтому не можетъ онъ не знать, о какой красотѣ невѣсты свидѣтельствуеть Слово сравненіемъ ея съ Іерусалимомъ и благоволеніемъ. Ибо, какъ явно, Слово показываетъ симъ, что душа въ благоуспѣшномъ восхожденіи значительно возвысилась, и простирается уже до чудесъ Владычнихъ. Ибо, если въ вышнихъ Богъ, сый въ лонѣ Отчи, по *благоволенію въ чловѣцѣхъ*, вступаетъ въ общеніе съ плотію и кровію, чтобы произошелъ на землѣ миръ; то явно, что, сему благоволенію уподобившая красоту свою, съ преспѣваніемъ подражаетъ Христу, тѣмъ ставъ для другихъ, чѣмъ содѣ-

---

(с) Дополнено по рукописи.

лался Христось для естества человѣческаго, какъ поступилъ подражатель Христовъ Павелъ, отлучая себя отъ жизни, чтобы собственнымъ своимъ страданіемъ искупить спасеніе Израилю, говоря: *пожелалъ быхъ самъ изъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницъхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 3.). Къ сему справедливо примѣняется сказанное невѣстѣ: *такова красота души твоей, каково было благоволеніе къ намъ Владыки, Который Себе истощилъ зракъ раба приимъ* (Фил. 2, 7.), отдалъ себя въ искупительную цѣну за жизнь міра, *насъ ради обнища богатъ сый, да мы смертію Его будемъ живы, и нищетою обогатимся* (2 Кор. 8, 9.), и въ рабѣемъ зракѣ Его воцаримся. А величіе невѣсты и красота Іерусалима равно указуютъ на *вышній іерусалимъ, свободный, и матеръ свободныхъ* (Гал. 4, 20.), который, какъ дознали мы изъ словъ Владычнихъ, есть *градъ великаго царя*. Ибо вмѣстившая въ себѣ Невмѣстимаго, такъ что въ ней и живетъ и ходитъ Богъ, украсившись красотою живущаго въ ней, дѣлается Іерусалимомъ небеснымъ, пріявъ на себя красоту его. Красота же и убранство царскаго города, безъ сомнѣнія, есть красота самаго царя. Ибо, по слову псалмопѣнія, *убранствомъ и красотою служитъ тотъ, кому говоритъ пророчество: красотою твоею и добротою твоею: и наляцы и успывай, и царствуй истины ради и кротости и правды*

(Пса. 44, 5.); ибо ими, то есть истинною, правдою и кротостію отличается Божество. Посему по такимъ красотамъ образовавшая себя душа дѣлается изукрашенною, какъ Іерусалимъ, красующійся царскимъ убранствомъ. Но въ этомъ очевидно заключается похвала красотѣ невѣсты, выраженная сравненіемъ съ благоволеніемъ и Іерусалимомъ.

Не сомнѣваемся также, что и продолженіе рѣчи служить въ похвалу же невѣстѣ. Но въ какомъ смыслѣ таковою похвалою величается удостоившаяся сей доброй о себѣ славы, сего невозможно дознать съ перваго взгляда. Ибо читается сіе такъ: *ужасъ яко силы вчиненны*. Иный, слѣдуя разсмотрѣнному прежде, скажетъ, можетъ быть, что сравненіемъ съ премірнымъ естествомъ въ словѣ возвеличивается похвалами невѣста. Ибо тамъ *вчиненныя силы*, гдѣ власти, которыя всегда господствуютъ, господства, которыя всѣмъ обладаютъ, престолы, которые неколеблемо возвышаются, начала, которыя пребываютъ нерабственными, силы, которыя неумолчно благословляютъ Бога, гдѣ пареніе Серафимовъ не останавливается и стояніе не преходитъ, гдѣ Херувимы непрестаютъ придержаться высокому и превознесенному престолу, гдѣ не прекращаютъ служенія слуги, дѣлающіе дѣло и слушающіе слово (Пса. 102, 20. 21.). Итакъ, поелику власти сіи установлены отъ Бога, и чинъ разум-

ныхъ и премірныхъ силъ навсегда пребываетъ неслитнымъ, такъ какъ никакой порокъ не извращаетъ благочинія, то посему и душа, въ подражаніе онымъ силамъ, все *по чину и благообразно* дѣлая, такое возбуждаетъ къ себѣ удивленіе, какое бываетъ къ онымъ вчиненнымъ силамъ. Ибо значеніе слова: *ужасъ* толкуется словомъ: поразительность, подъ словомъ же: поразительность разумѣя удивленіе, непогрѣшаемъ противъ истины.

Но вслѣдъ за симъ читаемое изреченіе дѣлаетъ сомнительнымъ, какимъ лицомъ оно произнесено, и кому сказано: *отврати очи твои отъ мене, яко ти воскрилиша мя*. По мнѣнію нѣкоторыхъ Владыкою сказано это чистой душѣ, а я предполагаю, что гораздо приличнѣе изреченіе сіе приложить къ невѣстѣ. Ибо ей соотвѣтственнымъ нахожу смыслъ выражаемаго словомъ. И какъ мнѣ представляется это, изложу кратко. Во многихъ мѣстахъ богодухновеннаго Писанія, слышу, говорится, что у Бога есть крылья, по словамъ пророчества: *въ кровь крилу Твоею покрыши мя* (Пса. 16, 8.); и еще: *подъ криль Его надъпешися* (Пса. 90, 4.); такъ Моисей еще въ великой пѣсни описываетъ сіе, когда говоритъ: *простеръ криль Свои, и пріятъ ихъ* (Второз. 32, 11.); таково и сказанное Господомъ Іерусалиму: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ криль свои*
 Гр. Нисск. Ч. III. 25

(Матѣ. 23, 37.). Все же сіе, какъ скажетъ нный, смотря на связь рѣчи, недалеко отъ предлагаемой здѣсь мысли. Посему, если на какомъ либо таинственномъ основаніи богодуховенное слово о Божественномъ естествѣ опредѣляетъ, что у Него крылья, а первое устроеніе человѣка свидѣтельствуемъ, что естество наше сотворено по образу и подобію Божію; то конечно созданный по образу во всемъ былъ подобенъ первообразу. Но по священному Писанію первообразъ окриленъ. Посему и естество человѣческое уготовано было окриленнымъ такъ, что и въ крыльяхъ имѣло Божіе подобіе. Явно же, что именованіе крыль въ нѣкоемъ переносномъ образѣ возрѣнія взято будетъ въ какомъ либо богомѣрномъ смыслѣ, такъ что названіемъ крыль означаются сила, блаженство, нетлѣніе и подобное сему. И такъ, поелику было это и въ человѣкѣ, пока во всемъ уподоблялся Богу, но послѣ сего преклонность къ пороку лишила насъ таковыхъ крыль; ибо, ставъ внѣ крова крыль Божіихъ, утратили мы и собственныя свои крылья; то явилась посему Божія благодать, просвѣщающая насъ, чтобы, отложивъ нечестіе и мірскія похоти, снова окрилились мы преподобіемъ и правдою (Гит. 2, 12.). Посему, если не далеко это отъ истины, то прилично невѣстѣ признать благодать, явленную на ней очами Божіими. Ибо вмѣстѣ и Богъ

воззрѣлъ на насъ очами человеколюбія, и мы окрѣплились первобытною благодатию. Сіе-то, думаю, показываетъ слово въ сказанномъ, о чемъ молясь Давидъ въ шестнадцатомъ псалмѣ, говоритъ Господу: *очи Твои да видима правоты*, то есть мощи. Ибо продолжаетъ: *искусилъ еси сердце мое, послѣдилъ еси пощю: искусилъ мя еси, и не обрѣтеша во мнѣ неправда* (Пса 16, 2. 3.). Посему сказать: *очи Твои да видима правоты*, значить тоже, что—очи Твои да не усматриваютъ противнаго. Ибо кто видитъ прямое, тотъ не видитъ криваго; и кто не видитъ криваго, тотъ, безъ сомнѣнія, видитъ прямое. Посему изъятіемъ противоположнаго Пророкъ показываетъ доброе въ божественныхъ очахъ, которыми снова окрѣпляется душа, за преслушаніе первозданныхъ обезкрылѣвшая. Итакъ сіе уразумѣли мы изъ сказаннаго: когда очи Твои взираютъ на меня, тогда отвращаются отъ противнаго, потому что не увидятъ во мнѣ ничего сопротивнаго мнѣ. Отъ сего происходитъ, что отъ очей Твоихъ снова окрѣпляюсь, и за добродѣтели возвращаю себѣ крылья какъ бы голубицы (т), при которыхъ появляется у меня способность летать, такъ что могу и продолжить полетъ и упокоиться тѣмъ именно покоемъ, какимъ почилъ Богъ отъ дѣлъ Своихъ.

(т) Довдано по рукописи.

За сими словами слѣдуетъ опять описаніе невѣстинной красоты, при чемъ каждая черта, служащая къ полнотѣ красоты, величается въ словѣ какимъ либо приличнымъ уподобленіемъ. Ибо восхваляются—красота ея волосъ, положеніе зубовъ, цвѣтъ усть, сладость голоса, румянецъ ланитъ. Притомъ похвала всего поименованнаго у невѣсты восполняется какимъ либо приличнымъ сравненіемъ и сличеніемъ. Ибо волосы уподоблены стадамъ козъ, появившимся съ Галаада, а стада остриженныхъ, хвалящіяся двойнымъ приплодомъ, по уподобленію служатъ похвалою зубамъ; верви же червеной приравниваются уста, и обращеніемъ шипка украшаются ланиты. Буквально читается сіе такъ: *власи твои, яко стада козъ, яже въздоша отъ Галаада. Зубы твои, яко стада остриженныхъ, яже въздоша отъ купли, вси близнята родящии, и безчадныя нлсть въ нихъ: яко вервь червена устни твои, и беспда твоя красна: яко обращеніе шипка ланиты твоя, кромъ заломанія твоего.* Послику все сіе достаточно изслѣдовано въ сказанномъ доселѣ, то излишнимъ было бы дѣломъ рѣчь дѣлать скучною повтореніемъ тѣхъ же взглядовъ. Но если кто и теперь потребуеть слова о томъ же, то ради неслышавшихъ прежнихъ объясненій на реченія сіи, кратко перескажемъ значеніе загадокъ. Волосы на тѣлѣ имѣютъ свое особое отъ прочаго тѣла естество. Когда

всему тѣлу служить сила чувствующая, безъ которой и естество жизни невозможно, потому что чувствованіе есть тѣлесная жизнь; видимъ, что одни волосы, составляя часть тѣла, не имѣютъ части въ чувствительности. Особенность же сія въ этой части тѣла доказывается тѣмъ, что волосы, ни при жженіи, ни при рѣзаніи, не чувствуютъ боли, подобно другимъ частямъ тѣла. Итакъ поелику, по слову Павлову, слава женѣ — волосы (1 Кор. 11, 15.), украшающіе голову плетеніями; то похвалою волосъ у невѣсты научаемся, что власамъ, усматриваемымъ на главѣ невѣсты, которыми славится Церковь, надлежитъ быть совершеннѣйшими чувствъ, мудростію прикрывать чувство, какъ и притча говоритъ: *премудрїи скрываютъ чувство* (Прит. 10, 14.). У нихъ не зрѣніе служитъ въ отличеніи хорошаго, не вкусомъ извѣдывается доброе, не обонянію, не осязанію, не другому какому чувствилищу ввѣряется судъ о прекрасномъ напротивъ того, по умерщвленіи всякаго чувства, одною душою касаются и вождѣлѣваютъ они благъ, представляющихся мысленно, и такимъ образомъ прославляютъ жену—Церковь, ни почестями не надмѣваясь, ни отъ малодушія не теряя духа въ обстоятельствахъ скорбныхъ; но хотя бы стали рѣзать за вѣру во Христа, хотя бы повергли звѣрямъ или въ огонь, хотя бы заставили

терпѣть другое что скорбное, при испытаніи мученій показываютъ видъ безчувственности волосъ. Таковъ былъ Илія, пришедшій изъ Галаада въ поросшемъ волосами и изсохшемъ тѣлѣ, покрытый козьею кожею, неустрашаемый никакими угрозами мучителя. Посему всѣ тѣ, которые, изъ подражанія великодушію сего Пророка, стоятъ выше всего міра, лишени, скорбяще, озлоблени, въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, ихже не достоинъ міръ (Евр. 11, 37. 38.),— всѣ они, какъ бы въ видѣ стада, видимые окрестъ Главы всяческихъ, дѣлаются славою Церкви, вмѣстѣ съ обитателемъ Галаада восходя къ небесной благодати.

Животное же коза взято въ похвалу волосамъ, можетъ быть, или потому что по естественному свойству животное сіе устроено способнымъ къ пронзаченію волосовъ, такъ что, по природѣ обросши волосами, служитъ оно загадочнымъ знакомъ красоты въ волосахъ, или потому что коза не скользя ходитъ по скаламъ, носится по вершинамъ горъ, смѣло совершаетъ путь по непроходимымъ и обрывистымъ стезямъ, что весьма примѣнимо къ преуспѣвающимъ на негладкомъ пути добродѣтели. А съ большимъ правомъ, можетъ быть, иной скажетъ: козы служатъ въ похвалу главѣ, потому что животное сіе законодателемъ взято во многихъ случаяхъ на законное священно-

служеніе. А я знаю, что въ загадочныхъ сказаніяхъ притчи между четырьмя, *яже благопо-сплышно ходятъ*, считается одно животное, *еже добръ проходитъ*, и это — *козелъ предводитель стаду* (Прит. 30, 29. 31.). Гадательно же разумѣемъ подъ симъ слѣдующее. Всякое промышленное занятіе, начинаемое однимъ, передается отъ него многимъ. Такъ Писаніе, назвавъ *Θовела* изобрѣтателемъ искусства ковать, къ нему возводитъ знаніе всѣхъ, послѣ него усвоившихъ себѣ обработку желѣза. Такъ въ пастушествѣ первымъ былъ *Авель*, а въ земледѣліи *Каинъ*; *Неврода* Писаніе называетъ начальникомъ въ охотничьемъ дѣлѣ, а *Ноя* — въ воздѣлываніи винограда, объ *Эносѣ* говоритъ, что началъ уповать на Бога (Быт. 4, 26.). И много подобныхъ свѣдѣній можно почерпнуть въ святомъ Писаніи о томъ, кто одинъ полагалъ чему либо начало, и дѣло по подражанію входило въ жизнь. Такъ, поелику *Илія* по преимуществу былъ примѣромъ въ самой высокой степени божественной ревности, то и всѣ, которые послѣ него, подражая его ревности, шли по тѣмъ же слѣдамъ дерзновенія пророкова, содѣлались стадомъ предводительствовавшего въ такой жизни; и они-то составляютъ славу и похвалу Церкви, замѣнивъ собою красоту волосовъ, которымъ не свойственна и чужда жизнь чувствъ.

Подобными симъ качествами наполняетъ

Слово похвалу и зубамъ. Ими могутъ быть тѣ, которые питаютъ собою тѣло Церкви; и ихъ-то желаетъ оно видѣть всегда чистыми, какъ бы только что вышедшими изъ купѣли, никогда немѣющимися излишества въ волосахъ, какъ послѣ недавняго остриженія, но по приплоду добродѣтелей двосплыми, отцами сугубой чистоты, усматриваемой и въ душѣ и въ тѣлѣ, такъ что быть перодицами всего лучшаго есть нѣчто невозможное для сихъ зубовъ.

Верь же, положенная на устахъ, загадочно даетъ разумѣть мѣрное служеніе слову, что Пророкъ называлъ храненіемъ и дверью огражденія (Пса. 140, 3.), когда уста во время отверзаются, и во время закрываются для слова. А что вервь—наименованіе мѣры, дознали мы сіе изъ пророчества Захаріи. *Глаголюй* въ немъ *Ангелъ* имѣлъ въ рукахъ *уже земельно* (Зах. 2, 13.). Слово же тогда наипаче бываетъ въ мѣру, когда прикрашено стыдливымъ румянцемъ, что служитъ загадочнымъ знакомъ крови Искупившаго насъ. Если кто, подобно Павлу, имѣетъ *глаголющаго* въ себѣ *Христа* (2 Кор. 13, 3.), Своею кровію искупившаго насъ, то онъ имѣетъ *уже земельно* на устахъ, украшенное тѣмъ, что оно кроваваго цвѣта.

Слѣдующее за симъ слово есть истолкованіе прежней загадки. Ибо *красною бесѣдою* име-

нуетъ Слово *червленую вервь*, чѣмъ опять означаетъ благовременность (у) и соразмѣрность. Въ точности прекрасное и появляющееся именно въ свое время, не бываетъ ни преждевременнымъ, ни безвременнымъ. *Обращеніемъ* же *шипка* украшая яблоко ланиты, свидѣтельствуешь о нѣкомъ великомъ усовершеніи невѣсты въ добрѣ; ибо даетъ знать, что не въ иномъ чемъ уготовано для нея сокровище, но что сама для себя служить сокровищемъ, и въ себѣ содержитъ приуготовленіе всякаго добра. Ибо какъ въ *обращеніи* заключается все, что въ шипкѣ есть снѣднаго, такъ видимою красотою жизни показывается, что внутри ея заключается сокровище. Оно-то и есть тайное сокровище надеждъ, этотъ собственный плодъ души, содержимый въ доблестной жизни, какъ въ *обращеніи* какомъ *шипка*. Сказанное же: *кромя замолчанія твоего*, по моему мнѣнію, такой имѣетъ смыслъ: похвала тебѣ не столько слагается изъ видимаго, изъ того, что указывается словомъ, но паче изъ того, что покрыто молчаніемъ, избѣгая указанія словомъ. Ибо какъ подъ молчаніемъ разумѣется, что внѣ слова, такъ не погрѣшитъ, кто подъ словомъ разумѣетъ, что внѣ молчанія. Ибо умалчиваемъ то, чего не можемъ объявить словами. По-

---

(у) По рукописи читается: τὸ καθ' ὅρον.

сему, если что внѣ слова, то разумѣется какъ молчаніе, непременно слѣдуетъ, что внѣ молчанія, то признавать словомъ. Слѣдовательно сказавшій: *кроль замолчанія твоего*, ясно выражаетъ словомъ слѣдующее: хотя прекрасно и велико и то, что можетъ быть изображено словомъ, что *кроль замолчанія твоего*; однакоже, что внѣ слова, покрывается молчаніемъ, неизреченно и неизразимо, то, безъ сомнѣнія, удивительнѣе высказываемаго.

Но выслушаемъ и продолженіе похвалъ; ихъ смыслъ подобенъ извѣстному въ бытописаніи кладязю, у котораго нѣкій камень, заграждая устье, для приходящихъ со стадами дѣвъ воспользоваться водою дѣлаетъ невозможнымъ; но Іаковъ, воставъ отваливаетъ камень отъ устья, и изъ чего поили скоть, то, наполнивъ водою, даетъ овцамъ въ волю насладиться влагой. Посему что же унодобляемъ такому кладязю? *Шестьдесятъ суть царицѣ, и осмьдесятъ наложницѣ, и юнотѣ, и мже нсть числа. Едина есть ю.любица моя, совершенная моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю.* И такъ кто же отвалить намъ камень этой неясности? Кто почерпнетъ воду понятій, стоящую на такой глубинѣ, что она недоступна нашему разуму? Но всего лучше, кажется мнѣ, засвидѣтельствовать вашему слуху, что знать сіе возможно тѣмъ однимъ, которымъ говорить Апостоль: *во всемъ обогатитесь, во всякомъ*

словъ и всякомъ разумъ (1 Кор. 1, 5.). А наша нищета не въ состоянїи обнять предлагаемыхъ въ словѣ сокровищъ. Впрочемъ, чтобы не подпасть обвиненїю въ недѣятельности, ради Вмѣнившаго намъ въ законъ испытывать Писанїя (Іоан. 5, 39.), не полѣнимся и надъ симъ пролить хотя нѣсколько пота. Посему говоримъ, что заключающееся въ словахъ сихъ любомудрїе въ похвалахъ невѣстѣ предлагаетъ намъ нѣкое тонкое ученїе. И ученїе сіе таково. Не въ той же послѣдовательности и не въ томъ же порядкѣ существа созидаются и возсозидаются. Когда естество твари первоначально приводимо было въ бытїе Божїею силою, въ каждомъ существѣ неразрывно съ началомъ связуемъ былъ и конецъ, потому что все, пришедшее изъ небытїя въ бытїе, совокупно съ началомъ получило и совершенство. Но и человѣческое естество есть одно изъ сотворенныхъ, и оно, по подобїю другихъ тварей, не постепенно приходило къ совершенству, а съ самаго начала бытїя имѣло въ себѣ совершенство, съ какимъ было создано; приведено же въ бытїе, какъ говоритъ Писанїе, *по образу и по подобїю Божїю* (Быт. 1, 26.); что показываетъ самое высшее и совершеннѣйшее изъ благъ. Ибо можно ли найти что выше уподобленїя Богу? Такъ въ первой твари неразрывно съ началомъ виденъ сталъ и конецъ, и естество начало свое бытїе со-

вершенствомъ. Но тогда, по тѣсной связи съ порокомъ освоившись съ смертію, удалилось оно отъ пребыванія въ добрѣ; тогда не вдругъ воспріемлетъ совершенство, подобно первому составу, но нѣкимъ путемъ доходитъ до высшаго состоянія. съ какою-то послѣдовательностію и порядкомъ, по немногу истребляя въ себѣ пристрастіе къ противоположному. Ибо при первомъ устроеніи ничто не препятствовало совершенству естества сойдтись съ вступленіемъ въ бытіе, потому что небыло грѣха. А при вторичномъ возсозданіи возвратное слѣдованіе къ первоначальному благу необходимо сопровождается продолжительнымъ переходомъ. Почему сердце наше, по причинѣ порока связанное вещественнымъ пристрастіемъ, какъ бы вырываясь отъ нѣкоторой лежащей на немъ коры, по немногу очищаясь болѣе исправнымъ поведеніемъ, отрѣшается отъ связи съ худшимъ. Посему-то научены мы, что у Отца *обители многи зуть* (Іоан. 14, 2.), потому что всѣмъ уготовано воздаяніе, каждому по мѣрѣ склонности его къ хорошему и удаленія отъ худаго. Ибо иной едва начинаетъ вкушать лучшую пищу, какъ бы возникнувъ только изъ нѣкоей глубины порочной жизни для пріобщенія истины; а у другаго, по его рачительности, произошло уже нѣкое приращеніе лучшаго; другой возросъ наиболѣе вожделѣніемъ благъ; а кто держится средняго

восхождения на высоту; иной же перешелъ уже и за средину; нѣкоторые же и сихъ превысили собою, а иные опередили и послѣднихъ; другіе же и далѣе ихъ простираются въ теченіи къ горнему. И совершенно согласно съ многообразнымъ различіемъ произволеній приесть Богъ каждаго въ собственномъ его чинѣ, всѣмъ удѣляя, кто чего достоинъ, награды благами соединяя во едино для высшихъ, и соразмѣряя для нисшихъ. И по нашему разумѣнію сіе самое любомудренно излагаетъ Слово въ предложенныхъ изреченіяхъ, раздѣльно представляя намъ въ сказанномъ различіе душъ, взирающихъ на Жениха. Ибо однѣ называютъ *юнотами*, а именно тѣ, которыя множествомъ превзошли возможность выразить ихъ числомъ; объ иныхъ говорить, что онѣ *наложницы*, а объ иныхъ, что онѣ *царицы*. Число наложницъ опредѣливъ осмидесятью, и сказавъ, что число царицъ простирается до шестидесяти, выше всѣхъ ставитъ въ одиночествѣ усматриваемую совершенную голубицу, о которой выражается, что она *едина есть матери своей, избрана есть родившей ю*. Итакъ божественными сими изреченіями приводимся къ той мысли, что одни, едва освободившіеся изъ какой-то во глубинѣ сокрытой утробы прелести, будучи еще новорожденными и неспособными членораздѣльно произнести слово, не по разуму соглашаясь на принятіе вѣры, усматриваются

въ безчисленномъ множествѣ. Они увѣровали, что слово тайства спасительно, содержа въпрочемъ въ себѣ истину, неутвержденную на какомъ либо знаніи и на несомнѣнности, почерпнутой въ Писаніи. Это—такъ названныя *юноты*, потому что проходятъ юный духовный возрастъ; рожденныя словомъ вѣры, еще не сдѣлались онѣ по надлежащему возрастанію такими, чтобы придти въ зрѣлость для брака, достигнуть въ мужа совершенна въ мѣру брачнаго возраста, и быть въ состояніи зачать во чревѣ страхъ Господень и породить духъ спасенія, напротивъ того по младенчеству и несовершенству еще разумнѣя живутъ какъ бы съ неразумнымъ расположеніемъ. Впрочемъ и онѣ въ числѣ спасаемыхъ, какъ говорить Пророкъ: *человѣки и скоты спасеши Господи* (Иса. 35, 7.), скотами называя неразумную часть спасаемыхъ.

А въ тѣхъ, которые при надлежащемъ попеченіи возрасли разумнѣемъ, и оставили уже дѣтство, по указанію слова узнаемъ двойное различіе. Ибо сотѣлесниками Слову бываютъ тѣ и другія души; но однѣ прилѣпляются съ какимъ-то расположеніемъ пламенной любви, каковы были душа Давидова и душа Павлова, изъ которыхъ одна говоритъ: *лишь же прилѣплятся Богови благо есть* (Иса. 72, 28.), а другая: *никто неразлучитъ насъ отъ любви Христовой, ни животъ, ни смерть, ни настоя-*

щая, ни грядущая, ни что другое изъ существующаго (Рим. 8, 35. 38. 39.). Другія же души по страху наказанія избѣгаютъ прелюбодѣйныхъ искушеній. Ибо и онѣ пребываютъ въ нерастлѣннн и святынѣ, но наставляемыя болѣе страхомъ, нежели одною любовію, недопускаютъ до себя худаго. Посему тѣ, которыя при болѣе совершенномъ расположеніи, любовію къ нерастлѣннн вошли въ единеніе съ Божіею чистотою, по общенію въ царствѣ именуется *царицами*; а тѣхъ, которыя по страху угрозы трудятся въ добродѣтели, слово называетъ *наложницами*. Ибо ни одна изъ нихъ не въ состоянн сдѣлаться матерью царя и сообщницею въ санѣ. Ибо какъ было бы сіе возможно душѣ, которая не восприняла еще въ себя неподчиненности и самовластія доблестнаго образа мыслей, но рабскимъ страхомъ удерживается отъ общенія съ зломъ? А примѣромъ сказаннаго о царицахъ служить подобіе ихъ сподобившимся стоянн одесную, которымъ царь говоритъ: *прїидите благословеннн Отца Моего, насльдуите уготованное вамъ царствіе* (Матѣ. 25, 34.). Ко второму и нижнему чину принадлежатъ тѣ, которымъ Господь говоритъ: *убойтеся илнцаго власть по убіеннн вовреци въ дебрь огненнн* (Лук. 12, 5.). Такое различіе двухъ чиновъ, кажется мнѣ, загадочно даетъ видѣть и разность въ числахъ. Почему говорю это? Шестъ заповѣ-

дей, за исполненіе которыхъ царствіе Божіе уготовляется деснымъ. Представимъ себѣ, что каждая изъ нихъ есть владычній талантъ, который доброму и вѣрному рабу надлежитъ удесятерить въ дѣланіи, чтобы такимъ образомъ, въ маломъ оказавшись вѣрнымъ, и будучи поставленнымъ надъ многими, войти въ радость Господа своего. Итакъ, если за сіи шесть заповѣдей бываетъ въ душѣ общеніе царства; совершенство же дѣланія каждой изъ заповѣдей состоитъ въ томъ, чтобы удесятерить ее, какъ сказалъ добрый оный рабъ: одинъ твой талантъ приобрѣлъ десять талантовъ; то въ слѣдствіе сего находимъ, что до шестидесяти возрастаетъ одна царица, за десятикратно взятое исполненіе шести заповѣдей приемимая въ общеніе царства, такъ что одна, раздѣленная, по многообразному отличительному свойству заповѣдей, на части, и въ каждомъ преспѣяніи получившая свой особенный образъ, обращается во многія. Посему такъ на шестьдесятъ царицъ дѣлится одна, будучи раздѣляема по родамъ заповѣдей, и участницею царства Христова дѣлается невѣста, одна обратившаяся въ цѣлое племя царицъ, исчисленная по столь многимъ достоинствамъ относительно къ заповѣдямъ,

Если же не безъ основанія принята нами эта мысль, что шесть заповѣдей, до десятикратности воздѣланныя въ одной душѣ, зага-

дочно означаются шестидесятью царицами ; то въ слѣдствіе сего скажемъ, что въ подобномъ загадочномъ смыслѣ осьмидесятью изображается тайна о *осьмой* (Пса. 6, 11.), взирая на которую, руководимые страхомъ удерживаются отъ общенія съ зломъ. Ибо такъ дознали мы въ псалмопѣніяхъ, въ надписаніи которыхъ стоитъ слово: *осьмая*, гдѣ ясно слышны воли наказуемыхъ, по страху ожидаемаго преклоняющіе слухъ Судіи на милость. Ибо обращающій взоръ къ *осьмой* говоритъ страшному Судіи: *Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеша мене. Помилуй мя Господи, яко немощенъ есмь: исцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя* (Пса. 6, 2. 3.),—и что въ слѣдъ за симъ продолжается въ прошеніи неподкупному Судіи, гдѣ молящійся сѣтуеть, что въ смерти нѣтъ памятованія о Богѣ (6.). Ибо осужденнымъ на плачь и скрежетъ зубовъ возможно ли находить веселіе въ памятованіи о Богѣ? Между тѣмъ такъ говоритъ Пророкъ въ другомъ мѣстѣ: памятованіе о Богѣ производитъ веселіе (Пса. 76, 4.). Сіе-то и иное нѣчто подобное сему взывая Богу, убоявшійся осьмой приходитъ въ ощущеніе пріобщенія милости, говоря: *яко услыша гласъ плача моего* (Пса. 6, 9.). А какъ въ священномъ Писаніи много показано блаженныхъ страховъ; то, сходно съ сказаннымъ

о шести заповѣдяхъ, возможно будетъ и ихъ десятикратное приумноженіе, такъ что наученный псалмопѣніемъ, какъ преуспѣваетъ страхъ Господень, если уклониться *отъ зли* и сотворить *благо* (Иса. 33, 15.), какъ нѣкій мнасъ, или талантъ, удесятеритъ дѣлаціемъ достояніе страха Божія. И такимъ образомъ второе послѣ царицы мѣсто занимающая душа, которая дѣлаетъ добро по страху, а не по любви, возводится до числа осьмидесяти; каждый родъ преслѣній, совершаемыхъ по страху, показываетъ она въ жизни своей неслитно и не скрытно; такъ что понятіе и о сей осьмой расширяется возрастаніемъ до десятикратности, и душа, приступающая къ добру по рабскому страху, а не по невѣстной любви, дѣлается вмѣсто царицы наложницею, страхомъ *осьмыи*, до десятикратности увеличеннымъ преслѣніями, пришедши въ число: *осьмидесяти*. Ей, послужившей на время (Ф) незаконному и неблагогородному рожденію, по сказанію исторій, повелѣвается не до конца жить вмѣстѣ съ царицею, такъ какъ рабскому роду нѣтъ царскаго наслѣдія наравнѣ съ свободно рожденнымъ. Сказано: *изъмени рабу, и сына ея: не имать бо наслѣдовати сынъ рабыни съ сыномъ свободныя* (Гал. 4, 30.). Если же кому взглядъ

(Ф) По рукописи читается: *πρός κείρον*.

сей на представляемое въ разсматриваемыхъ изреченіяхъ число кажется принужденнымъ, то пусть вспомнить, что въ началѣ засвидѣтельствовали мы о невозможности достигнуть въ этомъ истины, и о намѣреніи коснуться сего съ такою только цѣлю, чтобы иносказанія сіи небыли вовсе оставлены безъ приложенія къ нимъ нашего труда.

Впрочемъ, если по написанному: *совершенство любви возъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4. 18.); то пусть и страхъ претворившись сдѣлается любовію. Спасаемое оказывается тогда единицею по взаимномъ между собою соединеніи всѣхъ въ сродствѣ съ единымъ благомъ, въ слѣдствіе совершенства, какое есть въ голубицѣ. Ибо подобное нѣчто разумѣемъ въ слѣдующемъ словѣ, которое говоритъ: *едина есть голубица Моя, совершенная Моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю.* А это яснѣе истолковано въ евангеліи Господнимъ словомъ. Ибо, благословеніемъ вложивъ въ учениковъ Своихъ всякую силу, и нныя блага даруетъ святымъ произнесеніемъ словъ ко Отцу, присовокупляетъ же, какъ главизну благъ, — то, чтобы они, и при какомъ либо различіи произволеній, не дѣлились болѣе въ сужденіи о добромъ, но все пребывали едино, соединенные единымъ и единственнымъ благомъ, такъ чтобы при единствѣ Святаго Духа,

какъ говоритъ Апостоль, связуемые союзомъ мира, всѣ содѣлывались единымъ тѣломъ и единымъ духомъ, *въ единолѣзъ упованіи, якоже звани* (Ефес. 4, 3. 4.). Но лучше буквально предложить божественныя изреченія евангелія. *Да вси едино будутъ: яко же Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи едино будутъ* (Іоан. 17, 21.). А связующимъ въ единеніе сіе есть слава. И что славою называется Духъ Святой, сему не будетъ противорѣчить никто изъ людей разборчивыхъ, обративъ вниманіе на собственные слова Господа. Ибо говоритъ: *славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ* (22.); потому что дѣйствительно далъ ученикамъ такую славу Сказавшій имъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 22.). Пріялъ же сію славу, которую всегда имѣлъ, *прежде міръъ небысть* (Іоан. 17, 5.), облекшійся въ естество человѣческое, по прославленіи котораго Духомъ совершается всему сродственному раздаяніе славы Духа, начавшись съ учениковъ. Посему говоритъ Господь: *славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмь. Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ: да будутъ совершени во едино* (22. 23.). Посему, кто возрастаніемъ пзъ младенца пришелъ въ мужа совершенна, и достигъ въ мѣру умственнаго возраста, изъ рабы и наложницы пріялъ на себя санъ царицы, по безстрастію и чистотѣ содѣлался достойнымъ причаститься славы Духа, тотъ есть

совершенная голубица, на которую взираетъ Женихъ, говоря: *едина есть голубица Моя, совершенная Моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю.* Конечно же, узнавая дерево по плоду, не незнаемъ и мать голубицы. Какъ, увидѣвъ чловѣка, не сомнѣваемся, что онъ отъ чловѣка: такъ, и отъ-искивая мать избранной голубицы, уразумѣли мы не иную какую, какъ оную Голубицу. Ибо въ чадѣ безъ сомнѣнiя усматривается естество родившаго. И такъ, поелику *рожденное отъ духа, духъ есть* (Іоан. 3, 7.), а чадо есть голубица; то конечно и мать чада — также голубица, слетѣвшая съ небесъ на Іорданѣ, какъ говоритъ и свидѣтельствуеть Іоаннъ. Ее ублажаютъ *юноты*, ее восхваляютъ *наложницы* и *царицы*; потому что всѣмъ душамъ всякаго чина предлежитъ общій путь къ таковому блаженству. Посему говорятъ: *видѣша ю дщери, и ублажиша ю, наложницы и царицы восхвалиша.* А всякому естеству свойственно простираться пожеланiемъ къ блаженному и похвальному. Поэтому если дщери ублажаютъ голубицу; то, конечно, и сами вождѣлѣваютъ стать голубицами. И то, что восхваляется голубица наложницами, служить знакомъ, что и онѣ имѣютъ раченiе о восхваляемомъ, пока (такъ какъ всѣ содѣлаются едино, будутъ имѣть въ виду одну и ту же цѣль пожеланiя, ни въ комъ не останется

никакого порока) nebudeтъ Богъ всяческая во всѣхъ, взаимнымъ между собою единеніемъ срастворенныхъ въ общеніи блага, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава, и держава, во вѣки вѣковъ! Аминь.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

СТРАН. СТРОК.

35	4	сн. сподобились по благодати	сподобились испытывать
		испытывать	
—	6	— Духа, Котораго	Духа, по благодати Котораго
43	11	— Хотя когда кто	Хотя кто
62	2	св. <i>народъ</i>	<i>нардъ.</i>
68	5	— не безвѣстно	не безизвѣстно
92	8	сн. у него	у нея
96	6	— притокомъ	притокамъ
160	11	св. съ этого	съ этою
175	7	сн. и въ признаніи	въ признаніи
184	11	св. чуждое	чудное
197	13	— которую	которою
198	9	— румянцѣ	румянцемъ
206	2	— пышность не только	не пышность только
216	13	— наслажденіемъ	наслажденіе
257	7	— потому что	потому что
268	4	сн. въ Божественное;	въ Божественномъ;
294	11	св. благопріятный—съ цѣлю	благопріятный, согласный съ цѣлю
321	9	— <i>твоя.</i>	<i>твоя,</i>
334	3	— къ совершенству души ,	къ совершенству, души дѣвы
		дѣвы	
387	8	сн. <i>Твоего</i>	<i>Твоею</i>
398	14	— какъ бы вырываясь	какъ бы

СО ДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(часть III.)

	страниц.
Точное изъясненіе Пѣсни пѣсней Соломона. . . .	1—408
